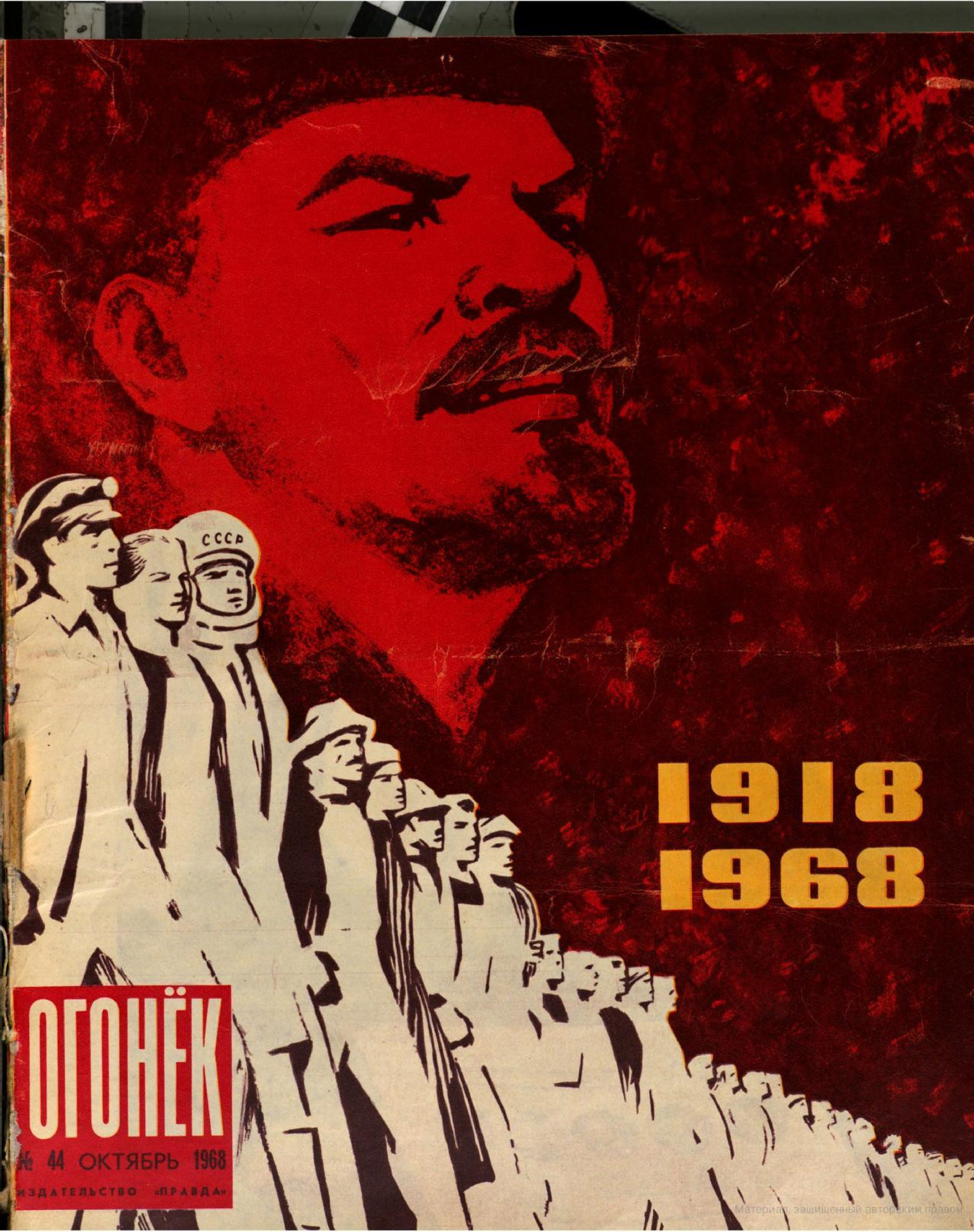

СССР
1918
1968
ОГОНЁК
№ 44 ОКТЯБРЬ 1968
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ГОРЯЧИЙ ПРИВЕТ И СЕРДЕЧНЫЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ КОМСОМОЛЬЦАМ И КОМСОМОЛКАМ, ВСЕМ ЮНОШАМ И ДЕВУШКАМ В ДНИ СЛАВНОГО ЮБИЛЕЯ ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ!

Из «Призывов ЦК КПСС к 51-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции».

50-летию Ленинского комсомола, верного помощника и резерва Коммунистической партии, передового отряда молодых строителей коммунизма, посвящается этот номер.

Сто миллионов советских людей за полвека получили идейную, боевую и трудовую закалку в рядах ВЛКСМ. Сто миллионов — и Николай Островский. Сто миллионов — и Олег Кошевой. Сто миллионов — и Юрий Гагарин. Сто миллионов — и эта школьница из города Комсомольска — Оля Туранова, за прием которой в комсомол голосуют ее друзья.

Учиться коммунизму! — эту задачу выдвинул В. И. Ленин перед комсомольцами на III съезде РКСМ. «Огонек» рассказывает о том, как выполняла и выполняет ленинский завет молодежь нашей страны.

Интервью «Огонька»

УЧИТЬСЯ КОММУНИЗМУ!

Е. М. ТЯЖЕЛЬНИКОВ,
первый секретарь ЦК ВЛКСМ

ВОПРОС. На Третьем съезде комсомола В. И. Ленин говорил, что основная задача союзов молодежи состоит в том, чтобы учиться коммунизму. Как выполняется эта задача молодежью шестидесятых годов?

ОТВЕТ. Сорок восемь лет прошло с тех пор, как Владимир Ильич Ленин произнес историческую речь перед посланцами молодежи Республики Советов. Эти годы по событиям богаче многих столетий. Но ленинская речь, произнесенная в то время, когда мир еще не знал Алексея Стаханова, Зою Космодемьянскую, Юрия Гагарина,— эта речь звучит сегодня так же актуально и остро, как и прежде. Эта речь — программный документ для всех поколений комсомольцев, для сегодняшней советской молодежи.

Ленинский лозунг — учиться коммунизму! — тогда, в 1920 году, мог показаться не очень актуальным и преждевременным даже для многих из тех, кто считал себя знатоком России и революции. Ведь это говорилось в голодной, холодной, отбивающейся от целой своры врагов стране. История доказала, насколько был прав Владимир Ильич. Это доказали первые комсомольцы, которые постигали марксизм-ленинизм на практике, их коммунистические убеждения закалялись в горниле гражданской войны, на коммунистических субботниках, на восстановлении разрушенной и разграбленной страны. Поколения Николая Островского, Алексея Стаханова, Зои Космодемьянской и Юрия Гагарина убедительно продемонстрировали, что они крепко и глубоко усвоили коммунистическую науку самоотверженной борьбы и труда. За полвека три миллиона юношей и девушек по комсомольским путевкам пришли на самые трудные и сложные участки коммунистического строительства. Во время Великой Отечественной войны семь тысяч воспитанников комсомола были удостоены звания Героя Советского Союза.

Трудно переоценить ту громадную работу, которую проделал комсомол за полвека. Сто миллионов человек получили политическое, гражданское, трудовое, нравственное воспитание в комсомоле. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев на XV съезде ВЛКСМ сказал: «Спросите сейчас любого государственного или общественного деятеля, ученого или хозяйственника, героя труда или ветерана войны, почти каждый скажет: я прошел школу комсомола».

Учиться коммунизму — это наиболее концентрированное и яркое выражение основной задачи, исторического призвания комсомола. Эту свою главную задачу ВЛКСМ выполняет под руководством Коммунистической партии Советского Союза. Комсомол призван помогать нашей партии воспитывать молодежь в духе коммунизма, вовлекать ее в практическое строительство нового общества, готовить поколение всесторонне развитых людей.

Как учиться коммунизму? Владимир Ильич подчеркивал, что это вовсе не теоретический вопрос. Это не только сумма знаний, это труд и борьба, освещенные, одухотворенные, обогащенные знаниями. Знания без повседневной и всесторонней работы не могут стать фундаментом коммунистических убеждений. Работа, не осмысленная социально, не понятая как вклад в общенародное созидание коммунизма, не даст человеку ни радости, ни удовлетворения, а значит, не даст ему всех духовных богатств, которые несет с собой коммунизм. Учиться коммунизму — значит воспитывать молодежь на великих идеях марксизма-ленинизма, на героических традициях революционной борьбы, на примерах самоотверженного труда рабочих, колхозников, интеллигенции, вырабатывать и укреплять у молодого поколения классовый подход ко всем явлениям жизни.

Ударные комсомольские стройки, студенческие строительные отряды, общественные конструкторские бюро, «Комсомольский прожектор» — школа коммунистического отношения к труду, тот путь созидания нового общества и становления личности, где коммунистическая теория и повседневная практика неразделимы.

Учиться коммунизму для нынешнего поколения комсомольцев прежде всего означает строить коммунизм.

У истоков... Делегаты I Всероссийского съезда союзов рабочей и крестьянской молодежи. Москва, октябрь 1918 года.

Готовясь к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, молодежь активно изучает труды вождя революции. Широкое распространение получили ленинские зачеты как действенная форма изучения марксистско-ленинской теории, воспитания личной ответственности за строительство коммунистического общества. Будет проведен Всесоюзный ленинский урок и ленинский зачет. Пятый Всесоюзный поход по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа пройдет по маршрутам, связанным с именем Ленина, с жизнью и деятельностью его ближайших соратников, и закончится этот поход на родине Владимира Ильича — в Ульяновске.

Форм и методов воспитательной работы много, но мы всегда помним ленинский завет о том, что никакое книжное знание не воспитает молодого человека настоящим коммунистом, если теория не будет слита воедино с повседневным трудом на общее благо, если молодой человек не осознает своего места в коммунистическом строительстве.

ВОПРОС. Юность — это время выработки убеждений, становления мировоззрения. Расскажите, пожалуйста, об идеологической работе комсомола.

ОТВЕТ. Идеологическая работа приобретает сейчас первостепенное значение. Нынешнее поколение комсомольцев не прошло той суровой жизненной школы испытаний, которая выпала на долю комсомольцев двадцатых или сороковых годов. Современные молодые люди не были участниками тех ожесточенных открытых классовых боев, в которых складывались убеждения, вырабатывалось мировоззрение их отцов и дедов.

Но классовая борьба между социализмом и капитализмом не исчезла, наоборот,— обострилась. Только продолжается она не на баррикадах и не на полях сражений, а в области идеологии.

Мы уверены, что наши враги потерпят поражение и на идеологическом фронте точно так же, как на фронтах военных и экономических. За нами — правда истории, законы развития общества. Но мы должны учитывать, что империалистическая пропаганда бросается в массированную идеологическую атаку против молодежи стран социализма. Буржуазные радио и печать то грубо и цинично, то вкрадчиво пытаются посеять в молодых душах семена нигилизма, аполитичности. Поэтому воспитание у молодежи коммунистической убежденности, классовой непримиримости к врагам социализма приобретает сегодня особое значение.

Сейчас каждый второй комсомолец имеет высшее или среднее образование. Если к тому же учесть, что пять с половиной миллионов членов ВЛКСМ — школьники, то станет понятно, что большинство комсомольцев — люди высокообразованные. Поэтому коммунистическое воспитание молодежи должно вестись на высоком теоретическом уровне.

Комсомольские организации стремятся строить свою работу на научной основе. Сейчас при ЦК ВЛКСМ работает социологическая группа, подобные группы на общественных началах есть при многих ЦК ЛКСМ союзных республик, крайкомах и обкомах комсомола. При ряде научно-исследовательских институтов и высших учебных заведений созданы секторы и лаборатории, изучающие молодежные проблемы.

В последнее время ЦК ВЛКСМ совместно с Академией наук СССР и Министерством высшего и среднего специального образования СССР провел научно-теоретическую конференцию «Социализм и молодежь». Во многих республиках, краях и областях состоялись научные симпозиумы и семинары, на которых рассматривались вопросы коммунистического воспитания.

Принимаются меры по улучшению подготовки комсомольских кадров. При ЦК ВЛКСМ будет создана Высшая комсомольская школа. Действует ряд зональных комсомольских школ. Комсомольские работники будут учиться в Высшей партийной школе при ЦК КПСС, в зональных высших партийных школах.

ВОПРОС. ВЛКСМ имеет славную историю, которую писали все поколения комсомольцев. Естественно, что перед каждым поколением вставали новые задачи, оно рождало своих героев, формировало комсомольский характер. Какие новые черты характера в облик комсомольца внес наш молодой современник?

ОТВЕТ. Таких черт можно назвать много. Высокая образованность, возрастающая трудовая и общественно-политическая активность и, наверное, десятки других качеств, которые воспитывает в людях наш социалистический строй, наше динамичное время. Но если бы писатели, драматурги, киносценаристы, создавая образ современного молодого человека, ограничились одними этими новыми качествами, они не смогли бы передать истинный облик комсомольца шестидесятых годов. К сожалению, некоторые наши литераторы допускают такую ошибку.

Да, сегодня кругозор юношей и девушек широкий, образовательная и профессиональная подготовка высокая. Они работают на современных заводах, управляют машинами, о которых строители первых пятилеток могли только мечтать. Их интересуют проблемы освоения космоса, управления термоядерной реакцией...

Но при всем этом молодежь хорошо помнит, как создавалась в течение полувека наша социалистическая действительность. И разве не живет энтузиазм строителей первых пятилеток в делах ударных комсомольских строек наших дней? Недавно мы узнали о подвиге молодого коммуниста, воспитанника комсомола Юрия Андреева, комсомольцев Евгения Махотина и Петра Казарина, пожертвовавших своею жизнью ради спасения мирных жителей братской Чехословакии. Разве, читая об этом, мы не вспомнили героев-комсомольцев Великой Отечественной войны?

Герои не умирают, их подвиги не проходят бесследно, они становятся достоянием новых поколений. И дело тут не только в крепкой памяти, а в единстве целей, интересов, мировоззрения советских людей разных возрастов. Коммунистическая убежденность, патриотизм, революционная романтика, оптимизм — эти и другие качества первых комсомольцев стали неотъемлемыми чертами характера современной молодежи. История никогда еще не знала такого глубокого единства и революционной преемственности поколений.

Облик нашего молодого современника органически соединяет все те лучшие душевные качества, которые воспитывал в течение полувека наш советский образ жизни. Нельзя понять психологии сегодняшних юношей и девушек без истории борьбы и труда их отцов.

Именно этим, в частности, можно объяснить тот факт, что спрос на каждую книгу серии «Честь, отвага, мужество» растет год от году. Именно этим объясняется такой повышенный интерес молодежи к истории своей страны.

3 500 юношей и девушек ответили на анкету, на которую сто лет назад отвечал Карл Маркс. Вот их мнение, их мысли о себе, их автопортрет:

«Достоинство, которое мы больше всего ценим в людях:— Целеустремленность, верность делу отцов. В мужчине — смелость, в женщине — гордость и чистота.

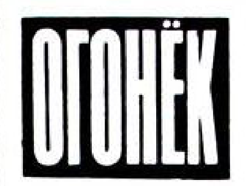
Наше представление о счастье:— Бессмертное марксово: «Борьба». За торжество наших идей, за величие наших дел, за человеческую красоту.

Наша отличительная черта:— Революционный романтизм, гордость за Родину — страну Октября».

И еще один ответ. Наша цель жизни:— Коммунизм.

В постановлении Центрального Комитета КПСС «О 50-летии ВЛКСМ и задачах коммунистического воспитания молодежи» сказано: «Осуществление планов коммунистического строительства будет тем успешнее, чем выше сознательность подрастающей смены. Только люди высокой идейной убежденности, политической зрелости, образованности, крепкой дисциплины и организованности, не боящиеся никаких трудностей и испытаний, могут с честью решить задачи, выдвинутые историей перед социалистическим строем».

И воспитание таких людей — самое важное в работе нашего Ленинского комсомола.

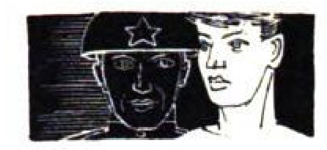
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 44 (2157)

26 ОКТЯБРЯ 1968

ПЕСНЯ О ЧЕТЫРЕХ ПОРТРЕТАХ

Вл. КУДИМОВ

С первого смотрит братишка мой старший,
Что-то он очень задумчив и тих,
А со второго — сестренка Наташа,—
Мины хватило одной на двоих.

С третьего в черной и узенькой раме,
Тонкой рукою березку обняв,
Женщина смотрит, похожа на маму,
Но почему-то моложе меня.

А на четвертом отец с автоматом,
Строго глядят молодые глаза,—
Опередила победу солдата
Пуля на двадцать четыре часа.

Уходили комсомольцы на гражданскую войну...

...ЗАЩИЩАЯ РОДИНУ С ОРУЖИЕМ В РУКАХ

Расчет гвардии сержанта Н. Ерощука громит гитлеровских головорезов дивизии «Великая Германия».

Москва. В парке культуры и отдыха «Сокольники» состоялась пресс-конференция для советских и иностранных журналистов, посвященная чехословацкой выставке металлорежущих станков и кузнечно-прессового оборудования. На снимке: журналисты осматривают выставку.

Фото В. Трепетова. (Фотохроника ТАСС)

У НАШЕЙ ДРУЖБЫ — ГЛУБОКИЕ КОРНИ

28 октября у трудящихся братской Чехословакии — большой национальный праздник. Ровно 50 лет назад на флагштоке Градчан, древнего Пражского кремля, впервые заколыхалось трехцветное, красно-бело-синее национальное знамя, символизируя появление на карте Европы нового самостоятельного государства — Чехословацкой республики. Над площадями и улицами, запруженными народом, торжественно неслась мелодия патриотической песни «Где родина моя...», ставшая отныне составной частью официального государственного гимна. В рабочих кварталах Праги, Остравы и Братиславы чешская «Где родина моя...» или словацкая «Над Татрами светает» звучали одновременно с боевыми песнями пролетариата «Красное знамя» и «Интернационал». А лозунг «Да здравствует Чехословацкая республика!» сливался с лозунгом «Да здравствует социалистическая республика!». Таким было то время — эпоха великих надежд и революционных взрывов, падения дряхлых империй и рождения новых государств. Шел 1918 год...

Республика чехов и словаков возникла в самом конце I мировой войны на обломках развалившейся «тюрьмы народов» — Австро-Венгерской монархии. Для чешского и словацкого народов, на протяжении многих веков томившихся под чужеземным гнетом, это был акт большого политического значения, важнейшая веха национальной истории. Не удивительно, что вокруг него усилиями различных буржуазных деятелей, стремившихся нажить необходимый политический капитал, очень скоро напластовалось множество легенд и мифов, призванных возвеличить вклад того или иного политика в дело национального освобождения. Особенно усиленно раздувалась роль Т. Г. Масарика, профессора Пражского университета, лидера либеральных кругов чешской буржуазии. Во время войны Масарик возглавил эмигрантский центр, который от имени чехов и словаков вступил в переговоры с правительствами стран Антанты. Если верить буржуазным историкам, то чуть ли не благодаря личному обаянию Масарика (и его жены — состоятельной американки) президент США Вудро Вильсон и главы других западных держав согласились с проектом создания Чехословацкой республики. Западные политики уже тогда вынашивали план создания «санитарного кордона» вокруг молодой Республики Советов.

«Без 25 октября 1917 года не было бы и 28 октября 1918 года»,— неоднократно подчеркивал Климент Готвальд. В этих словах выражено не только понимание всемирно-исторической роли Великого Октября, высоко поднявшего знамя национального и социального освобождения всех угнетенных народов, но и признание непосредственного влияния идей Октября на национально-освободительное движение чехов и словаков. Вдохновленные примером русских братьев, трудящиеся Чехословакии с первых дней существования новой республики развернули борьбу за социалистические преобразования, ясно продемонстрировав свое стремление покончить не только с национальным, но и с социальным гнетом. Вплоть до 1921 года страну сотрясали острейшие классовые сражения, в которых приняли участие миллионные массы трудящихся. С неимоверным трудом, использовав предательскую роль правой социал-демократии, буржуазии удалось закрепиться у власти. Но эти бурные годы оставили глубокий след в сознании трудового народа Чехословакии. В революционных схватках складывались и закалялись новые социалистические традиции освободительной борьбы, подхваченные и развитые в деятельности Коммунистической партии Чехословакии, основанной в 1921 году.

При всех формальных признаках «классической» буржуазной демократии Чехословацкая республика очень скоро превратилась в злую мачеху для подавляющего большинства своих граждан. Бесконечные речи о свершении вековечной мечты чехов и словаков, о приходе «золотого века» свободы, о проведении конструктивных реформ и т. п.— вся эта надоедливая демагогическая шумиха буржуазных политиков служила лишь прикрытием корыстных интересов узкой группы капиталистов, крупных аграриев, банкиров. Дух погони за прибылью, воцарившийся в новой республике, быстро развеивал иллюзии, которые у некоторых были связаны с образованием национального государства. Безработица, вынужденная эмиграция, особенно в Словакии, были бичом трудящихся масс. Под руководством коммунистической партии нарастало стачечное движение, организовывались демонстрации протеста. Правительство «гуманиста» Масарика отвечало расстрелами. Так, в 1931 году всю страну потрясло сообщение о расстреле жандармами безоружной рабочей демонстрации в Духцове. Голос протеста подняла вся прогрессивная общественность, резко осудившая варварские методы, недостойные «цивилизованного государства». Со страстной обличительной речью в парламенте выступил лидер коммунистической фракции Готвальд. «События в Духцове,— сказал он,— снова показывают, что существующая система со всей ее «мудростью» зашла в тупик, что эта система полностью обанкротилась, что она не в состоянии обеспечить подавляющему большинству трудового народа хлеб, работу и существование... Вам уже мало дубинок, как заявил здесь несколько лет назад господин Стршибрный, вам уже мало штыков, вам уже мало тюрем, вам нужны трупы. Этим вы хотите запугать рабочий класс... Запомните, что вам этого не дождаться».

Чешская и словацкая буржуазия были солидарны в своем смертельном страхе перед революцией. Именно этот страх побудил правящие круги Чехословакии в роковом 1938 году отказаться от помощи Советского Союза, подчиниться диктату Англии и Франции, предавших своего союзника, и капитулировать перед Гитлером в Мюнхене. Несколько месяцев спустя Чехословацкая республика перестала существовать. Чехия и Моравия превратились в «протекторат» фашистского рейха, на территории Словакии было образовано карликовое марионеточное государство под эгидой Гитлера.

В трудные годы борьбы с фашизмом закладывался фундамент будущего здания новой Чехословацкой республики. Коммунисты, члены героической «партии расстрелянных», шли в первых рядах антифашистского Сопротивления. Недаром имя славного сына Компартии Чехословакии Юлиуса Фучика стало символом несгибаемой стойкости человеческого духа, торжествующего над насилием и смертью. Словацкое национальное восстание 1944 года и пражское восстание в мае 1945 года, победоносно завершившееся при помощи Советской Армии, были вершинами всенародного отпора врагу.

Коммунистическая партия, завоевавшая своей героической борьбой громадный моральный авторитет у трудящихся Чехословакии, по праву стала ведущей партией страны. Правительство Национального фронта, возглавленное тов. Готвальдом, сразу же после освобождения заявило о своей решимости извлечь исторические уроки из предшествующего двадцатилетия республики, покончив с эксплуатацией масс, с классовыми привилегиями буржуазии, с близорукой внешнеполитической ориентацией, которая привела первую республику к катастрофе. Был взят курс на установление в стране строя подлинно народной демократии, покоящегося на

ЧТОБЫ ЧЕЛОВЕК ЛЕТАЛ К ЗВЕЗДАМ

Генерал-полковнику авиации Н. П. Каманину — 60 лет

Имя генерал-полковника авиации Николая Петровича Каманина широко известно в нашей стране. У Николая Петровича была и легендарная юность. Тридцать четыре года назад он, комсомолец, вместе с опытными полярными летчиками участвовал в спасении челюскинцев. Тогда партия и Советское правительство высоко оценили подвиг семи летчиков. Им первым в стране было присвоено звание Героя Советского Союза. На примере их воспиталось не одно поколение советских авиаторов.

национализации крупной собственности, банков, заводов и т. п. Этот курс на последовательное проведение социалистических преобразований встретил, однако, упорное сопротивление со стороны буржуазии. Ее лидеры в правительстве Национального фронта в феврале 1948 года попытались отстранить коммунистов от руководства страной, повернуть вспять историческое развитие республики. В те напряженные февральские дни трудящиеся Чехословакии под руководством коммунистической партии дали мощный отпор проискам реакции. Вооруженные рабочие дружины — отряды рабочей милиции по призыву коммунистов взяли под контроль все стратегически важные центры страны. Реакция потерпела сокрушительное поражение. Эта историческая победа трудового народа открыла новый этап социалистического строительства в Чехословакии...

С тех пор прошло уже более двадцати лет. Двадцать лет напряженного созидательного труда миллионов тружеников, преобразивших облик своей страны. В шесть с лишним раз за годы народной власти увеличилось промышленное производство. Ушли в далекое прошлое времена голода, безработицы и эмиграции.

Как каждой стране, круто идущей в гору, и социалистической Чехословакии приходится бороться на своем пути с разного рода трудностями, решать срочные проблемы дальнейшего общественного и экономического развития. Уже XIII съезд Коммунистической партии Чехословакии, состоявшийся в 1966 году, наметил основные ориентиры нового этапа социалистического строительства, отвечающие задачам успешного движения вперед. Плодотворный процесс дальнейшего совершенствования социалистического общества был, однако, серьезно осложнен активизацией разного рода антисоциалистических элементов, всплывших на поверхность политической жизни страны после января 1968 года. Деятельность контрреволюционных сил, поддерживаемых и направляемых из-за рубежа, превратилась в опасное препятствие, ставящее под угрозу все предшествующие социалистические завоевания народов Чехословакии.

В этот трудный исторический момент на помощь трудящимся Чехословакии пришли верные своему интернациональному долгу и союзническим обязательствам Советский Союз и другие социалистические страны. Тем самым был нанесен сокрушительный удар по расчетам империалистической реакции, мечтавшей оторвать Чехословакию от рядов социалистического содружества.

Только что заключенный новый Советско-чехословацкий договор — это четкий и недвусмысленный ответ силам мировой реакции, которая вынашивает агрессивные планы против социалистических стран, это демонстрация решимости социалистических стран надежно обеспечить незыблемость своих границ, рубежей социалистического содружества.

У дружбы советского и чехословацкого народов глубокие корни. Наша дружба рождалась в дни Октября, она цементировалась в годы второй мировой войны, закалялась в период послевоенного социалистического строительства.

Ю. БОГДАНОВ

Во время Великой Отечественной войны Николай Петрович командовал соединением штурмовой авиации. Его летчики громили гитлеровцев под Харьковом и Полтавой, на берегах Вислы, на Сандомирском плацдарме. Они освобождали Польшу, Румынию, Венгрию, Чехословакию. За доблесть и отвагу 76 летчиков из соединения генерала Каманина стали Героями Советского Союза.

Когда началось освоение космического пространства, Николай Петрович многое сделал и делает для того, чтобы человек полетел к звездам, для подготовки летчиков-космонавтов. В этом он умело использует свой большой опыт и глубокие всесторонние знания. Для меня лично Николай Петрович всегда служил и служит примером трудолюбия, точности и какой-то особенной спортивной собранности.

Хочется пожелать Николаю Петровичу Каманину многих лет жизни и счастливых встреч своих питомцев из космических далей.

Герой Советского Союза
летчик-космонавт СССР
П. ПОПОВИЧ

Из тех, кого нельзя сломить

К 70-летию Макса РЕЙМАНА

В один из апрельских дней 1945 года, когда со стороны Берлина уже доносилась пушечная канонада, заключенные в концлагере Фальнензее, проявив мужество и четкую организованность, разоружили охрану эсэсовцев и захватили лагерь. Через несколько дней лагерь был передан подошедшим частям Советской Армии. Восстание было подготовлено длительной, хорошо законспирированной работой интернационального комитета заключенных, среди руководителей которого находился немецкий коммунист Макс Рейман.

Заправилы фашистского рейха поставили перед головорезами Гиммлера задачу навсегда покончить с коммунистами. Значительная часть Компартии Германии была физически уничтожена. Тысячи оказались в тюрьмах и концлагерях. Каторжными условиями жизни, издевательствами и пытками в этих людях хотели сломить волю, заставить их отказаться от борьбы против фашизма.

Макс Рейман проявил себя стойким коммунистом задолго до прихода фашистов к власти. В Компартию Германии он вступил в эпоху ее образования, в декабре 1918 года. Его хорошо знали в Рурской области, где он работал горняком на одной из шахт и вел партийную и профсоюзную работу среди шахтеров и металлургов. Сын рабочего и сам рабочий, с юношеских лет отдавший себя революционному делу, М. Рейман пользовался заслуженным авторитетом среди тружеников Рура. В 1932 году его единодушно избирают секретарем «Революционной профсоюзной оппозиции» Рурской области.

После прихода фашистов к власти Макс Рейман вместе с другими коммунистами ушел в подполье. Борьба продолжалась в крайне тяжелых условиях. Фашистский террор вырывал из рядов подпольщиков все новых и новых борцов. В апреле 1939 года гестапо напало на след Реймана и вскоре арестовало его. Потянулись страшные годы заточения: тюрьма в Дортмунде, страшный концлагерь Заксенхаузен, Фальнензее. Там стали седыми его волосы, там было подорвано здоровье, но фашисты не смогли сломить М. Реймана, поколебать его веру в идеи коммунизма.

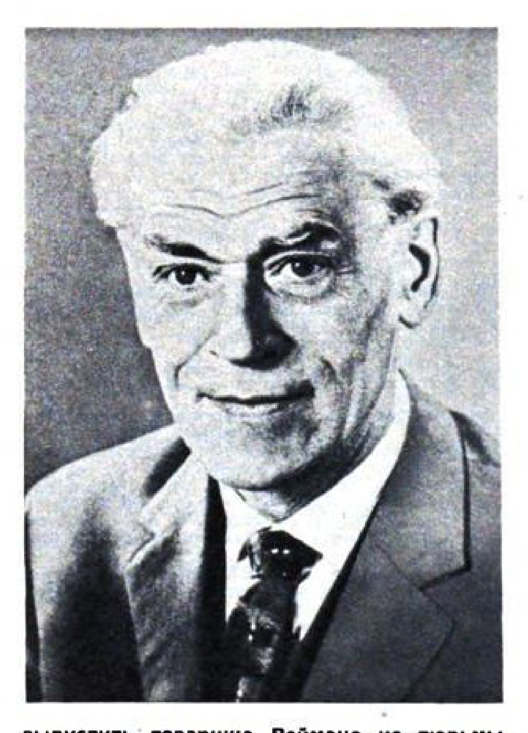
В послевоенные годы товарищ Рейман становится одним из видных деятелей немецкого рабочего движения. Организаторский талант, теоретические и практические знания, ораторское искусство выдвигают Реймана на руководящие посты в Коммунистической партии Германии. Его избирают первым секретарем КПГ Рурской области, затем председателем организации партии в земле Северный Рейн-Вестфалия.

Немецкие коммунисты в это время ведут настойчивую борьбу за единство рабочего класса. Они понимают, что Германия сможет пойти по новому пути лишь в том случае, если трудящиеся выступят против монополистической буржуазии и юнкерства единым фронтом. Идея единства восторжествовала на востоке Германии. Коммунисты и социал-демократы создали здесь Социалистическую единую партию Германии, которая все свои силы отдала строительству новой жизни.

Активно начался процесс объединения и в западных зонах. Но здесь оккупационным властям удалось затормозить, а потом и приостановить его. Используя оппортунизм и демагогию социал-демократических лидеров и просто административные меры, западные оккупационные власти сорвали объединение рабочих партий и открыли поход против идей социализма и их носителя — Коммунистической партии Германии.

В эти трудные годы западногерманские коммунисты доверили руководство партии Максу Рейману. В 1948 году его избирают Председателем Правления КПГ. С тех пор он бессменный лидер партии, отдающий ей все свои силы, знания, опыт.

Западногерманская монополистическая буржуазия и западные оккупационные власти видели в Компартии Германии главного противника осуществления раскола Германии и превращения западной части страны в милитаристское государство. На коммунистов обрушиваются репрессии и преследования. В 1949 году Макса Реймана приговаривают к тюремному заключению. Коммунисты начали мощную кампанию за освобождение своего руководителя. Массовые выступления трудящихся заставили власти

выпустить товарища Реймана из тюрьмы.

В пятидесятые годы КПГ решительно вступила в борьбу против реваншистской концепции правящих кругов ФРГ и их милитаристских планов, за демократические и социальные интересы трудящихся, за установление добрососедских отношений с Германской Демократической Республикой — первым немецким государством рабочих и крестьян. Аденауэр решил учинить новую расправу над коммунистами. В 1954 году издается приказ об аресте Макса Реймана и начинается процесс против КПГ. В августе 1956 года конституционный суд в Карлсруэ выносит приговор о запрещении легальной деятельности компартии в ФРГ.

Реакция просчиталась и на этот раз. Ей не удалось сломить коммунистов. Центральный Комитет КПГ, возглавляемый Максом Рейманом, перестроил свою работу применительно к условиям подполья. Компартия Германии была и остается передовым отрядом западногерманских трудящихся. Умело сочетая нелегальные методы борьбы с легальными возможностями, коммунисты смело идут в бой против западногерманских империалистов.

Западногерманские трудящиеся с теплотой и любовью относятся к товарищу Рейману. Они видят в нем верного продолжателя дела Тельмана, несгибаемого борца, чуткого и отзывчивого человека. Не случайно докеры Гамбурга, горняки Рура, машиностроители Мюнхена называют его «наш Макс».

Товарищ Рейман — видный деятель мирового коммунистического движения. На международных совещаниях коммунистов не раз звучал его голос — голос человека, твердо стоящего на позициях марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма.

В нашей стране Макса Реймана знают как большого друга советского народа и Коммунистической партии Советского Союза. Он неоднократно выступал на съездах КПСС с приветствиями от Коммунистической партии Германии. Он находил простые и вместе с тем страстные слова для выражения нерушимого боевого союза, соединяющего западногерманских и советских коммунистов в их борьбе за мир, демократию и социализм.

Коммунистическое и рабочее движение дало миру плеяду мудрых политических деятелей, людей, убежденных и стойких, отдающих всего себя борьбе за освобождение человека от эксплуатации и угнетения, за справедливость и мир на земле. К этой плеяде относится и Макс Рейман — верный сын немецкого народа.

В. ЕЖОВ

А. СОФРОНОВ, В. ВИКТОРОВ
Специальные корреспонденты «Огонька»

Фото специального корреспондента «Огонька» Л. БОРОДУЛИНА, фотохроники ТАСС и ЮПИ.

МЕКСИКАНСКАЯ СИМФОНИЯ

РАДОСТИ И ПЕЧАЛИ

Мы были нечаянными свидетелями одного разговора. Беседовали два наших журналиста. Первый спросил второго:

— Как с легкой атлетикой?

— Тяжело.

— А как с тяжелой?

— Легче.

Мы не беремся расшифровать эти короткие вопросы и ответы. Само время сумеет прокомментировать их более полно. Но что-то приблизительно точное в них имелось.

Мексиканская спортивная симфония в те часы и дни, когда пишутся эти строки, развивается, бурно клокоча; пожалуй, в ней нет только одного: спокойного, запланированного развития действия.

Один наш друг, выйдя со стадиона после финала бега на 3 тысячи метров с препятствиями, раздраженно сказал:

— Опять пропали две запланированные золотые медали.

— Какие медали? — спросили мы его.

— На три тысячи метров и в прыжках с шестом.

Да, действительно, в беге на 3 тысячи метров «запланированный» в победители наш спортсмен Виктор Кудинский сошел с дистанции после падения в яму с водой... Бег продолжил Александр Морозов и занял пятое место.

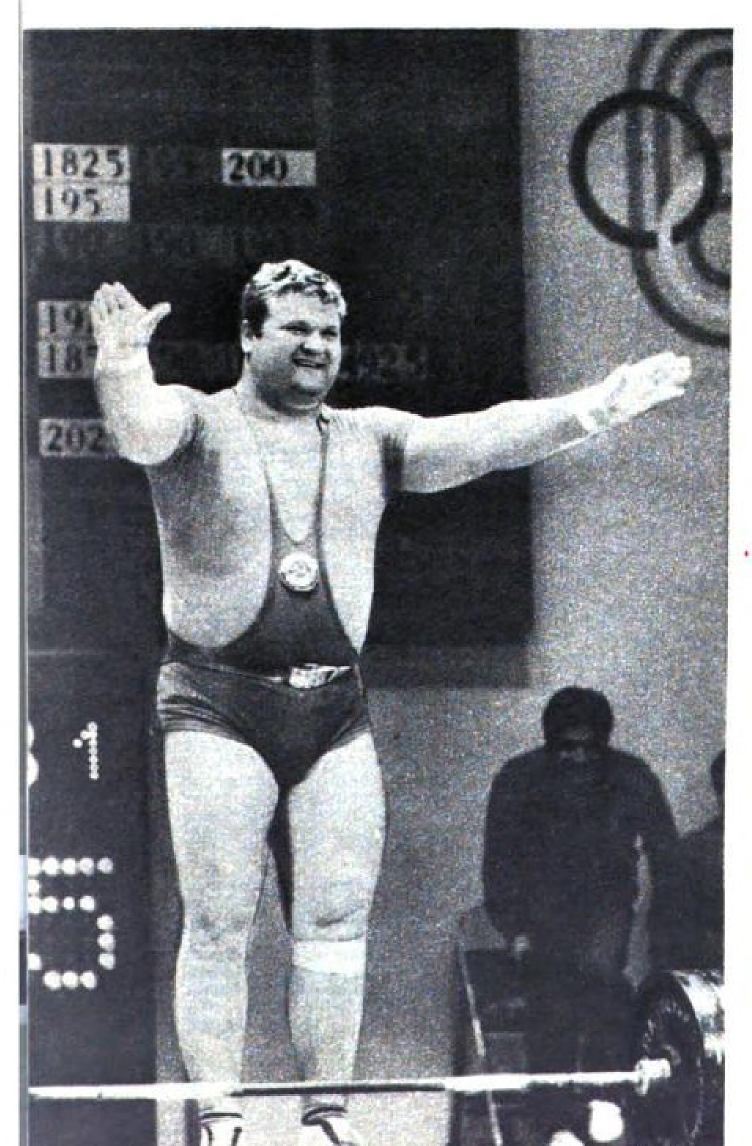
В отборочном забеге Виктор Кудинский легко прошел свои три километра. Когда другие участники соревнований падали в изнеможении на траву, Кудинский был в отличной форме. А тут вот такая неожиданность. Обидно, но такие происшествия не планируются... Да и, как известно, два первые места заняли снова прекрасные бегуны из Кении, которые, как говорят, перегоняют в беге страуса.

Конечно, расчет в спорте — дело полезное, но ведь «планируют» и другие... Так что обижаться не стоит. Каждый спортсмен надеется занять первое место. Но надежды юношей питают, а вот отраду в таких острейших соревнованиях, какими являются Олимпийские игры, они подают не всегда.

Как же можно обижаться на Геннадия Близнецова, что он занял в прыжках с шестом шестое место, если здесь, на стадионе в Мехико, он установил новый рекорд Советского Союза, взяв высоту 5 метров 30 сантиметров. Трижды он пытался преодолеть 5 метров 35 сантиметров. В двух последних попытках Близнецов уже переходил планку, но в последний момент сбивал ее, вызывая мощный вздох сожаления всего огромного, набитого до отказа людьми стадиона.

Мы очень хорошо понимаем болельщиков нашего спорта. Мы и себя причисляем к ним. Но надо помнить, что и во всех других странах, приславших в Мехико своих спортсменов, тоже есть некоторое количество болельщиков. И они так же, как и мы, радуются удачам и страдают от поражений.

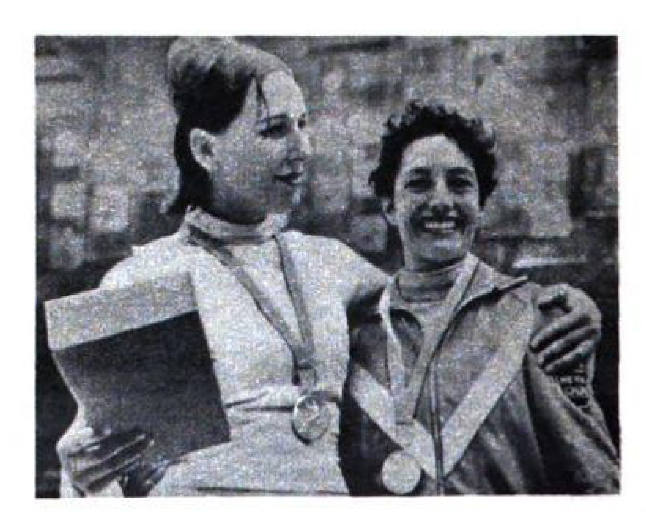
Даже в те редкие часы, когда мы по необходимости находимся на нашей шумной вилле прессы, мы ни на минуту не расстаемся с болельщиками, и пожалуй, с одной из самых вулканических их разновидностей — с мексиканскими болельщиками. Персонал нашей виллы

Снова подтвердил звание сильнейшего человека Земли наш богатырь Леонид Жаботинский.

Много поистине фантастических рекордов дала миру Олимпийская Мексика. Тройной прыжок Виктора Санеева — 17 метров 39 сантиметров — один из таких результатов.

Олимпийская чемпионка по фехтованию на рапирах Елена Новикова (слева) и второй призер — мексиканка Мария Ролдан.

Серебряная медаль Тамары Погожевой (прыжки в воду) и золотая медаль Григория Косых (стрельба) — весомый вклад!

очень молод. Подростки с шикарными усиками и густыми бакенбардами. Они часами сидят у телевизора в ожидании, когда будут выступать мексиканские спортсмены. И когда такой случай представляется, кажется, что обвал, землетрясение происходит на нашем первом этаже. Шел футбольный матч Мексика — Франция. Мы зашли в холл в тот самый момент, когда мексиканские футболисты забили гол французам. Крики, свист, улюлюканье, прыжки — все слилось в этот момент в нашем маленьком холле.

Правда, через некоторое время все стало тихо. Французы сначала отквитали мяч, а затем забили еще два мяча. Но все равно вечером в спортивном телеобозрении на экране телевизора был воспроизведен именно тот момент, когда мексиканцы забили гол французам. Ничего не скажешь, местный патриотизм. Как его не уважать?

Хорошо, что мексиканское телевидение устраивает музыкальные рекламные паузы. Покажут раунд бокса, затем одну минуту идет песенка о кока-коле. Еще раунд — в перерыве песенка о пепси-коле. После нокаута снова музыкальный антракт, в котором черноглазая певица под гитару исполняет песенку о том, как хорошо всем пользоваться услугами мексиканского национального банка. И весело и полезно. Одни плачут, другие смеются. Как говорится, каждому свое. Именно плачут. Плачут по разным поводам. Отстанет девушка в забеге — плачет горькими слезами. Да что девушка — знаменитый Рон Кларк, придя шестым в своем забеге, заплакал. Заплачешь, когда тебя запросто обгоняют тонконогие африканские бегуны.

Но есть слезы и другие, если можно сказать, теплые, нежные слезы радости, слезы гордости не только за себя лично, но и за честь своей страны. В тот день, когда пролились эти слезы, у французских спортсменов была всего одна бронзовая медаль. Всего одна. Немного для такой старой спортивной державы, как Франция. И вот финальный женский забег на 400 метров. Трудная дистанция. Тяжелая борьба за каждый метр. У финиша вперед вырывается француженка Колетт Бессон. Вырывается и приходит первой. Третьей приходит наша бегунья, отличная спортсменка Наталья Печенкина (Бурда). Звучит над стадионом «Марсельеза». В синее вечернее небо поднимается флаг Франции. В маленьких японских телевизорах «Сони», стоящих здесь же, в ложе прессы, мы видим лицо Колетт Бессон. Она плачет, не может справиться с рыданиями. Бессон повторила олимпийский рекорд — 52 секунды. Может, этот момент запомнится больше, чем борьба на спортивной дистанции, когда многое, слишком многое исчезает, как дуновение ветра.

Вот что делают телевизоры. Но, к сожалению, не только это. Французские журналисты, конечно, были обрадованы золотой медалью, которую завоевала Бессон, но в беседе с нами они сказали: «Колетт не самая сильная бегунья на этой дистанции. Просто она лучше переносит кислородное голодание».

Да вот, кислородное голодание... Это бич для спортсменов, от которых требуется, если можно так сказать, железное дыхание. Мы были в пригороде Мехико Сочимилко, на канале, где происходят соревнования по гребле. Очаровательно красивое место. Невысокие (если могут быть такие на высоте 2 240 метров) горы. Вода всегда располагает к отдыху. Мы присели на журналистские скамейки. Вытащили записные книжки. Ну что ж, посмотрим. Мы приехали вовремя. Сейчас пойдут двойки без рулевого. В том числе и наши. Дана команда. В телевизор видно, как идут двойки. Напротив нас, на другом берегу канала, через каждые 500 метров зажигается электротабло. Первые 500 метров — наши впереди. Идет острая борьба между нашей и шведской двойками. Тысяча метров — наши впереди. Тысяча пятьсот — наши впереди. Теперь мы видим лодки уже без помощи телевизора. Но что это? Наша лодка начинает резко отставать. Что случилось? Что случилось на воде? И вдруг уже совсем близко, метрах в ста, мы видим, как один из наших гребцов падает навзничь. Лодка останавливается. Мимо проходят остальные двойки. Шведы выигрывают. К нашей двойке устремляются катера. Осторожно буксируют они лодку к противоположному берегу канала. Осторожно вытаскивают на землю нашего спортсмена. Радио сообщает: «Гребец Григас потерял сознание». И вот уже нашего парня кладут на носилки...

Соревнования продолжаются. Но мы видим, как уже в других заездах падают гребцы. Некоторые лодки медленно, кое-как заканчивают дистанции. В телевизор видно: измученные люди, судорожно хватающие воздух. Кислородное голодание... Все это исправно показано на экране телевизора. Смотреть на это трудно. Жалко спортсменов, оказавшихся в таких необычных условиях. И тут невольно вспоминается стадион. Забеги на длинные дистанции. Падающие спортсмены. К ним устремляются люди с кинокамерами. Человек лежит, едва приходит в себя, а его жадно снимают, чтобы потом воспроизвести на экранах кино и телевизоров.

Измученного спортсмена под руки уводят со стадиона, а перед ним пятится кинооператор, наставив в лицо кинообъектив. Как кто-нибудь упадет, к нему одновременно с кислородными баллонами доставляют кинокамеру. Какие-то киношакалы, а не кинооператоры! Ничего не сделаешь: места соревнований запроданы различным кино- и телефирмам за большие суммы. Федерация гребли заявила по этому поводу протест. Но никто не знает, прекратится ли этот кино- и теларазбой на Олимпийских играх. Контракт есть контракт. Бизнес есть бизнес. Капитализм есть капитализм. И все человеческое ему чуждо.

Думается, что интересы спорта, интересы здорового отношения к спорту когда-нибудь возобладают над интересами чистогана, и все те, кто стоит во главе Олимпийских соревнований, найдут другие способы покрытия расходов на этих прекрасных по своему духу и таких чуждых мелкому меркантилизму соревнованиях, на которые все человечество посылает своих лучших спортсменов.

ШЕСТОЙ БРОСОК

Легкоатлетический стадион живет своей кипучей, разнообразной жизнью. Всемирные соревнования насыщены до предела. Глаза разбегаются во все стороны. Вдали — прыжки с шестом. На дорожках — забеги на самые различные дистанции. Напротив нас — соревнования по метанию копья. В них участвует наша надежда — латышский спортсмен Янис Лусис. Не знаем, как насчет планирования, но уж очень нам хочется, чтобы Янис выиграл соревнование. Наши желания не расходятся с желаниями Яниса. Но желания спортсменов из Венгрии, Польши, Финляндии, ГДР, Швеции, из других стран совпадают с желаниями Лусиса с той только разницей, что каждый хочет видеть победителем себя.

Мы очень волнуемся, для этого есть некоторые поводы. Каждому спортсмену отпущено всего шесть бросков. И много и мало. Много потому, что при хорошем зачете тебя могут догнать другие. Они к этому явно стремятся. Мало потому, что если ты бросишь средне, не очень далеко, тебе все кажется, что ты сможешь бросить копье дальше.

Первый бросок Яниса — 81,74 метра. Не густо. Не густо потому, что финн Киннонен в первом же броске послал копье на 86,30 метра, а венгр Кулчар — на 83,10.

В четвертом броске Янис метает копье на 84,40 метра. Маловато. Киннонен остается впереди, пятый бросок совсем не получается у Яниса. Он просто не засчитан. Ай-яй-яй! Что же будет? Что же будет? Кулчар и Киннонен напрягают все силы. У венгра копье летит в пятом броске на 85 метров 48 сантиметров, у финна — на 85,14 метра.

Нам уже не до предварительных забегов на 400 метров для мужчин, тем более что там наших нет.

Остается последний, шестой бросок. Вот он перед нами, Янис Лусис. Разбегается, бежит и вдруг останавливается. Копье у Лусиса в руке. Что же это? В последний момент взял да и остановился. Один из нас пессимист:

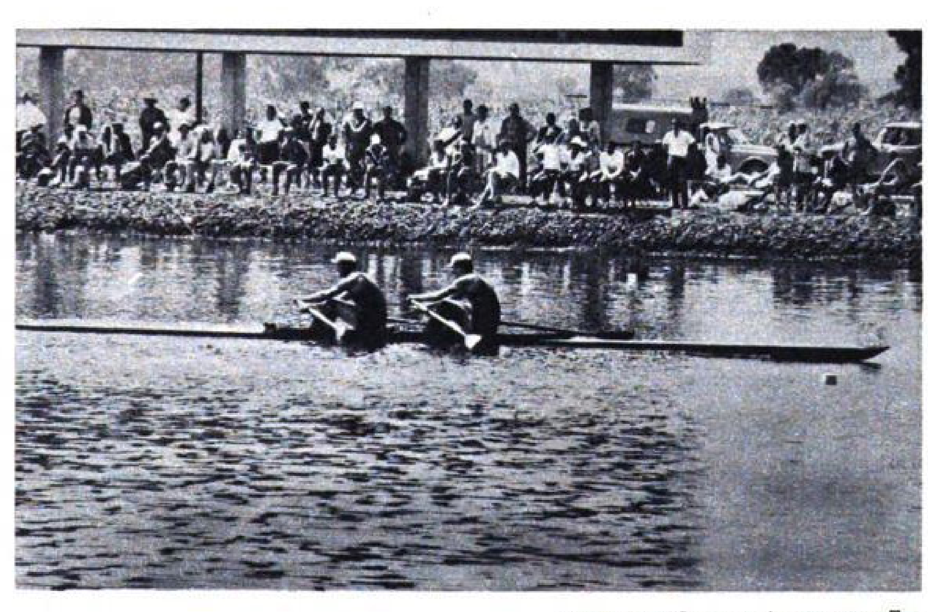
— Ничего не будет... Шестой бросок, все силы исчерпаны.

Другой возражает:

— А я верю, соберется.

— Если бы...

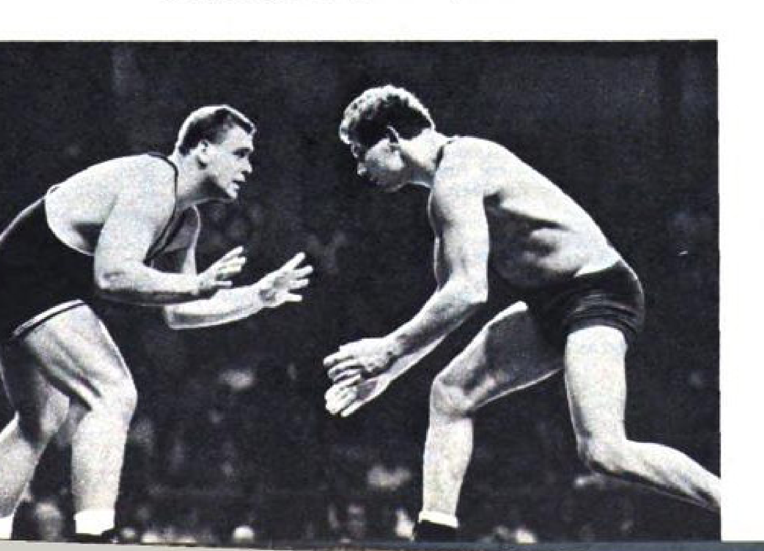
Если бы... Если бы... И вот с копьем в руке Янис бежит по дорожке. Бросок. Копье взвивается в небо. Оно словно буравит воздух. Вот оно в зените. Начинается спуск. Далеко летит

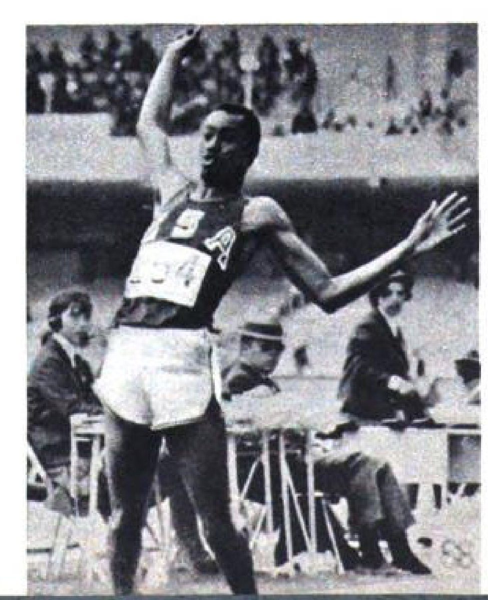
Анатолий Сасс и Александр Тимошинин были первыми у финиша в соревновании двоек парных.

8 метров 90 сантиметров — таков выдающийся рекорд Роберта Бимона!

Борьбу ведет олимпийский чемпион Александр Медведь (справа).

копье и, уткнувшись в землю, дрожит. А может, это мы дрожим от волнения? Судья бежит к копью, замеряет длину броска. Но стадион уже гремит овациями. 90 метров 10 сантиметров! Но еще бросают и финн и венгр. Киннонен хорошо бросает. Лучший его бросок — 88,58. Но это уже последний бросок и лучший его результат. У Кулчара — 87,06.

Мы кричим: «Ура-а-а!» На нас понимающе смотрят. Все ясно: русские. Переживают. А попробуйте не переживать, когда сидишь на стадионе!

КАК НАС МУЧИЛ ВИКТОР КУРЕНЦОВ

Покинув стадион, мы мчимся в театр. Нет, не на театральное представление. Где уж тут в Мехико сейчас ходить в театр! Мы торопимся на соревнования по штанге. А они проходят как раз в театре, что расположен на центральной улице Мехико — Инсурхентес. Напротив театра поставлена огромная фигура штангиста, так что мимо не проедешь. Мы приезжаем вовремя. Театр набит до отказа. Втискиваемся на первые ряды. Здесь наш Виктор Куренцов. Мы его знаем. Молодой русоволосый парень. Уже прошли соревнования по жиму и рывку. Мы приехали к толчку. Не опоздали ли? Как будто не опоздали. На табло 170 килограммов. Осталось несколько участников. Остальные отвалились. На сцене американец Нипп. Маленький, массивный. Поднимает штангу на грудь. Но вытолкнуть не может. Трудно. Что-то бормоча, уходит с помоста. Выходит японец Оути. Поднимает вес на грудь и тоже роняет штангу. Выходит Дитрих из ГДР, поднимает штангу до колен, но падает вместе с ней.

Штанга катится по помосту. Дитрих успевает поймать ее, а Куренцова все нет. Куренцов пропускает один вес за другим. Если пропускает — значит, знает, что делает. А вдруг?.. Да нет, не может быть...

Вышел венгр Банош. Напрягся, закричал — и штанга над ним. Вес взят. Мы дружно аплодируем ему.

Наконец появился Виктор Куренцов. В красном трико. Легкий, совсем, кажется, без мускулатуры. Попросил поставить 175 килограммов. Постоял, подумал, нагнулся, и штанга мгновенно оказалась над ним. Боже ты мой, как просто!.. А другие мучаются. Но вот появился еще один штангист. Оути из Японии. В голубом трико. Очень симпатичный, что-то пошептал, нагнулся. Поднял штангу на грудь. Пошатнулся, но удержался. Штанга застыла в его руках. Горячо аплодируем. Снова появляется Куренцов. На штанге 180 килограммов. Постоял, подумал. И взял. Очень просто. Это нам просто смотреть. А ему? Неужели не все еще кончено? Нет. Появляется Оути.

Мы замираем. В зале дыхания людского не слышно. Только треск кинокамер. Оути нагибается, но штанга не поддается. Не идет даже на грудь. Тяжелая штанга. Падает на помост.

— Все?

— Нет еще, нет.

Снова появляется Куренцов. Просит поставить 187,5. Нагибается как-то по-своему, по-особому, по-куренцовски. Поднимает штангу на грудь. Не легко, но поднимает. Затем толкает ее над собой. Чуть шатнулся. Шатнулся, но замер. И штанга замерла на вытянутых руках. И все. Новый мировой рекорд. Зал бушует. Взвешивают штангу. Три человека поднимают ее на весы. Все правильно.

Куренцова поздравляют. Все, кто на сцене. Мы бы тоже хотели, но нас не пускают. Не тот случай, когда нас надо пускать на сцену.

Позже мы поздравляем Куренцова в олимпийской деревне. И не только в олимпийской деревне, во всех городах и деревнях Советского Союза поздравляют Виктора Куренцова, прекрасного советского спортсмена.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ МУЖЕСТВО!

С утра заполняется чаша олимпийского стадиона. Программа легкоатлетических соревнований извещает: с десяти утра предварительные соревнования. Спрашивается: для чего тратить драгоценное олимпийское время, если утром спор будет только за выход в финал? Но старожилы олимпийского стадиона (а теперь их вполне можно так назвать, они просидели на его трибунах уже восемь дней) знают, что чудес следует ожидать каждую минуту, когда на арене сильнейшие атлеты мира. И действительно, 16 октября днем на олимпийском стадионе разыгралась очередная сенсация: выступая в предварительных соревнованиях, итальянец Джузеппе Джентиле преодолел в тройном прыжке 17 метров 10 сантиметров, сразу улучшив на семь сантиметров мировой рекорд поляка Ю. Шмидта. Сам экс-рекордсмен довольствовался скромным результатом — 16 метров 19 сантиметров. Ведь для победы на Олимпиаде результат предварительных соревнований не учитывается. А мы вспомнили Олимпиаду в Токио, когда наша Горчакова утром установила мировой рекорд в метании копья, а в вечерних соревнованиях должна была ограничиться лишь бронзовой медалью.

Сидя на трибуне олимпийского стадиона в Мехико, мы не раз вспоминаем Рим и Токио. На двух предыдущих Олимпиадах утренние соревнования не собирали зрителей, а теперь трибуны многолюдны. Да, необычайно растет популярность легкоатлетического спорта. И это понятно: мы являемся свидетелями пышного расцвета спортивного мастерства и в беге, и в прыжках, и в метании. Когда это было, чтобы 14 спортсменок могли выполнить квалификационную норму в прыжках в высоту, равную 174 сантиметрам? Такой прыжок еще недавно был достаточен для победы. А у нас есть такие знатоки, которые победой считают лишь первое место, даже серебряные медали для них уже поражение.

Что и говорить, конечно, золото ценится неизмеримо выше, чем скромное пятое место, дающее всего-то два очка в общекомандную копилку. Но разве пятое место Николая Свиридова на дистанции 10 тысяч метров, о чем мы писали в первом репортаже, не достойно восхищения?

А в этом репортаже мы хотим рассказать лишь об одном пятом месте, завоеванном в финальном беге на 400 метров с барьерами советским спортсменом Вячеславом Скомороховым.

Для того, чтобы было ясно, что скрывается за «скромным» пятым местом Скоморохова в ряду сильнейших барьеристов мира, мы считаем необходимым сообщить несколько биографических подробностей. Вячеслав Скоморохов впервые проявил себя как бегун лишь три года назад. Луганский паренек, воспитанник школьного учителя В. И. Проваренко,— глухонемой, но этот тяжелый недостаток не помешал ему, впервые выступая на первенстве страны, стать чемпионом на дистанции 200 метров с барьерами, стать чемпионом всемирных игр глухонемых, окончить техникум физкультуры, а нынешним летом завоевать первенство СССР в барьерном беге на 400 метров.

Когда Скоморохов приехал в Мехико, его лучший результат на этой дистанции был равен 50,1 секунды. Напряженно тренируясь, изменив длину шага между барьерами (только спортсмен может понять, на какой огромный труд он обрек себя да еще в необычно трудных условиях среднегорья), Скоморохов в предварительном забеге улучшил свой результат, пробежав дистанцию за 49,6 секунды. Он завоевал право на участие в финале, но, казалось, исчерпал все свои силы. Чувствовал он себя очень плохо, но своему тренеру по сборной команде Евгению Буланчику передал: «Попытаюсь сделать все, что могу».

И Вячеслав Скоморохов попытался. Вот что он нам поведал:

— Я должен был учитывать, что мои соперники сильнее и опытнее меня. Так, в борьбе за золотые медали участвовал американец, мировой рекордсмен Р. Уитней, замечательный итальянский бегун Р. Фриномли, очень сильный англичанин Д. Хемери. «Ты не сможешь пробежать за 49,1 секунды,— сказал я себе,— но твое время на финише должно быть только на три десятых хуже». Такова была моя цель. Тринадцать шагов между барьерами, а всего барьеров на дорожке 10, и эти 130 шагов я выдержал. Еще на девятом барьере я был вторым, но после десятого барьера мне не удалось удержать скорость, удержаться за Хемери, и меня обогнали еще три бегуна, на финише я был пятым.

На этом закончил свой рассказ Вячеслав Скоморохов, а нам остается добавить лишь следующее: Скоморохов финишировал за 49,1 секунды, повторив время мирового рекорда, обогнав и американца Уитнея, и немца Шуберта, и итальянца Фриномли. Так разве так уж незначительны два очка, завоеванные нашим бегуном? Да, он проиграл олимпийскому чемпиону, новому рекордсмену мира Хемери целую секунду, но второму и третьему призеру, а также бегуну, занявшему четвертое место, всего одну десятую секунды, всего один шаг.

А теперь посудите сами, какие события разворачиваются перед нами, если лишь в одном финальном беге на 400 метров с барьерами четыре спортсмена бьют мировой рекорд, а пятый его повторяет. Вот и 17 октября, когда утром на предварительных соревнованиях Джузеппе Джентиле установил мировой рекорд в тройном прыжке, мы вечером стали свидетелями еще двух мировых рекордов. Американские спортсмены Томми Смит и Боб Сигрен добились поистине великих результатов в беге на 200 метров и в прыжках с шестом. Еще никому не удавалось пробежать двухсотметровую дистанцию быстрее 20 секунд. Негритянскому бегуну это удалось. Какой это был бег!

Но сенсация, связанная с этим успехом Т. Смита и его соотечественника, третьего призера Олимпиады, тоже негра Д. Карлоса, на этом не закончилась. Когда прозвучали фанфары и на постамент почета поднялись призеры, стадион увидел необычное зрелище: два негритянских спринтера стояли в майках без национальной эмблемы, подняв правые руки в черных перчатках. Это была форма протеста против дискриминации негров в США, и, чтобы не было сомнения, Смит заявил об этом во всеуслышание на пресс-конференции.

На следующее утро мы безуспешно искали сообщение об этом происшествии в газетах. Как всегда, они вынесли на первые полосы снимки победителей, в огромных шапках сообщали о самых выдающихся результатах дня, но ни фотографии Томми Смита, ни сообщения о выраженном им протесте мы не нашли. Лишь в маленькой газете, где-то в середине номера, мы обнаружили фотографию Смита на трибуне почета и прочли его заявление на пресс-конференции. Но разве можно скрыть от людей такой акт мужества?

ДРАГОЦЕННЫЙ СПЛАВ

В этой главе мы хотим рассказать о нашей первой золотой медали, о ее владельце, спортсмене, который первым проложил путь к высшей ступеньке пьедестала почета,— Владимире Голубничем.

Мы, естественно, использовали для предыдущей фразы единственное число, ведь полноправным владельцем золотой медали является один человек, чемпион Римской олимпиады, призер Токийской, мировой рекордсмен в ходьбе на 20 километров. Но после встречи с ним в олимпийской деревне мы поняли, что единственное число в рассказе о первой золотой медали будет не только грамматической, но и смысловой ошибкой.

Вот что рассказал нам чемпион XIX Олимпийских игр Владимир Голубничий:

— На старте у меня была одна забота: спасти свои тапочки. Дело в том, что в толчее кто-нибудь обязательно норовит наступить тебе на пятки, вот и гляди, чтобы ты не остался босиком, не потерял времени на переобувку. Но на этот раз все обошлось, промахали мы круг по стадиону, оглянулись: смотрю, мой друг, и соратник, и земляк — мы с ним из Сум, хотя и живет он теперь в Пензе,— Коля Смага рядом и увеличил шаг. А как только стадион с его азартом и шумом остался позади, я сбросил скорость и стал поджидать американцев Леерда и Халузу, наших главных соперников — их из поля зрения никак нельзя было выпускать,— ну и пошли мы с ним вместе километров пять, и тут-то я почувствовал, что начинаю сдавать. Смешно, правда? Скороход с таким опытом, как у меня, и так не рассчитал своих сил. Но вы, конечно, понимаете, в чем дело? Да, это мексиканская высота. Коварная это штука. Никогда не знаешь, какой удар она тебе нанесет — то ли по нервам, то ли по сосудам, то ли по сердцу. Мне она нанесла удар по печени, как самый заправский боксер. Боль такая, что каждый новый шаг, кажется, будет последним. Я говорю Коле: «Веди, плохо мое дело». Смага и повел... Полгода мы с ним вместе тренировались и научились понимать друг друга с полуслова. И на этот раз Смага меня понял, ему надо было вести ходьбу так, будто со мной ничего не приключилось, будто я в полном порядке. Иначе ведь от других не оторвешься, а вести их за собой — какой же смысл?

Но от американцев освободиться нам никак не удавалось, и Смага все поглядывал на меня. И я понимал его, но только качал головой: надо было подождать с решающим рывком до крутого подъема. А там Смага пошел на всю катушку, а я за ним, несмотря на боль. Ну, мы и ушли, только Халуза остался метрах в тридцати. А Коля все вел и вел, а боль меня все не отпускала...

О чем только не передумалось за полтора часа борьбы! Всю жизнь вспомнишь, но в этот раз ни о чем мы со Смагой не думали, кроме как о ней, золотой медали. И нам было все равно, кто ее завоюет,— он или я. Важно было завоевать...

Только за пять километров до финиша я почувствовал себя хорошо. Это всегда так бывает в ходьбе: если хорошо на старте, то плохо на финише, и наоборот. Так было и здесь, в Мехико. И тогда я повел Колю. Так мы и пришли к стадиону. Ну, а что было дальше, вы сами видели. Как мексиканский скороход Хозе Педраса обошел Колю, как меня пытался достать. Вот и все. Так мы получили золото и бронзовую медаль и поделили их пополам с Колей Смагой.

Вот что рассказал нам Голубничий, и мы подумали, что иногда сплав золота и бронзы стоит дороже чистого золота. И тут в комнату, где мы беседовали, вошел и Николай Смага, новый заслуженный мастер спорта. Да, в нарушение всех традиций, когда это высокое звание присваивается за победу, Смага стал заслуженным мастером после финиша на олимпийском стадионе.

Такова история нашей первой золотой медали.

ВОСЕМЬ САНТИМЕТРОВ

Мы сидим в ложах прессы, как раз напротив финиша. Нам очень удобно: весь спортивный театр перед глазами. Театр со многими действующими лицами. Представление с острым, напряженным развитием действия. Действие многоплановое, разветвленное. В центре этого действия для нас оказывается соревнование по метанию молота. Как известно, это не простой молот, которым правят железо, а молот, которым добывают золото, серебро и бронзу. «Добывают» эти металлы сейчас представители многих стран, в том числе Советского Союза и Венгрии. Ромуальд Клим представляет нашу страну, Имре Живоцки — Венгрию. Между ними идет напряженное соревнование. На электротабло вездесущая фирма «Омега» время от времени зажигает цифру. В ожидании весь стадион. Мы ожидаем, наверно, больше других.

Цифры меняются. Меняется и наше настроение. То мы поднимаемся в облака, то опускаемся на землю. В зависимости от того, какие цифры горят на табло.

Ромуальд Клим бросает молот. Зажигается цифра: 72.24.

Живоцки бросает: 72.26.

Всего два сантиметра. Всего... но сколько за этим!

Клим бросает молот: 72.86.

Это уже получше.

Живоцки бросает: 69.78, 72.46, 72.54...

Нас это устраивает, не устраивает Живоцкого.

Пятая попытка Ромуальда Клима.

Взвивается в небо молот. Очень красивый полет. Красивый, потому что далеко. На табло загорается: 73.28.

— Ура! — Это кричим мы.

Это каждый по-своему кричит на стадионе.

Диктор объявляет:

— Олимпийский рекорд!

Теперь бросает Живоцки. Пятая попытка. Живоцки нервничает. Нарушает правило, и попытка не засчитывается. На табло зажигается нуль. Ох, кажется, золотая медаль в наших руках, точнее, в руках Ромуальда Клима. Он в последний, шестой раз метает молот. 71.16. Много, но не для Клима.

Что же будет с последним броском Живоцкого? Сумеет ли он после пятой неудачной попытки справиться с этим объявленным рекордом?

Окончание — на стр. 30.

Юность Днепропетровщины.

Фото А. Бочинина
и Ю. Кривоносова.

Михаил Пильченко, рабочий с Кировского.

За далекою Нарвской заставой...

Фото
Л. Шерстенникова.

Вступление

К. ЧЕРЕВКОВ,
собкор «Огонька»

Жил за Нарвской заставой, работал на Путиловском токарь Вася Алексеев. Жил недолго и недолго работал. Двадцати трех лет не было, когда умер Вася. Скосил сыпной тиф. Вся Нарвская застава вышла провожать своего любимца на кладбище. День, вспоминают ветераны, первые комсомолята Путиловского, был студеный. Ветер с залива гнал свинцовые тучи. Девчата в худых платках, парни с картузами и солдатскими папахами в руках нестройно, печально тянулись за медленной трамвайной платформой, увитой крепом. На платформе два гроба. Мария — жена Алексеева — во втором. Не перенесла подруга. Стойкая была, а вот взяла его револьвер...

...Молодой шумный людской поток несет меня к проходной Кировского завода. Я всматриваюсь в лица нынешних путиловцев. Наследники Васи Алексеева... Ему было шестнадцать, когда он вступил в ленинскую партию. С тех пор питерский токарь оказывался всюду, где шли бои, решались судьбы революции: в первых нелегальных молодежных кружках, в районном штабе Красной гвардии, состоял и в боевой дружине, штурмовал Зимний и брал вокзалы, мосты и в Смольном на историческом съезде Советов был. Потом занял место за столом председателя Революционного суда — и это в двадцать два года!..

Рабочий, сын рабочего, Василий Алексеев был организатором комсомольской ячейки на Путиловском заводе, он же был первым редактором молодежного журнала «Юный пролетарий».

И заводская школа рабочей молодежи, первая вечерняя, где путиловцы получали образование, связана с именем Алексеева. Он помог ее открыть, призывая комсомольцев сесть за парты.

А когда к красному Питеру двинулся враг, то путиловцы создали двадцать пять боевых подразделений, в каждом сотни рабочих парней. На защиту революции укатил на бронепоезде имени Володарского и Вася Алексеев. Токарь стал пулеметчиком. Вскоре храброго парня избрали председателем Гатчинского ревкома.

...Теснит меня к тротуару могучий рабочий поток. Я провожаю смену, потом иду от проходной, через которую когда-то ходил на Путиловский и Вася Алексеев, вверх, на улицу его имени. Солнце поздней осени нежно высвечивает ряды новых домов.

Только что кировцы пошли на работу. Молодые люди, и всегда-то одетые со вкусом, сегодня словно специально принарядились. Собственно, так оно и есть: на Кировском большой нынче день. В канун комсомольского юбилея объявлен День посвящения в рабочий класс.

Несколько сот юношей и девушек, выпускников заводского производственно-технического училища, будут приняты в славный рабочий коллектив.

Иду с «новобранцами» в цехи. Ребята уже побывали на своих рабочих местах, познакомились со станками, их представили мастерам, бригадирам. В цехах пополнению искренне рады, рабочих не хватает, особенно станочников. Смотрю: цветы, подарки, значки и снова цветы. Комсорг училища Лариса Михайлова, сама токарь, приглашает старших на торжество. А старшие почти все кончали это училище, а тут еще такое дело: заводскому техническому нынче сто лет! И снова слышу в шумных рядах: «Вася Алексеев...» Да, его помнят. Помнят рабочие, как ходил когда-то на заводские курсы при училище токарь Михаил Калинин. Ему было двадцать лет, когда он поступил в пушечную мастерскую.

Вот пожелтевший от времени документ. Представление к приему на работу... Михаил Иванович Калинин... токарь. Две приписки: «Очки получил», другая — витиеватая, писарская: «На храм жертвовать не желает». Не пожелал токарь Калинин жертвовать на храм божий, уже тогда уверовал в другое — организовал революционный кружок.

Станок, на котором работал Михаил Иванович, стоит в заводском музее. От него каждый молодой кировец начинает свой рабочий путь. Вот и сегодня в музее тесно, пришли новенькие, попритихли. А на них, на нынешних, смотрит с фотографии комсомолец Николай Васильев. В 1928-м он возглавил на мелкосортном стане первую ударную бригаду. Николаю пришлось чуть ли не сражаться со старыми мастерами, те никак не доверяли молодежи стан: «Да кто вам позволит?» Коля Васильев добился своего. Его бригада удвоила выпуск проката за смену. А через пять лет, в канун комсомольского пятнадцатилетия, бригадира первой ударной наградили орденом Ленина.

Комсомольцы штурмовали! Штурмовали задания, нормы, встречные планы. Это святое чувство вечного движения, борьбы шло от поколения к поколению, от Васи Алексеева к Николаю Васильеву, а потом к тем, кто собирал первые тракторы, механизмы для Волховской ГЭС, кто мог и плуги ковать, и пушки лить, и турбины собирать. К заводским комсомольцам приехал однажды Владимир Маяковский. У входа в клуб, конечно, давка. Билеты распроданы. Шум, гам. Счастливчики в зале затаив дыхание слушали Маяковского. Он читал «Облако в штанах».

Потом читал «Хорошо!». Ворвался в зал Октябрь. Тогда еще не успели даже поседеть многие участники исторических событий.

Провожали поэта далеко. Комсомолята шагали по булыжнику улицы Стачек.

И свой заводской комсомольский поэт Боря Глебов был тут же. Это он сочинил:

Коль битвы нагрянут, тревогу сея,
В самое пекло выйдем напрямик.
Нам примером — Вася Алексеев,
Юный пролетарий, большевик!

Еще там, в заводском музее, я обратил внимание на смуглую девушку. Потом подошел к ней. Она назвалась: «Гуля Мещерова». Нет, не питерская! Учится на фрезеровщицу. А приехала на Путиловский (она так и сказала — «на Путиловский») из Киргизии. Да, как говорится, спустилась с гор — и в Ленинград. А виноват во всем дядя, ну, и, конечно, ее упрямство, в этом она охотно признается. Както, давно это было, двенадцатилетняя Гуля приехала на каникулы к дяде в Ленинград. А тот повел ее сразу на Кировский и Балтийский заводы. Сначала на заводы, а потом в музеи. Запомнились заводы. Девочка уезжала обратно в Киргизию, но про себя решила, что непременно вернется. И вернулась. На Кировский, или Путиловский, как она говорит. Гуля очень серьезна. Она неодобрительно стреляет черными глазами в сторону улыбающихся товарищей. Нельзя улыбаться, когда старшие вспоминают войну. А кировцы ее помнят, может, острее, чем кто бы то ни было: фронт проходил в четырех километрах от завода. Тысячи юношей ушли на фронт. В маршевой роте был и поэт Борис Глебов. Он пал смертью храбрых. Мало кто вернулся с той войны. Героями — иначе не назовешь — были и те, кто остался в цехах. Гуля, Михаил Пильченко, их друзья слушают историю одного из кировцев — Жени Савича.

Блокада... Женя давно уже не уходил с завода. Дом его сгорел. Да и сил не было выйти за проходную. Едва держался у станка. А когда кончал смену, брел в дальний угол цеха — там у него стояла койка. Валился на койку, забывался. И вот случилось так, что надо было срочно расточить деталь агрегата — для того самого, который отливал головки снарядов «Катюш». Требовалась точнейшая обработка. Послали за Савичем. А он лежал точно мертвый на койке. Рядом, прямо на полу, горел костер, там тесно сидели рабочие, грели руки.

— Ждем тебя, Женя. Важная расточка!

Савич хотел подняться — не получилось. Нарочный — к костру:

— Помогите, братцы, поднять. Ослабел человек.

Подошли еще рабочие. Опираясь на подставленные плечи, добрел Женя до станка. Подручные установили и закрепили деталь. Савич сказал им: «Держите, а то упаду...» И Женю держали, пока он обрабатывал деталь. Работа была сделана. Савич отдал ей последние силы. И тогда — передают, как легенду, старые кировцы молодым,— и тогда — свидетельствует заводская летопись — Савича подняли на руки и отнесли на железную койку. А на заводском дворе рвались снаряды... Женя не вставал. Товарищи отнесли его в стационар...

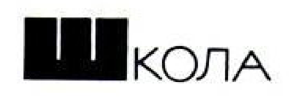
Гуля слушает о Савиче. Потом склонилась над тетрадкой. Это дневник комитета комсомола Кировского завода, его вела комсомолка Шура Хохрякова. Нынешние комсомольцы читают: «Около одиннадцати часов опять был сильный артобстрел завода. В комитете комсомола вылетели стекла. Рядом загорелось здание. Осколком убита бригадир формовщиков комсомолка Тося Фроленкова. Девушки поклялись отомстить фашистам». Еще страничка: «Погибли наши славные товарищи: Ната Калятина, Лилия Баранова, Аня Барышева. Около прокатного убито шесть человек, среди них Аня Журавлева». И тут же: «Сегодня приняли в комсомол 30 человек. Присвоили бригаде Забирихиной звание фронтовой».

А с фронта шли вести: кировцы дерутся достойно. Бывший фрезеровщик комсомолец Герой Советского Союза Евгений Чистяков сбил шестнадцать самолетов. И еще один, тоже кировский фезеушник, токарь комсомолец Михаил Баранов стал Героем Советского Союза.

Сейчас под знаменем заводского комсомола около шести тысяч юношей и девушек. Неугомонные наследники Васи Алексеева. Это они своими руками делали мощные тракторы «Кировец», турбоагрегаты для первого атомохода «Ленин» и вездеход «Пингвин», турбины для океанских нефтевозов...

...Огромный корпус из бетона. Это тракторно-сборочный цех. Вот показался мощный «К-700». На нем комсомольский значок, один из сверхплановых тракторов — дар заводского комсомола к юбилею ВЛКСМ. Посредине пролета собрались «новобранцы» Кировского. Ребята волнуются. Гремят аплодисменты. Мастера, старые рабочие обращаются к молодым с добрыми напутствиями. Как повелось, девушки преподносят им цветы, даже целуют их, смущенных. Достался поцелуй и Петру Смирнову. «Первая награда!» — шутят рабочие. Ему всего семнадцать, но он уже мастер своего дела. Его на выпускном экзамене гоняли до семи потов, час длилась дуэль между экзаменаторами и пареньком. Смирнов блестяще выдержал испытание. Случилось редкое: парню сразу присвоили четвертый разряд. Петра взяли в цех штампов и приспособлений, здесь делают оснастку. Работа серьезная и умная.

И жаль мне, по правде сказать, было узнать вечером, что на бал, который грянул во дворце имени И. И. Газа, Петр не пришел. Твердый человек остался верен себе: не захотел пропустить занятия в одиннадцатом классе вечерней школы. В тот день была контрольная по математике.

Школа

Михаил ВЛАДИМОВ

Не очень я был подкован
По многим политвопросам.
Поэтому
Из окопов
На курсы комсоргов послан.
Учились мы в бывшей школе...
Потом здесь гестапо было:
При взгляде на стены голые
Сердца сквозняком знобило.
На уровне парт
Вслепую,
Вкосую,
Гвоздем,
Осколком:
«Сегодня пойду под пули...»,
«Ребята! Врагу ни слова...».
Побелка была тут к Маю.
Но буквы прожгли белила,
Как будто бы докрасна их
Ненависть раскалила.

Когда же политотделец
Читал нам вот в этих классах
О том, что́ на классы делит,
О том, что сшибает классы,
Когда огневик и тактик
Чертили неутомимо
Прямую атаки танка,
Кривую полета мины,—
Как гвозди, входили знанья
В курсантскую нашу память.
И если сдавать экзамен,
То мы — без шпаргалок — на́ пять!

Потом я опять в окопы
Был с курсов комсоргов послан.
И шел на врага подкован
По многим политвопросам.

Но враг, он меняет облики.
В запасе держа фугасы,
Прикидывается добреньким,
Воркует о мире классовом.
За лацкан берет рабочего:
Мол, догмы вождей избиты,—
И бьет на мою отходчивость,—
Что было, мол, то забыто!

Услышу — и злобой пенюсь я:
Внушать бесхребетность мне-то?
Есть школа классовой ненависти.
Я вышколен школой этой!

УЧИТЬСЯ КОММУНИЗМУ

...ОТДАВАЯ ВСЕ СИЛЫ НА ОБЩЕЕ ДЕЛО

Они прокладывали Ферганский канал, проводили комсомольские субботники, строили метро и были его первыми пассажиры

„Без меня народ неполный"

Н. ВЕРИНА

Недавно я побывала в славном новом городке. Имеется здесь среди разных предприятий завод, где варят стекло. Вы, конечно, слышали про телескоп с шестиметровым зеркалом? Его линзу отжигали на этом самом заводе. Громадина остывала целых два года, и все это время нужно было поддерживать строго определенную температуру: отклонение лишь на одну десятую градуса могло вызвать трещину. Вот какие нелегкие дела на заводе... И есть там один парень, сказали мне, Миша Афанасьев. Это такой золотой парень, хотя и вполне обыкновенный. Комсорг энергоцехов, слесарь цеха контрольно-измерительных приборов (КИП).

— Писать обо мне? Что вы! Не стоит,— запротестовал Миша.— Уж если о ком писать, так это о Леше Костине, комсорге нашего цеха. Вон его верстак, наискосок от моего. Таких людей, как Леша, поискать!

Что ж! Придется рассказывать не об одном, а о двоих золотых парнях. Итак...

МИША АФАНАСЬЕВ

Летним вечером Михаил Афанасьев и Борис Тойметов, секретарь комсомольской организации завода, проходя мимо кафе «Звездочка», увидели троих парней, явно под парами. Парни затеяли какой-то бессмысленный спор, грозивший окончиться дракой. Миша сказал: «Надо с ними потолковать» — и двинулся к разгулявшимся ребятам. Однако вмешательства не потребовалось. Один из спорщиков вдруг мигом протрезвел: «Кончай, ребята. Мишка Афанасьев идет. Неудобно перед Мишкой...». Остальные двое тоже сразу сникли.

Ведь всего два года прошло, как восемнадцатилетний Михаил Афанасьев пришел на завод и положил на стол секретаря комсомольской организации свою школьную характеристику. Были в ней, между прочим, такие строки:

«...Миша — прирожденный организатор, талантливый комсомольский работник, который всегда пользовался большим уважением. Миша обладает неиссякаемой энергией и инициативой... На Мишу во всем можно положиться, за дело, порученное ему, можно быть спокойным...»

Прочитав это, секретарь хмыкнул и с веселым любопытством уставился на ясноглазого человека:

— Ну что ж, прирожденный организатор, выкладывай, какие такие замечательные дела вы в школе учиняли.

— А мы ничего замечательного не учиняли.

— Ну, а незамечательного?

— Мы вот, ну, просто памятник возле школы поставили воинам-героям. Собрали деньги — выручку за металлолом и макулатуру, пригласили скульптора, архитектора... Потом старались, чтоб досуг у ребят был хорошенько налажен, чтоб по улицам без дела не слонялись...

Товарищи по работе Мише пришлись по душе. Цех в основном молодежный, но есть люди и пожилые. Особенно прилип душой Михаил к начальнику цеха Николаю Ивановичу Опаркину.

Первый разговор у Николая Ивановича с Мишей был такой:

— Ты знаешь, что такое КИП? КИП — как штурман, от которого зависит управление кораблем. Придется тебе дальше учиться.

В институт Миша поступил сразу, как пришел на завод. В заочный машиностроительный. А вот работа ему сначала, как говорится, не показалась.

Но постепенно Мише стала она нравиться. Дело даже не в том: нравится — не нравится. Просто понял, что плохо работать нельзя. Если, например, неисправный прибор покажет завышенный расход газа, то и технология варки стекла нарушится и предприятие переплатит немалую сумму. Так что он, Михаил Афанасьев, и за деньги заводские в ответе.

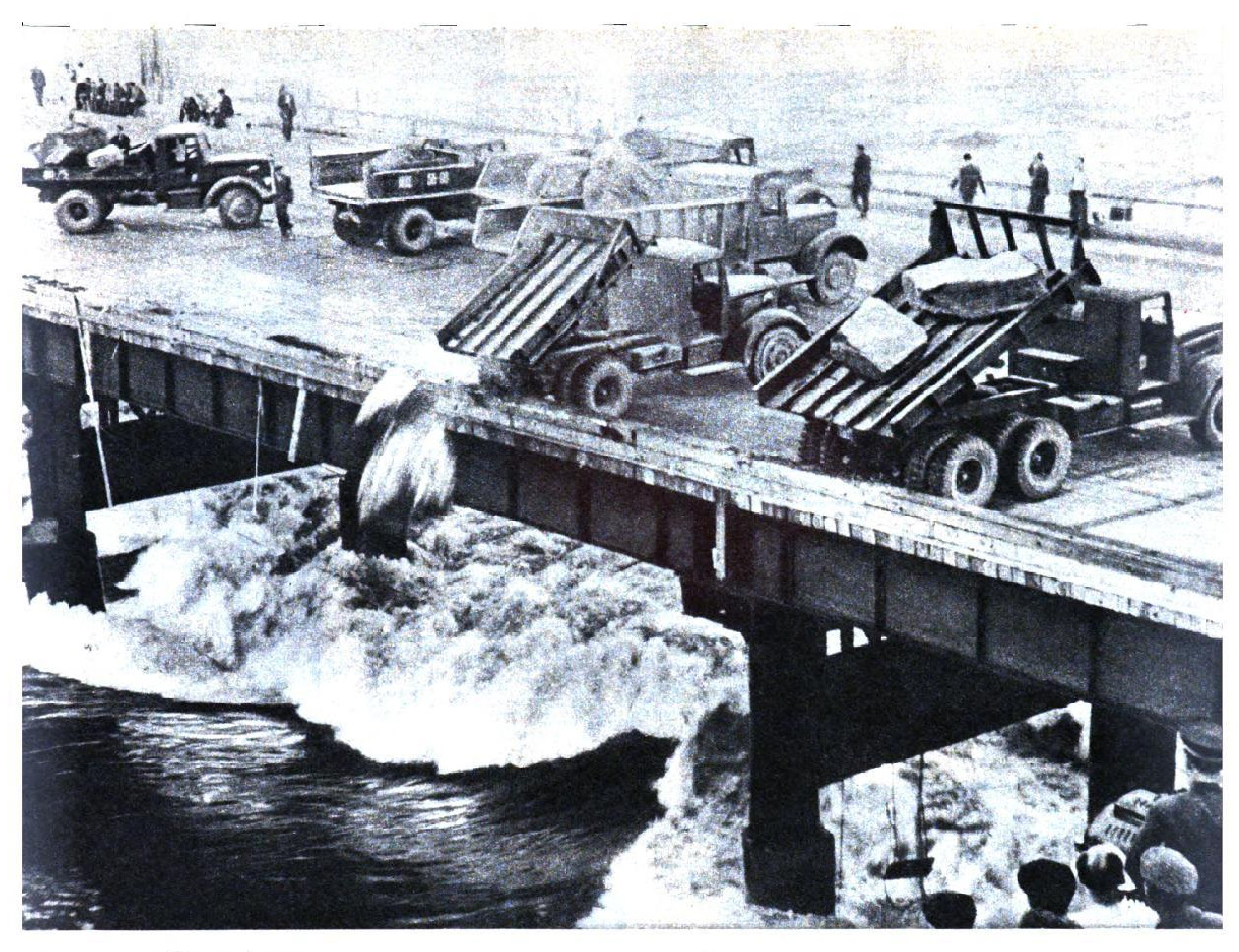
Мастер цеха Николай Михайлович Губанов сказал мне:

— Знаете, в иные горячие минуты я Мишу бочком обхожу. Он ведь неотвязный, хуже репья. Привяжется, что у какого-то его рас-

Два комсорга, два слесаря — Леша Костин и Миша Афанасьев.

Фото В. Филатова.

ми, перекрывали бурную Ангару.

ходомера стекло лопнуло и необходимо срочно заменить. Видишь, говорю, Мишенька, запарочка у нас. Завтра твое стеклышко заменим. А он свое твердит. Я взрываюсь: потерпит твой чертов расходомер! А Мишка спокойненько и нудно тянет: а если кто дуриком стрелку переведет, в какую это копеечку нам обойдется?

За то и уважают комсомольцы Михаила, что он во всем ведет себя как хозяин. Кто придумал соревнование за звание лучшего комсомольца цеха? Михаил. А кто уговорил ребят вступить в добровольную дружину? Тоже он. Кто больше всех потрудился, когда готовились к туристскому слету? Афанасьев. И он же подал Борису Тойметову стоящую мысль, когда тот искал пионервожатых для подшефной школы.

— Не надо никого уговаривать, Боря. Просто закрепи за каждым цехом какой-нибудь класс. Уж мы сами разберемся.

А у себя в цехе сказал:

— Ребята, может, кому и неохота с пацанами возиться, но придется. Там ведь наши дети учатся.

— Особенно твои,— засмеялись ребята.

— И мои будут,— спокойно ответил Миша.— Мои, ваши — все будущие рабочие, которые придут в эти цеха и нас сменят.

Ребята помогают всем коллективом. А особенно комсорг КИПа

АЛЕКСЕЙ КОСТИН,

с которым у меня получился занятный разговор. Я спросила Алексея: вот окончит он техникум. А дальше что? В инженеры пойдешь?

— Представьте: нет. Останусь рабочим.

— Почему рабочим?

— Тут две причины. Вы заметили, какие сложные приборы у нас в цехе? Вот этот, например.— Алексей кивнул головой на один из черных ящиков.— Он сочетает в себе и механику и электронику. В механике, положим, можно и пощупать и поглядеть, где непорядок. А в электронике ни глаза, ни руки не помогут. Головой думать надо, в какой цепи обрыв, где поломка. Начальник наш, Николай Иванович, говорит, что сейчас в цехе все должны быть на уровне техников, а в дальнейшем — на уровне инженеров. Это первая причина. А вторая — вот она. Я так считаю: лет до двадцати человек в основном берет — берет от семьи, от школы, от государства. Складывает все в сердце, в голову, как в копилку. Ну, а когда копилка наполняется, тут уже не скупись, отдавай. А как лучше всего, полнее отдать? Наверное, на том месте, которое тебе больше всего подходит. Я прирожденный рабочий. Это у меня от отца. Он тоже слесарь и уважает свою профессию.

Вот так рассуждает парень, не проживший еще и четверти века. Правда, за плечами у него служба в армии, на границе.

Служба сразу увлекла Алексея. Он ведь во всем любит порядок. И дисциплина его не пугает. Но больше всего ему нравится, это когда, по его словам, «народ — до кучи», когда дружно живут. А застава так и жила — одной семьей. Но тут постигла Лешу Костина и первая беда. Девушка, которую он любил, вдруг перестала писать, сообщила коротко, что выходит замуж за другого. «Желаю тебе счастья»,— так же коротко ответил Алексей, но в душе не верил, что это всерьез,— поверил, когда вернулся домой. И такая тоска заела! И так не хватало ребят с заставы!.. Пошел Костин устраиваться на работу. Не столько работу искал, сколько коллектив дружный, такой, как был на границе. И тут кто-то сказал, что вот есть отличный цех на стекольном — КИП.

Пригляделись комсомольцы цеха к вчерашнему пограничнику и выбрали его своим секретарем.

Ну и развернулась цеховая комсомолия. У них все в ажуре: и дисциплина, и стенгазета, и оформление цеха, и подшефному колхозу помогают — словом, первые помощники партбюро и цехкома.

Мы долго беседовали с Лешей, и наконец я рискнула спросить:

— А что ваши сердечные раны, затянулись?

Вижу по веселому взгляду, что вопрос не причинит ему боли.

Леша улыбается:

— Я теперь человек семейный. Познакомился тут после армии с Валей. Она работает на машиносчетной станции. В январе наши ребята у меня на свадьбе гуляли. А летом во время отпуска с Валей совершили путешествие. В Ленинград, на мотоцикле. Прямо под арку Главного штаба влетели. Наутро побежали по музеям. Вдруг в одном из них вижу диораму — взятие Зимнего. И штурмующий народ вымахивает к Зимнему как раз из-под арки Главного штаба. Меня жаром обдало: «Смотри, Валя, да мы с тобой вчера прямо в историю вкатили!»

И такое у меня тут непривычное чувство поднялось! Как бы это сказать поточнее... Ну вот я, рабочий Алексей Костин. Но я же не просто сам по себе, а один из всего народа. И того, что раньше жил, и того, что потом будет жить. И все мы, сегодняшние люди, как мост между прошлым и будущим. Значит, я, Алексей Костин, отвечаю и за вчерашних мастеров — не посрамить бы их — и за завтрашних — передать бы им все наше лучшее...

Леша задумался, помолчал и спросил:

— Вы не помните, какой это писатель так здорово сказал: «...без меня народ неполный»?

В. МЕЛЕНТЬЕВ

Фото К. КАСПИЕВА.

Не старей, город

«Предлагаю срочно прислать мне сведения и материалы о постройке Иваново-Вознесенской районной электрической станции». Такую записку послал В. И. Ленин в Президиум ВСНХ 19 октября 1921 года.

Все понятно. Комсомольская ГРЭС — один из первенцев ленинского плана ГОЭЛРО. Память услужливо подсказывает: «Кремлевский мечтатель». Так называли Ильича когда-то. Как он сумел увидеть из голодного 1921 года этот зеленый, индустриальный городок Комсомольск с великолепным Домом культуры, клубами, школами, техникумом, парками и всем прочим, что неотъемлемо от советского образа жизни, увидеть не где-нибудь, а вот здесь, в Ивановской области, в глубине болот, осиновых лесов, посредине древнего и глухого царства деревенской жизни?

1921 год...

Читаю записки Владимира Ильича только за один месяц. А вот телеграмма в Лондон:

«Телеграфируйте мне точно, когда выяснилась возможность дать заказ... на турбины в кредит под векселя Внешторга...»

Потом следует записка-инструкция членам временной Берлинской комиссии о заграничных заказах для Гидроторфа, об угледобыче. Проект телеграммы об организации трехнедельника по вывозке дров, забота о нефти, о колонии американских рабочих в Кузбассе, строжайший разнос связистам за отвратительно работающую телефонную линию с Харьковом.

Бесконечен круг его интересов, но чаще всего он думает о голоде и топливе. Ленин знает, каково положение в стране, и не строит радужных надежд. Ленин трезв и порой суров.

Коротенькая записка Г. Чичерину:

...«Англичане и французы хотят нас грабить. Этого мы не допустим. На их «недовольство» этим не будем обращать внимания.

...С немцами сближение торговое идет. С Италией начинается: она предлагает заем. Надо ЭТО дело ускорить...

С Армстронгом договор о котлах есть. С Норвегией договор».

Нет, тут не только мечтатель. Вовсе не мечтатель. Трезвый, впередсмотрящий политик и хозяйственник. Ленин понимал, что наша сегодняшняя жизнь готовилась тогда. И размеренно, тщательно готовил ее: турбины, котлы, гидроторф...

Но почему именно эта электростанция интересовала Владимира Ильича в то время? Прикинем: Кашира — это энергоснабжение Москвы. Волховстрой — ток для Петрограда. Иваново-Вознесенск — родина первых Советов, ситцевая губерния — давал почти половину тканей страны. Не здесь ли ответ на наш вопрос?

И вот мы сидим с ветеранами города в парткоме ордена Трудового Красного Знамени ГРЭС.

— Почему город назван Комсомольском?

— Это очень просто,— говорит главный инженер станции Виктор Александрович Иванов. Он начинал здесь рядовым землекопом.— Наша стройка оказалась первой комсомольской стройкой страны. Сюда по путевкам укомов и губкомов, особенно из Мордовии и Харьковщины, съехались в основном комсомольцы и молодежь. Когда построили первые одиннадцать многоэтажных домов, школу, клуб, магазины, стало ясно, что мы создали город. И тогда встал вопрос о названии. Был митинг. И единогласно решили: наречем Комсомольском.

Станцию и город строили по принципу — энтузиазм плюс расчет. Денег, валюты хватило только на покупку оборудования, все остальное делалось своими руками...

Отводные каналы, плотины водозаборного озера на речке Ухтохме строили вручную. Не было ни одного экскаватора. Единственное средство механизации — паровая баба для забивки свай.

Когда пришло время получать оборудование, то самое, о котором беспокоился Владимир Ильич, началось самое страшное: не оказалось квалифицированных рабочих. Комсомол кликнул клич: «За парту! Главное — учеба!».

За один месяц возвели четырехэтажную школу (теперь она носит порядковый номер — первый). Плюс к этому школы рабочей молодежи, энергетический техникум, курсы обмена опытом...

А какой опыт? Он был только у шеф-монтажников, присланных зарубежными фирмами. Иностранцы не собирались расставаться со знаниями. Они и жили и держались в стороне. Особенно англичане, представители известной «Метрополитэн-Виккерс». Ключ к шефам подобрал слесарь, заядлый спортсмен, а теперь начальник топливного цеха Анатолий Лобов. Он организовал футбольную команду. В нее вошли Миха Чех — монтажник чешских котлов, Михаил Иванович Михель, монтировавший немецкое оборудование, и два англичанина — мистер Агню и мистер Шелле (фамилии и имена иностранцев ветераны помнят слабо. Но их привычки и добрые стороны характеров — отлично). Первая интернациональная футбольная команда стала выезжать на матчи и неизменно возвращалась с победой. Футбол футболом, но как не помочь товарищу по команде, как не ответить на его вопросы?

Много лет спустя, уже став инженерами и овладев английским языком, товарищи Шелле по футбольному полю побывали в Англии, попытались разыскать его. Не нашли. После возвращения из России мистер Шелле был уволен фирмой и получить работу в Англии уже не мог. Он умер в ночлежке...

Как бы там ни было, опыт у комсомольцев вскоре появился и знания уже были. Оставалась еще одна проблема — торф. Станция ела его колоссальными порциями. В разгар гуляния и занятий в вечерней школе слышался клич:

— Прибыл эшелон!

Бросали все и спешили на станцию разгружать торф. В выходные дни уезжали на торфопредприятия. Станция работала бесперебойно, сразу вытеснив около 200 мелких фабричных электростанций. Ее ток пошел и в Москву.

Теперь она маленькая. Из оборудования выжато все, что возможно. Оно настолько реконструировано, что, в сущности, это новые машины и котлы. Сорок лет станция дает ток, работая на торфе. Она окупила себя десятки раз. Но дело не только в станции. Вырос промышленный город, о котором в те голодные, страшные дни 1921 года мечтал Ленин.

А как живут сейчас ветераны? Знаменитый футболист Лобов и сейчас возглавляет комсомольское добровольное спортивное общество «Труд» и не может удержаться, чтобы не сбегать на тренировки местной команды «Энергия». Сейчас команда оказалась в затруднительном положении. Половина футболистов поступила в институты.

Учиться — это комсомольская традиция и, значит, традиция города. Дети энергетиков тоже становятся энергетиками. У главного инженера В. Иванова сын учится в одном из крупнейших в стране Ивановском энергоинституте. У начальника смены турбинного цеха ГРЭС Н. Бирулля сыновья — на электростанциях Владимира, Шпицбергена, Иркутска. У Жеглова сын тоже энергетик, работает в Чебоксарах.

Таковы страницы истории города Комсомольска, комсомольской стройки.

Так начинался Комсомольск. Фото из архива В. Волкова.

Они были первыми — главный инженер Виктор Александрович Иванов (справа) и машинист турбинного цеха Николай Михайлович Батуров.

Главный щит управления ГРЭС — дежурные Валерий Зыков и Геннадий Смирнов (слева).

Четвертое поколение города.

Самые счастливые.

Так начинался Комсомольск-на-Амуре.

Встречай хетагуровок, Дальний Восток.

В пургу и морозы возводят комсомольцы сибирские ГЭС, осваивают ледяные просторы Арктики.

...ПРЕОДОЛЕВАЯ ТЫСЯЧИ ТР

УДНОСТЕЙ

Испытание

Ю. ЛУШИН

Испытание началось в пятницу. В цех пришли конструкторы, техники, рабочие.

— Ты, брат, нынче именинник,— шутливо поздравлял директор завода Валентин Владимирович Тананаев молодого начальника цеха Чеботарева.— Магарыч бы с тебя, Саша...

Именинник и не улыбнулся. Сколько месяцев ждал он этого дня, а теперь как будто и не рад. Почему? Директор это знал, перед ним возникло на секунду встревоженное лицо вчерашнего Чеботарева. «Нельзя пускать сушилку, Валентин Владимирович,— говорил он.— Нельзя. В ней нет температурных швов. Семьдесят метров длины все-таки...» «Ты что же,— отвечал директор,— конструкторам не доверяешь?..»

В общем, разговор этот не привел ни к чему, и все должно было решиться сегодня.

Испытание началось в пятницу, а в субботу случилась беда: печь вышла из строя. Случилось то, чего и опасался Чеботарев: будь хоть один температурный шов, ничего бы не произошло. А теперь... Цех вот-вот начнет выдавать продукцию, которую ждут десятки автомобильных и авиационных заводов. Ждут. Что он им ответит? Ему казалось, что это он («Конечно, я, кто же еще?») единственный виновник аварии. «Я должен, должен был настоять на своем,— твердил он себе.— И ничего бы не случилось. Задержали бы пуск на несколько дней, и только...»

У сушильной печи к этому времени собрался целый консилиум. Максим Скачков со своими сварщиками-монтажниками, начальники участков, бригадиры... Подошел директор, мельком взглянул на Чеботарева и угадал его настроение. А тот сразу же отметил: «Ну вот, Тананаев тоже не смотрит в мою сторону. Знает, виноват я, начальник цеха...»

Директор же, поняв по долгому своему опыту, что творится в душе у Чеботарева, думал совсем не о том. Вернее, о том же, но по-другому. Он думал, что все-таки здорово ему повезло с Чеботаревым. Таких людей поискать. Он помнил, как пришел к нему, на завод резино-технических изделий, худой, тихий, очкастый мальчик, недавний выпускник Саратовского политехнического института, с дипломом механика. «Ну что ж, посмотрим, на что ты способен»,— подумал тогда директор, глядя на него без особого энтузиазма. Откуда ему было знать, что мальчику еще в институте прочили блестящее будущее, что в студенческие годы он написал две научно-исследовательские работы по механике, что его уговаривали остаться в аспирантуре и предлагали место на кафедре! Чеботарев ответил коротко: «Что за специалист, не нюхавший производства?» — и уехал на завод.

Саша не только привел в образцовое состояние механизмы, но и полез не в свое дело — в технологию производства, доселе ему незнакомую. Что он знал о латексах до прихода на завод? Только одно: это водная эмульсия каучука, жидкость, с виду похожая на молоко. И все. А то, как из этой жидкости получаются мягкие, прочные, пружинистые сиденья для мотоциклов, тракторов, автомобилей и самолетов, для него было тайной. Но с его ли характером ходить равнодушно мимо тайны?

Процесс образования губки оказался не таким уж простым, каким представлялся на первый взгляд. Но как раз это и было интересно. Латекс не переносил пыли и сразу же давал знать об этом бракованными изделиями. Механик заметил такую особенность и заменил вытяжные вентиляторы более мощными. Дело пошло лучше. Еще латекс боялся резкой смены температуры. Чеботарев провел массу опытов, а когда один из них увенчался успехом, о молодом механике заговорили. Многим он нравился. А некоторых удивлял:

— Странный какой-то. Всюду суется, куда надо и куда не надо.— И, многозначительно качая головами, добавляли: — Знаем, знаем. «Туда» лезет...

Саша, понятно, «туда» не лез. О высоких должностях не думал.

Завод расширялся. Начиналась реконструкция старого цеха и строительство нового. Надо было перестраиваться на ходу. «Но кто сможет вынести такой груз на своих плечах? — спрашивал себя директор и все чаще думал: — А не поставить ли начальником цеха Чеботарева? Молод,— возражал он себе.— Ну и что же? Может, это как раз и хорошо. Подучить можно. Пойдут ли за ним люди? Безусловно». К тому времени директор, старый партиец, уже хорошо знал своего механика. Ему было известно, что в институте Саша неоднократно избирался членом комитета комсомола. Потом работал в Октябрьском райкоме комсомола в Саратове. Теперь, похоже, собирается вступать в партию. И Тананаев без колебаний дал бы ему рекомендацию.

Директор не ошибся. Чеботарев готовился стать коммунистом. И никогда он не был сам над собой столь строгим судьей, как в те дни.

В нем жила, быть может, наивная вера в то, что он должен сделать что-то необычное. Вот тогда-то он получит право стать коммунистом.

Однажды на завод принесли кусочек удивительного нетканого ковра: на тонкую пластину из латексной губки была наклеена ворсистая ткань. Ковер, которым устилали салоны самолетов, получался легкий, прочный и мягкий.

— Их делают в Англии,— объяснял Тананаев.— И продают нам. Разумеется, за золото. Подобная ворсовая ткань есть и у нас. Так что дело за малым,— хитро улыбнулся он,— за первым советским ковром. И чтоб не хуже английского был.

Вот оно, пришло его время, понял Чеботарев. Ковер нужно сделать. Но легко сказать — нужно. А если неизвестна технология, если непонятен способ, которым прочно приклеивается ткань к губке, если нет оборудования? Надо делать самим, надо искать, решил Чеботарев. Иного пути нет. Так же рассуждали Таисия Сергеевна Фочкина, Николай Желудков, прозванный профессором за удивительную способность все уметь, все знать, и другие энтузиасты, с которыми начал работать Чеботарев. Первые опыты приносили традиционные в незнакомом деле блины комом.

Ковры все-таки выпускали. Намазывали клеем ткань и плотно прижимали к пластине. Все делалось вручную. Но главное, что огорчало,— ковры пока уступали английским. Чеботарев понимал: без конвейера качества не добиться — и все надежды возлагал на новый цех, где должна быть пущена большая поточная линия. Но то когда еще будет!.. Шли бесконечные, казалось, пробы и поиски в старом цехе, где устроили своими силами небольшой конвейер. Наконец решение было найдено. Все оказалось гениально просто. Ковры получились даже лучше английских... Нужно было быстрее пускать новый цех.

И вот он почти готов. Осталось смонтировать кое-какое оборудование и испытать мощную сушильную камеру. Победа казалась близкой. И вдруг вот эта досадная авария... Подошел директор, мельком взглянул на хмурого Чеботарева и неожиданно улыбнулся:

— Ты знаешь, Саша, что я вспомнил? Как ты нырял в колодец, когда ливень заливал теплотрассу. Одни ноги торчали, очень было смешно...

Эта шутка словно побудила Чеботарева к действию. Он внимательно посмотрел на сварщиков, столпившихся вокруг Максима Скачкова, и, как всегда, негромко сказал:

— План, ребята, такой. Разбираем в двух местах кладку для температурных швов — тут и тут. Придется залезать в печь, убирать старую арматуру и приваривать новую. Идти по двое. На всякий случай. Еще один будет подстраховывать с брандспойтом сверху...

Он замолчал. Сварщики тоже молчали, напряженно глядя на узкое, пугающее жерло печи. Каждый из них понимал: попади там, внутри, искра на одежду, можешь и не выйти. Вот для чего брандспойт. Молчание становилось невыносимым. И тут Чеботарев спокойно добавил:

— Первыми пойдем мы с Максимом.

Они пробыли в печи два часа.

К вечеру цех опустел. Чеботарев еще раз прошел вдоль сушилки, потрогал зачем-то стальные уголки и вышел за ворота. На улице его встретил густой, пьяный аромат цветущих вишен и яблонь. Идти было недалеко. Вот он, совсем рядом, его дом. Но Чеботарев вдруг почувствовал себя неважно.

— Ничего страшного,— сказал он жене.— Директору ничего не говори...

Никто не должен знать, что это у него уже не первый сердечный приступ.

Но Тананаев все-таки узнал. Вызвал Чеботарева.

— Ты не знаешь случайно, Саша, где находится Кисловодск?

— Знаю, в Африке,— мрачно пошутил тот.

— Вот туда и поедешь. «Не уговаривайте, не уговаривайте»,— рассердился он.— Я тебя и не уговариваю. Это — решение партбюро и мой приказ. Все. Иди.

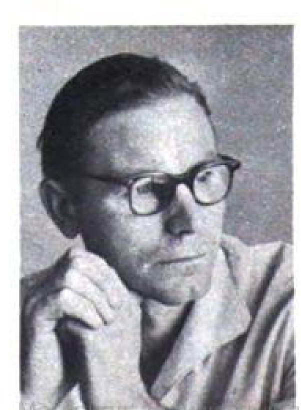
...Я приехал в Калининск, когда новый цех уже набрал полную мощность. Кстати, вместо трех лет, положенных на освоение производства, его освоили всего за десять месяцев. С главного конвейера теперь за сутки сходят сотни метров ковров. Тех самых, что лучше английских. Но Саша все же недоволен. Он уверен, что конвейер способен на большее.

Вечером, когда смена пошла по домам, мне посчастливилось присутствовать при великом таинстве. «Профессор» Коля Желудков и все тот же Саша Чеботарев колдовали над ящиками с формовочной землей, привезенной специально из другого города. Они готовили формы для детских игрушек, которые прекрасно получаются из латекса.

— Когда-нибудь у нас будет целый цех игрушек со своими художниками и конструкторами. А пока видите...— говорил задумчиво Чеботарев.

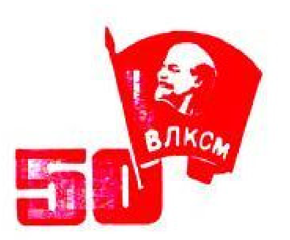
Да, я видел. Видел и в который раз удивлялся постоянному недовольству Чеботарева сделанным им, жажде все успеть, ничего не пропустить.

Саша Чеботарев.

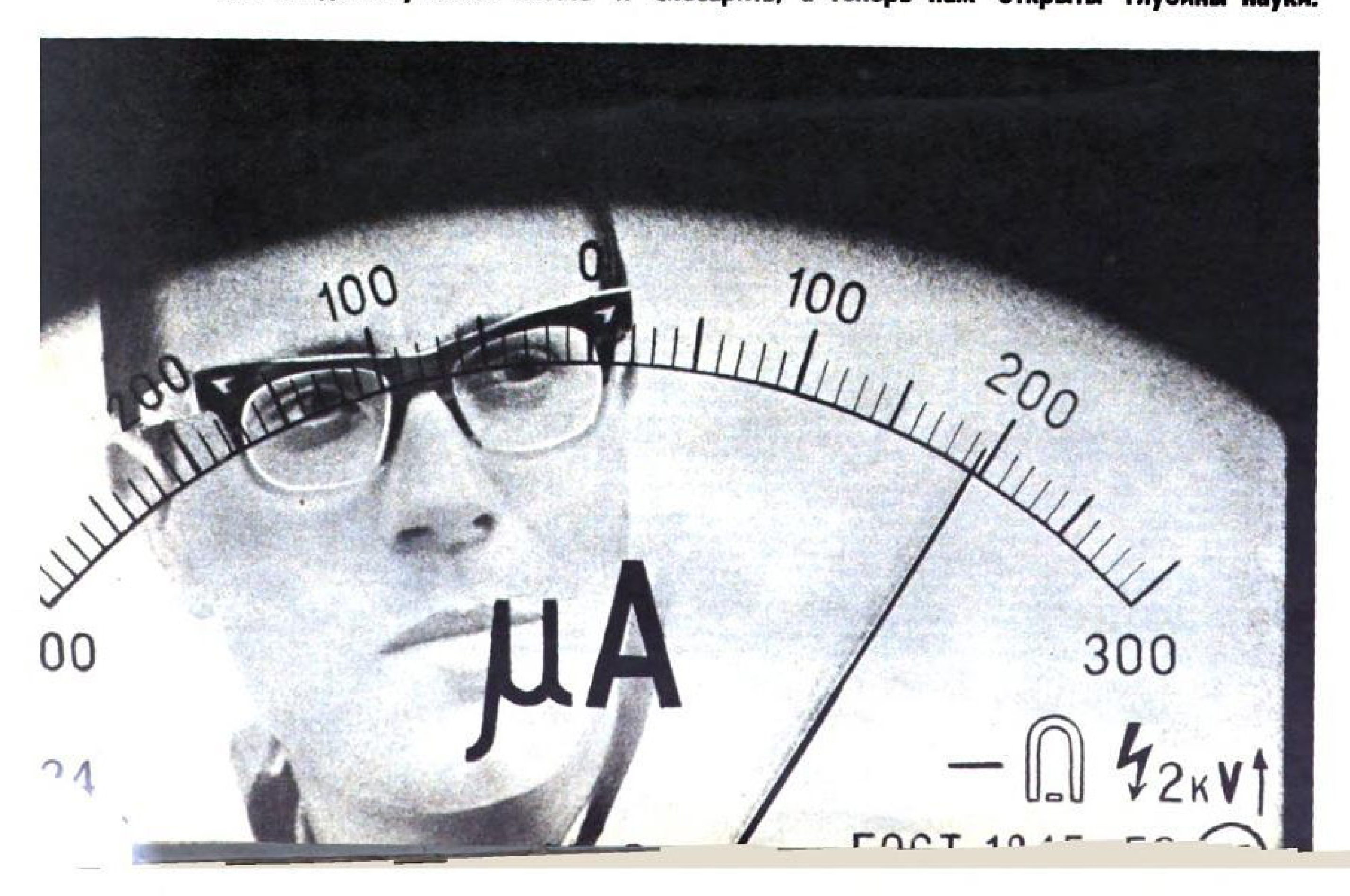

УЧИТЬСЯ КОММУНИЗМУ

...ОВЛАДЕВАЯ ЗНАНИЯМИ

Мы когда-то учились читать и слесарить, а теперь нам открыты глубины науки.

ЕЩЕ О РОБОТЕ

Владимир ШЛЁНСКИЙ

О царство электронной техники —
наш современный Колизей!
Пришли студенточки из техникума
в Политехнический музей.
Они глядят зрачками робкими,
огромными, как циферблат,
и замечают, что у робота
гипнотизирующий взгляд.
И прячут руки в муфты беличьи,
а он взирает из-под век,
но холодеют руки девичьи.
О магия, двадцатый век!
А он с улыбкой гордой статуи
на перекрестке двух эпох,
стоит он, иноверец статный —
вчерашний раб, грядущий бог.
И возникает речь из лепета,
в кулак сжимается рука...
В нем нет ни капли раболепия —
в нем что-то есть от Спартака!

Любовь не с первого взгляда

Владимир ВИНОГРАДОВ

— Ученых часто спрашивают: в чем они видят главную цель своих исследований? На этот вопрос отвечают по-разному. Докучаев считал главной своей задачей исцеление земли. Пастер — удлинение человеческой жизни. Но есть одна общая цель, которая составляет смысл жизни каждого ученого: обеспечить подготовку научной смены,— так говорил академик А. И. Мальцев, крупный математик, лауреат Ленинской премии.

Молодой новосибирский ученый Юрий Ершов — ученик Мальцева. Его научная карьера коротка, но стремительна. 1963 год — студент Новосибирского университета, 1965-й — защита кандидатской диссертации, 1966-й — доктор физико-математических наук.

Как Юрий Ершов стал математиком? Происходит по-разному выбор дорог. Не многие находят сразу свой единственно правильный путь. Обычно ищут долго, пробуя разные варианты, выбирая один среди сотен возможных. И как важно бывает найти опытного наставника, угадавшего твои силы, сделать шаг именно в ту сторону, где спрятано твое призвание! И сделать этот шаг в самом начале пути...

Нельзя сказать, чтобы Юрий Ершов не любил математику в школе. Просто он относился к математике спокойно. Именно спокойно, не больше. Она не волновала его, не занимала свободное время, не была хозяйкой его мыслей. Его воображение было целиком покорено геологией. Школьнику Ершову казалось, что он однолюб и что символами его жизни станут геологический молоток и палатка.

Он не заметил момента, когда геология была положена на весы, на второй невидимой чаше которых сначала едва-едва, а потом все больше стало ощущаться противодействующее влияние математики. В десятом классе наметившийся перелом стал реальностью. После окончания школы сибиряк Юрий Ершов отправляется в Москву поступать в физико-технический институт, знаменитый «физтех», большинство выпускников которого работает в Новосибирском академгородке.

Может быть, Юрий переоценил свои силы, а может быть, это было «экзаменационной случайностью», но он провалился на экзамене по математике. Двойка!

Эта двойка заставила его полюбить математику. Он возвращается в Новосибирск. Поступает на работу. По вечерам токарь-карусельщик Юрий Ершов упорно занимается. И через год победа!

Встреча с профессором молодого Новосибирского университета академиком А. И. Мальцевым определила судьбу Юрия. Он делает окончательный выбор, его специальностью становится математическая логика.

Последовал стремительный взлет. Новая звезда ярко зажглась на математическом небосводе.

...Летом 1967 года в Амстердаме проходил Международный конгресс по логике, методологии и философии науки. Выступления некоторых его участников были настолько яркими, что стали событием номер один. Именно таким был доклад доктора наук Юрия Ершова. При обсуждении доклада в адрес его автора прозвучали слова, которые польстили бы любому убеленному сединами исследователю.

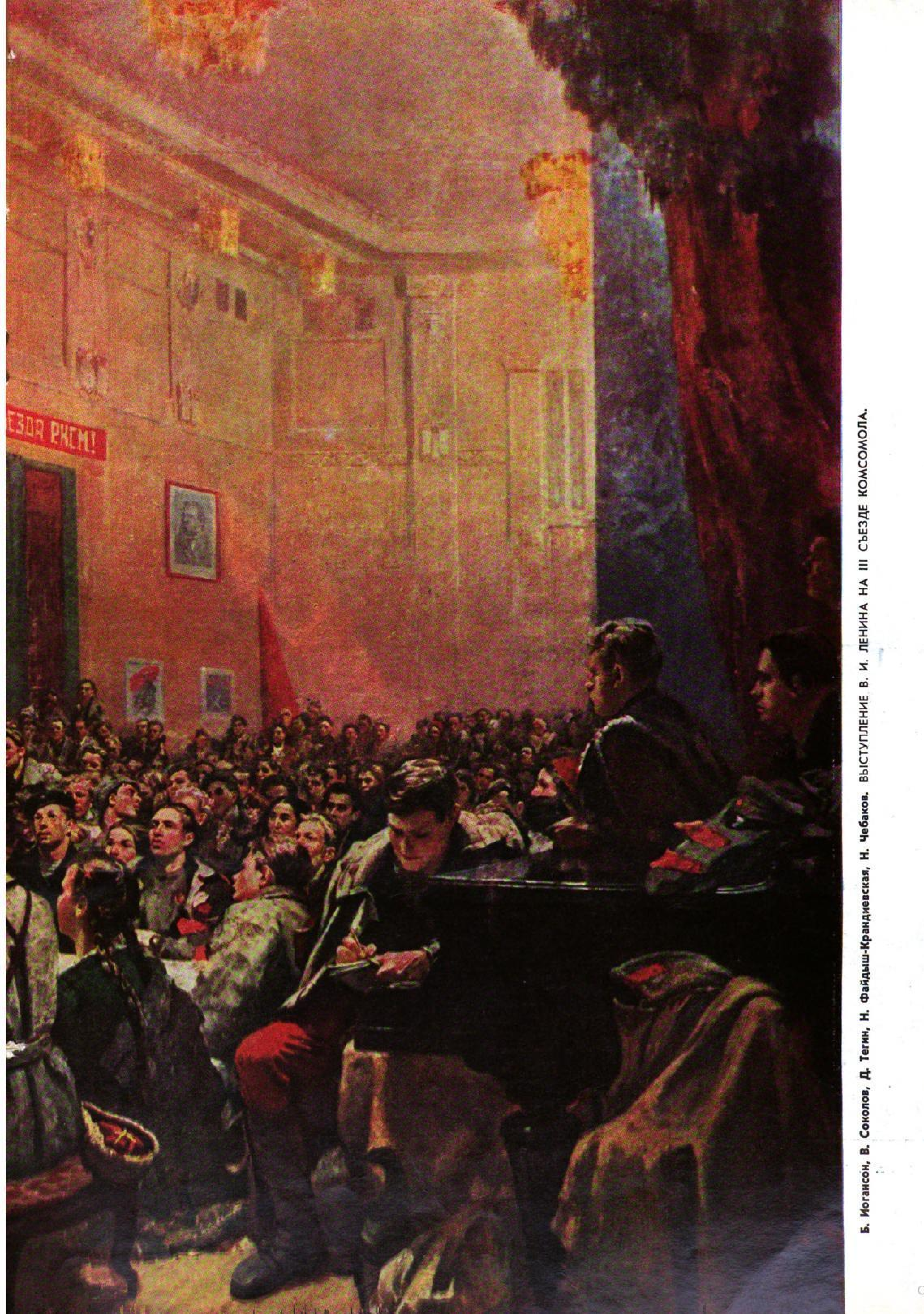
Выступавшие в прениях отмечали, что сегодня, в какой бы стране ты ни жил, опасно делать что-нибудь в математической логике, если не знаешь, что думает по этому вопросу доктор Ершов из Новосибирска.

Это было в прошлом году, а недавно Юрий с удивлением узнал, что кончилась его комсомольская юность — перерос комсомольский возраст. Пришлось явиться в райком и сняться с учета. «Старею»,— вздохнул профессор.

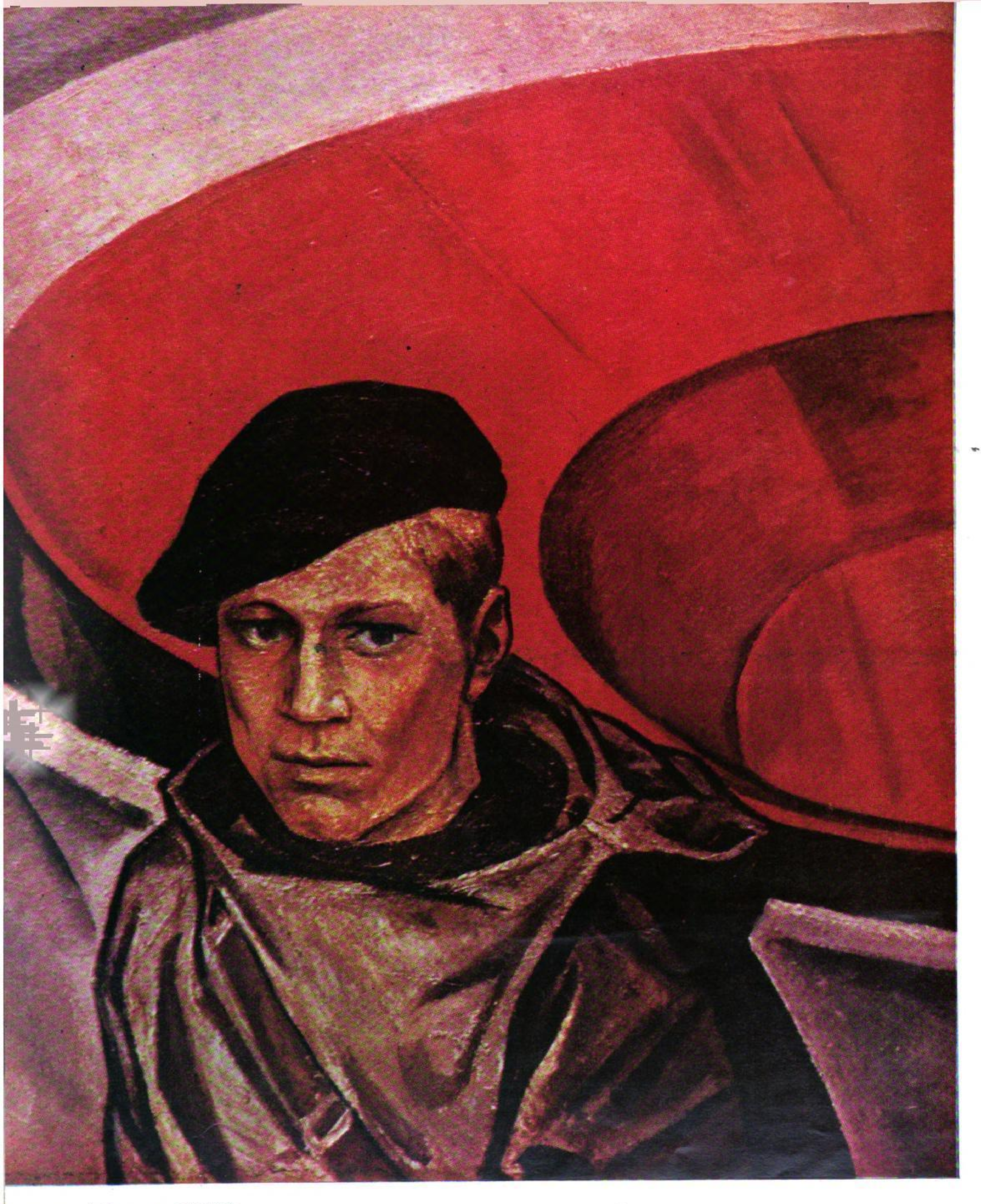

И. Симонов. СТРОИТЕЛИ.

ПЛАМЕННЫЙ ПРИВЕТ ДЕЛЕГАТАМ 3го

Б. Иогансон, В. Соколов, Д. Тегин, Н. Файдыш-Крандиевская, Н. Чебаков. ВЫСТУПЛЕНИЕ В. И. ЛЕНИНА НА III СЪЕЗДЕ КОМСОМОЛА.

Б. Окороков. РАКЕТЧИК.

На безымянной высоте победители похода комсомольцев и молодежи по дорогам боевой славы. Киев. 1968 год.

...СОХРАНЯЯ ВЕРНОСТЬ ПОДВИГАМ ОТЦОВ

БОГАТЫЕ ЛЮДИ

Н. ДАВЫДОВ

Это показалось сначала чем-то невероятным, совсем нереальным, но я не ослышался. Диктор так именно и сказал:

— Олег Кошевой выполнил сменное задание в бригаде Мамая на сто пятьдесят процентов. Иван Земнухов в бригаде строителей Бунина — на сто сорок процентов, Сергей Тюленин на комсомольско-молодежном участке Дворницкого — на сто сорок процентов.

Да, диктор Краснодонского радио так и сказал.

Я вышел на улицу, что взбегала сюда, на крутолобый холм, за которым начиналась синяя донецкая степь с терриконами, размытыми сумерками. Внизу затихли узкие улочки с насторожившимися фигурами тополей. Я шел мимо дома, где жили Кошевые раньше, в годы войны, за несколько месяцев до казни Олега.

Из степи хлестнул жаркий ветер. С ним донеслась песня «Это было в Краснодоне...». Из-за поворота улицы выплыли десятки маленьких костров. Пламя колыхалось на ветру, и его отсвет бросал красные блики на окна домов. Шли парни и девчата, шла ребятня в пионерских галстуках. Они держали высоко над головами факелы и пели:

«В жарком пламени войны...»

— Куда вы, ребята? — спросил остановившийся рядом со мной шахтер.

— К вечному огню.

Ветер рвал багровые языки пламени перед памятником молодогвардейцам. Скорбное лицо матери, проступавшее из глыбы гранита...

Ребята стояли не шелохнувшись у вечного огня. Потом вышла женщина. Все знали, кто она. Мать Олега Кошевого — Елена Николаевна. Ее рука сжимала комсомольский билет. Она протянула его парнишке. Обняла, может быть, чуть крепче, чем это полагалось по ритуалу. И мать Ивана Земнухова, тоже протянув алую книжицу, приникла сухонькой фигуркой к гибкой, как лозинка, дивчине.

Ветер из степи рвал багровые языки вечного огня. Я запомнил бледные от волнения лица. И еще запомнил одно, главное,— ощущение того, что и Кошевой, и Шевцова, и Громова, и Земнухов, и Тюленин... — все молодогвардейцы — были где-то рядом.

Нет, история не покоится на страницах учебников, не пылится в архивах. Она остается жить в нас. Делает нас богаче душевно. Делает сильней. Потому что в душе, в памяти, в воле каждого из нас присутствует подвиг поколений, которые боролись до нас и во имя нас.

Богатства, которые мы получаем в наследство от прошлого,— это знания, это завоевания разума, но это еще и духовные сокровища, завоевания человеческого мужества. Без этого нельзя стать коммунистом.

Утром на стене одного дома я увидел табличку:

«По этой улице их везли на казнь. Дорога к месту казни стала дорогой их бессмертия».

Я шел по Молодогвардейску, о котором мне сказали, что он должен стать живым памятником героям. Молодогвардейск — один из самых молодых городов: средний возраст горожан здесь значительно меньше тридцати лет.

Зашел в библиотеку. Она — в огромном Дворце культуры. Попросил показать мне формуляры. Из узких ящиков доставал карточки наугад. Первой прочитал фамилию — Симонова, имя — Нелли, профессия — штукатур, образование — 8 классов. Тут же стояли названия книг: «Современный русский язык», «Морфология». Зачем такая специальная литература? Но на следующей страничке формуляра все разъяснилось. Последней была книжка по стихосложению. Значит, поэт. Наверное, легко быть поэтом на этой земле, на родине бессмертного подвига.

Вот Виктор Борец, слесарь. Читает книги «Обогащение полезных ископаемых», «Отсортка угля». Или шофер Василий Береговой. Водит машину по земле, а сердцем в подземном царстве горняков. В формуляре книги: «Справочник угольщика и горного мастера шахты».

Формуляры, как портрет, как образ человека. И, надо сказать, образ романтический. Здесь не только думают об угле, о том, как больше его добыть. Читаю библиотечный формуляр Галины Введеновой с шахты Самсоновская-западная. Курс начертательной геометрии и книга о рыцаре печального образа, мечтателе Дон-Кихоте, аналитическая геометрия и поиск «Как человек стал мыслить».

Раиса Павлик — мастер профессионально-технического училища. Перед глазами встают мальчишки из ее группы, можно представить, как слушают они рассказы о Марксе. В формуляре Раисы: «Рассказы о Марксе», «Дочери Маркса» и «Женни Маркс», «Маркс и Энгельс»...

Людмила Бурьян. Формуляр запестрел книгами по искусству, эстетике: Шопен, Берлиоз, «Письма по эстетическому воспитанию»... Работает Людмила парикмахером.

Был полдень, и терриконы четко гранились на фоне белесого осеннего неба. Сколько нужно шахтеру дать угля, чтобы выросла такая гора породы? Порода-то составляет малую часть угля. Значит, если высится горой в степи террикон, то гора угля, поднятого на поверхность вместе с ним, была бы раз в пять больше. Стране нужно угля все больше и больше. Но старым, дедовским способом его много не возьмешь. И понятно, почему я нашел так много формуляров с вузовскими учебниками. Шахтеры учатся. Вот сейчас где-то под землей движется комбайн Александра Колесникова. Его звено выдает на-гора́ столько угля, сколько дает средняя шахта. В это звено навечно зачислен Олег Кошевой, и товарищи по бригаде перевыполняют его норму.

Много нетленных богатств приняли мы в наследство от прошлого. Они наша сила, наше знание, наше мужество, наша история и наше будущее. Богатства эти живут в книгах, заводах, электростанциях... И в традициях. И в памяти народной...

— Герой Советского Союза Олег Кошевой выполнил сменное задание в бригаде Николая Мамая на сто пятьдесят процентов,— опять говорил диктор радио.

Младший лейтенант среди пражанок. Май 1945 год.

Анатолий ОРЛИН

* * *

Я в личном плане записал:
Два дня труда отдать Вьетнаму.
И вот клепаю по часам
Свою всемирную программу...
Такие нынче времена —
Вьетнам в огне,
В цепях Эллада...
И где б ни вспыхнула война —
Как будто бы в Мытищах, рядом.

Комсорг

Ю. КРИВОНОСОВ

Синеватый дымок стелется над пожухлой травой: в прореженном осенью парке госпиталя жгут опавшие листья.

В ладони у Вити лежит прихваченная первым заморозком пятерня кленового листка, и оттого рука кажется окровавленной. И запах дыма и это багровое пятно действуют на меня как гипноз: я почти не слышу слов собеседника и вижу все, что он рассказывает, словно в кино.

...Плачет мать над похоронкой, и ползает у ее ног годовалый несмышленыш Витюшка, солдатский сын, так и не увиденный отцом, что погиб на ратном поле в суровом военном сорок третьем. Потом я вижу, как идет Витя в праздничный день по городу и звонко поет в оркестре его труба, вижу, как работает среди сложной путаницы труб и проводов ТЭЦ и как, сдав смену, отправляется в Дом культуры заниматься на курсы хормейстеров. Больше всего на свете любит он петь, чувствовать, как голос его вплетается в общий хор, ловить чутким слухом, все ли сливается в единую гармонию. Мне легко это видеть: Краматорск — город и моего детства, мне все там знакомо.

В шестьдесят первом приходит его пора идти в солдаты. После отца. Следующее поколение. Потом летят месяцы учебы, размеренный ритм солдатской службы мирного времени. Уже беспрекословно подчиняется каждому его движению могучая машина: придавил педаль, потянул рычаг — и танк тут же выполняет сложнейший маневр. Уже и служить остается не так много и не за горами демобилизация...

Генерал цепко ощупывает глазами стройную фигуру сержанта: вроде подходящий парень и взгляд хороший — прямой, спокойный и добрый.

— Как переносите жару, товарищ Прядко?

— Дело привычное. Летом у нас, в Донецкой степи, как на сковородке...

А сам думает: «Куда это гнет генерал?»

— Задание есть, жаркое... и опасное. Очень опасное, как на войне, а может быть, и чуть пострашней. Но это не приказ, пойдут только добровольцы.

— Я готов!

— Сразу ответа не требую. В Алжире на минных полях гибнут люди, около семи тысяч подорвалось, среди них много детей. Нас просят помочь. Подумайте над моими словами...

В ожидании отправки отдыхали, пели песни, играли в волейбол. Вот этот-то волейбол и обернулся бедой: неудачно прыгнул и сломал в ступне какую-то косточку.

— Болью резануло, солнце в глазах померкло,— вспоминает Виктор,— и в голове почему-то мелькнуло школьное, из «Слова о полку Игореве»: «Солнце ему тьмою путь заступило...» Прямо знамение, как Игорю. Ногу мне в гипс заковали, а через несколько дней вылет. Не отставать же от ребят! Ну гипс я разрезал, врачу сказал, что уже не болит, даже бодро перед ним прошелся, зубы, правда, стиснул, а то бы не выдержать...

Мы в Алжир самолетом прилетели, а техника морем пришла — танковые тягачи на базе «тридцатьчетверки». Стали готовить технику, учиться минному делу. Пока шла подготовка, нога зажила. Сюрпризов нас там много ждало,

50 ВЛКСМ

УЧИТЬСЯ КОММУНИЗМУ

...ВЫПОЛНЯЯ СВОЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ ДОЛГ

Песню дружбы запевает молодежь. Москва, 1957 год. Всемирный фестиваль молодежи и студентов.

даже наши командиры, опытные, прошедшие войну саперы, таких мин не знали. И планами мы располагали только на треть полей, а тянулись они на сотни километров. Наследство от колонизаторов. Группе нашей достался участок у тунисской границы.

Жаркая была работа во всех смыслах. Солнце там просто адское, а в закупоренном танке, представляешь, что делается? Ведро воды на два часа. Работали по операциям: сначала стаскивали проволочные заграждения, а потом принимались утюжить. У нас по сравнению с войной все навыворот было: там старались минные поля обходить, а мы, наоборот, прямо по ним катались. Впереди у нас трал был подвешен, а сзади рыхлитель — такая огромная борона. Мины рвались и впереди, и сзади, и внизу, под гусеницами. Что не взорвалось, потом выбирали и в кучки складывали, подрывали. Весь день проходил в грохоте взрывов — в ушах звенит. Иногда приходили к нам крестьяне, просили побыстрей какой-нибудь участок очистить, у них ведь с землей там туго... Ну, мы эти заявки, конечно, вне очереди выполняли. К каждому экипажу нам прикрепили солдат-алжирцев, для обучения. У меня двое было: Ахмед Азизи и Таиб Буруба. Учил я их мастерству механика-водителя, им предстояло потом работать на разминировании самостоятельно. С языком трудновато было, но мы быстро сговорились — создали свой диалект, в котором перемешались русские, арабские и французские слова. Особенно подружились мы с Таибом. Понравился он мне: веселый, прилежный, сообразительный. По выходным мы на Средиземное море отправлялись, и там уж он меня учил — с подводным ружьем на осьминогов охотиться и ловить удочкой черепах. Потом мы с ним породнились — кровью. Случилось это ровно через год, как я в Алжир приехал. Ремонтировали мы танк — гусеницу перебило. Справились с повреждением — слышим треск. Это от взрыва мины трава загорелась и кусты, и огонь прямо на лес идет. У нас ведь там всегда две опасности были: мины и огонь. Что тут делать? Махнуть танком в объезд — долго, напрямую нельзя: местность не позволяет. Похватали лопаты, побежали прямо через минное поле, по камням прыгали. Начали пламя сбивать. Голову шлем спасал, а брови и ресницы спалили. От леса огонь отбили, пошло полыхать вдоль минного поля. Стали гасить по склону, да в горячке близко подошли. И наступил я на мину... Отшвырнуло меня, и покатился я под уклон по минному полю. Чувствую, что с ногой у меня дело плохо, а мысль работает: только бы не наткнуться на другие мины. За камень успел ухватиться, остановился. И первое, что увидел,— Таиб. Сидит на земле, лицо кровью залито. Крикнул ему, чтобы с места не трогался. На ногу посмотрел: да... И в этот момент вижу, бежит к нам Володя Талицких, из другого экипажа.

— Стой! — кричу.— Куда тебя черт несет! Сейчас сам взлетишь! Возьми в танке жгут и аптечку и по камням осторожно перебирайся!

Перетянул он мне ногу и понес. Но за мной ему земли не видно, так я ему говорю, куда ногу ставить.

Потом нас с Таибом в машину — и в госпиталь. Впереди и сзади полицейские мотоциклы мчатся, сирены повключали — дорогу требуют. Как ни страшно все это было, мы с Таибом все же пошутили, что везут нас, словно президентов.

Операцию мне делал наш советский врач Иван Григорьевич Иванов. Он там работал в госпитале, алжирцев лечил. Таиб легко отделался, а я пролежал месяц, ну, а потом сюда привезли, в Москву.

С этой встречи в госпитале и завязалась наша дружба. Потом я поздравил его с боевой наградой — орденом Красного Знамени.

Однажды я получил от него письмо.

«Найди и пришли мне песню о воинах, разминировавших землю Алжира,— писал он.— Хочу с ребятами спеть ее на вечере в День Советской Армии. У нас в училище создается комната боевой славы, поищи хорошие фотографии на эту тему...»

Песню я нашел не сразу, а ноты достал уже буквально за два дня до праздника у самого автора, Вано Ильича Мурадели. Посылать по почте было поздно, и я отправил с проводницами поезда. И хотя им этого делать не положено, девчата тотчас согласились, лишь только узнали, кому и зачем так срочно нужна песня. А потом я опять поехал в Донецк, и Виктор показывал мне свое профессионально-техническое училище строителей, где он работает секретарем комсомольской организации.

— Здорово, понимаешь, здесь интересно. Комсомольцев чуть не полтысячи. Хорошие ребята. Все делают сами, классы себе ремонтируют, построили спортзал, мастерские. В столярке такие столы для учебных заведений ладят — загляденье! За полугодие годовой план дали. Мы ведь на самоокупаемости. И месячник провели в помощь Вьетнаму, заработали на стройках города тысячу двести рублей. А за песню спасибо, разучивали, конечно, в пожарном порядке, но спели как надо!..

Танкист Виктор Прядко.

Круча? И взглядом своим ты меня не проймешь.

Андрей чувствовал, что заломил круто, но остановить себя уже не мог. И он говорил так запальчиво, так хлестко, что стоявший рядом Володя только удивлялся, а у Кручи от каждого слова, как от пощечины, по лицу и шее вскипали красные пятна. Он, видимо, не ожидал, что разговор примет такой оборот, и в первые минуты отупело хмурил брови и молчал.

— А работу ты нам дашь,— горячился Андрей.— Работы тут на всех хватит. Длинные рубли нам не нужны. Но что заработаем — вынь да положь! А будешь мухлевать...—Он нарисовал в воздухе крест, строго добавил: — Разжалуем. Понятно?

Круча не ответил. Шагнув к Андрею, он сгреб его за бушлат и оторвал от земли одной рукой, спросил шепотом:

— Ты кто?

— Я человек... Отпусти бушлат! — тоже шепотом, в тон бригадиру ответил Андрей.

Они глядели друг на друга. Круча отпустил Андрея и оглянулся на Володю: тот стоял, взвешивая в правой руке тяжелый булыжник.

— А вы народ горячий,— заметил Круча Андрею.— Ну, познакомились, а теперь пошли в прорабскую оформляться. Глянем на вас, какие в работе...

Месяца два спустя после стычки с Глобусовым Круча созвал в прорабской комсомольцев своей бригады.

— Дело у меня к вам такое.— Бригадир смерил всех по очереди острым взглядом.— Очень даже для вас неожиданное. Экзамен будете сдавать. Перед всей бригадой. Мужики так порешили. Говорят, что ложки, мол, у нас разные, а кормимся из одного котла. У кого пятый разряд, у кого третий. Пускай молодняк отдельно поработает. А мы, говорят, поглядим, что из этого выйдет. Может, кто себе не по аппетиту ложку прихватил.

Круча говорил с ребятами стоя и, как всегда, вертел в руках цепочку от монтажного пояса. Судя по всему, он ждал от молодняка

Николай МИРОШНИЧЕНКО

Рассказ

Рисунок Ю. ВЕЧЕРСКОГО.

МОНТА

Андрей вспомнил, как встретили их с Володей после ремесленного на строительстве Волго-Донского канала.

Бригадир монтажников, здоровенный, угрюмый дядька, носивший под стать себе фамилию Круча, самолично сходил в отдел кадров, чтобы убедиться, что «сосунки», как он их назвал, имеют пятый разряд сборщиков-монтажников.

Не любил Круча молодняк, особенно комсомольцев. Мороки с ними много. Пожалеешь их, сделаешь приписку в наряде, и они же бузят. Эти двое, наверно, не лучше. Особенно заботило Кручу то обстоятельство, что ремесленники имеют высокий разряд.

— А ну, ходите сюда, пацанятки,— поманил он пальцем Володю и Андрея, разглядывая их.— Вот что я вам скажу: мне вы не нужны. У меня комсы под самую завязку. Шума хоть отбавляй. А я человек крутой. Лучше от греха подальше. К тому же плата у меня будет назначена вам по третьему разряду. Да за собрания попридержу малость. Так что на руки будете получать шиш с солью. А вы-то, небось, сюда за длинным рублем прикатили? Знаю я вас, идейных. Ступайте в отдел кадров и выражайте свое несогласие работать в моей бригаде. Чего-нибудь придумайте, а мою личность обойдите стороной. Я человек нервный, терпеть не могу жалобщиков. У меня кулаки завсегда на них чешутся. Прощевайте, детки. До лучших времен...

Разговор происходил на строительной площадке. Андрей заметил, что стоило кому-нибудь подойти к ним, как бригадир взглядом, даже не взглядом, а движением бровей отсылал любопытствующего. Ему повиновались, проходили мимо.

«Властный дядя,— подумал Андрей,— но схлестнуться с ним придется. Уступить сейчас — значит не выиграть никогда».

— Я все же расскажу о нашем разговоре в отделе кадров,— вспылил Володя.— Мы приехали на стройку работать. Вот наши направления.— Володя вынул из кармана направление, но бригадир даже не взглянул на него, небрежно бросил:

— Тебе бы жить да жить, а ты на рожон прешь. Мое дело — предупредить.

Он полоснул Володю острым взглядом, тот не выдержал — опустил глаза. А Круча, равнодушно задев Андрея могучим плечом, прошел мимо.

— Послушай, Илья Муромец! — решительно окликнул его Андрей.— Мы твои условия выслушали. Теперь слушай наши.

Бригадир обернулся. Андрей почувствовал нестерпимую резь в глазах, будто в его зрачки впились лучи электросварки, но все-таки взгляд Кручи выдержал. Такого острого взгляда Глобусову еще не доводилось встречать.

— Я, между прочим, думал, что ты посмышленее своего сотоварища.— Бригадир повертел в руках цепь от монтажного пояса.— Чего шумишь?

— Мы в отдел кадров не пойдем,— сказал Андрей, пропуская мимо ушей слова бригадира.— Жаловаться нам некогда. Мы приехали работать. Строить, хозяйничать, а не ломать шапку перед каждой кочкой на ровном месте. Это наша стройка, молодежная. Понятно тебе,

возражений, но никто ничего не сказал. Тогда бригадир вынул из-за пазухи смятые листы, расправил их и стал подсчитывать, что должны сделать девять человек за три дня.

— Объем работы согласован с нормировщиком.— Круча на всякий случай ткнул толстым пальцем в заковыристую подпись.— Участок я вам подобрал. На третьем перепаде будете работать. Высота там всего четырнадцать метров. Если кто свалится, то жив будет. Звеньевого назначьте сами. Да и я не за горами буду.

— Так-то оно так,— выступил вперед Глобусов.— Ну, а если мы сдадим экзамен? Что тогда будет?

— В самостоятельное звено выделю,— пообещал Круча.— Как, подходит?

— Подходит! — согласились ребята.

Бригада монтажников состояла из четырех звеньев, которыми руководили опытные, уже в годах звеньевые. Народ подобрался бывалый; у многих за плечами война и десятки крупных строек. Звеньевые, как и бригадир, не жаловали молодых монтажников особым вниманием, всячески отпихивались от них. Круча, растасовав комсомольцев по разным звеньям, строго следил, чтобы молодняк не лез на верхотуру, особо спесивых подольше обкатывали на подсобных работах, приучали к узде.

Когда Кручу пригласили на комсомольское собрание, чтобы коллективно высказать ему свое мнение, он, к удивлению ребят, не стал отказываться. Пришел на собрание, сел на табурет в углу прорабской, подпер руками давно не стриженную голову и просидел так битых два часа. Комсомольцы выступали смело,

они критиковали бригадира за грубость, за то, что он не давал им развернуться. Ему говорили о том, что на строительстве канала есть целые комсомольские участки, бригады, а он боится создать отдельное комсомольское звено. Особенно распекал бригадира Саша Гавриленко, комсорг бригады. Он потребовал, чтобы Круча тут же дал комсомольцам ответ.

Круча словно нехотя встал, молча подошел к столу, где сидел президиум из трех человек, взял графин и, глотнув прямо из горлышка, смачно крякнул, вновь приложился к графину, потом сплюнул и поднес Саше под самый нос огромную фигу.

— Вот тебе мой ответ! — выдохнул Круча.

На следующий день Саша Гавриленко и еще двое комсомольцев ушли из бригады. Не выдержали позора.

Через неделю о происшедшем узнал весь участок шлюза, а комсоргом бригады был избран Андрей Глобусов.

— Теперь настала твоя очередь схлопотать от Кручи фигу,— хохотали в бригаде.— Давай старайся.

— Этот тоже в отставку подаст,— подтрунивали над Андреем.

Насмешки и попреки доводили Андрея до белого каления. Он все искал подхода к Круче. Но разговора по душам не получалось. Бригадир был человеком замкнутым. Даже среди «стариков» у него не имелось задушевного друга. Сходился Круча с людьми скупо, всякий раз мучительно понуждал себя знакомиться с новым человеком. После работы обычно запирался в своей клетушке и никого к себе не пускал.

Как-то поздно вечером к Андрею заглянул дылда Глотов, получивший такую приставку к фамилии за высокий рост и неуклюжее сложение. Глобусов не очень-то обрадовался запоздалому гостю.

— С тебя причитается,— улыбнулся Глотов.

— За что? — Андрей оторвался от книги и уставился на него.

Володя тоже отложил в сторону свой учебник. Они готовились к экзамену в техникуме.

ЖНИКИ

— На, читай! — Глотов положил перед Андреем тетрадку.— Три ночи сочинял. Если эта бумага попадет куда следует, то ханá Круче...

— Не ори! — цыкнул на Глотова Андрей.— Люди спят.

В комнате, кроме Володи и Андрея, жило еще трое монтажников. Это были уже немолодые люди, спать ложились рано — уставали на работе. Зато Андрей и Володя, смастерив себе настольную лампу, засиживались за книгами до глубокой ночи. «Старики» сперва поворчали, а потом смирились и даже стали поощрять их, чтоб ребята лучше учились.

Жалоба на Кручу была написана твердым размашистым почерком. Глотов уличал бригадира во многих грехах, но особо упирал на его политическую слепоту. Круча представал развратителем молодого поколения, какой-то намек делался и на его темное прошлое. До конца Андрей дочитать не мог.

— Куда ты собираешься эту бумагу направить? — Андрей встал с табурета.

— Ясно куда, в управление,— улыбнулся Глотов.— Там разговор с ним будет короткий. Как, убедительно написано?

К Глотову в бригаде относились с прохладцей. Был он какой-то ломаный, не злой и не добрый — человек без хребта и характера. От тяжелой работы норовил увиливать, но это не удавалось: о нем «заботился» сам Круча — бригадир не жаловал ловкачей.

— А ты знаешь, как это называется? — тихо, с придыхом спросил Андрей.

Володя, глядя на Андрея, все понял и на всякий случай встал между ним и Глотовым.

— *Между прочим*,— глуповато ухмыльнулся Глотов,— это называется комсомольской бдительностью. Недавно у нас была на эту тему лекция. Читал со полковник. Большая шишка. Из Москвы прикатил. Вот я и решил выполнить свой долг...

Глотов вдруг замолчал, рот его слегка дернулся, лицо вытянулось и застыло: Андрей с яростью рвал на мелкие части его жалобу.

— Доносчик! — Он швырнул в лицо Глотову скомканные обрывки.— Отваливай! Считай, что тебе повезло... В другой раз...

Андрей рванулся было к онемевшему Глотову с кулаками, но Володя удержал его. Глотова будто надломили сразу, голова сникла, руки обвисли, и он, пятясь, скрылся за дверью.

— Надо было ему в рожу двинуть,— услышал Андрей за своей спиной голос одного из «стариков».

— Молодцом, что и говорить,— поддакнул еще один голос.— А в рожу зачем? Он же у нас секретарь. Нельзя ему бить.

На другой день в столовой к Андрею подсел Круча. Глобусов чувствовал, что бригадир внимательно разглядывает его, добродушно сопит, но первым заговорить не хочет. «Ну и молчи,— сердито думал Андрей.— Я тоже буду молчать». Из-за стола встали молча, и, только выходя из столовой, Круча обронил:

— Ты после работы собери комсу в прорабской. Разговор будет...

Теперь, когда разговор состоялся, Андрей понял, что Круча все знает про донос Глотова. «Старики» рассказали,— подумал Андрей.— Что ж, лед, кажется, тронулся...»

Оставшись одни, комсомольцы посудили, порядили и пришли к соглашению, что звеньевым надо назначить Володю Багрова. Он лучше других разбирается в чертежах. Работать звену выпало во вторую смену. Не очень удобно, конечно, но было тут и одно преимущество — время. Ночью их никто не контролировал, и можно было час-другой прихватить сверх нормы.

К делу приступили споро. Но после первой же смены убедились, что посадить на фундамент четырнадцать колонн, соединить их продольными фермами и связать прогонами за три смены звену в девять человек не удастся. Решили добавить два часа сверх нормы. Снова прикинули. И опять вышло — не свести концы с концами. Накинули еще час. Теперь концы с концами будто сходились, но заупрямились крановщики. Они наотрез отказались работать сверх нормы.

Первая смена длилась двенадцать часов. Ребята возвращались в бараки усталые, но гордые: норма была перевыполнена — восемь колонн стояли уже на фундаментах, три фермы удалось посадить на болты. Шаг к независимости был сделан. Оставалось сделать еще два...

Вторая смена началась. Круча выделил для звена опытнейших крановщиков. Володя насторожился: как они поведут себя, с прежними все-таки договорились. Посоветовавшись с ребятами, он пошел к Круче.

— Зачем вы подменили людей?

— Людей? — удивился Круча.— Людей я бы не подменил. Людей нельзя подменить. Глупый вопрос. Ученый человек, а такое несешь.

— Я хотел сказать, крановщиков,— покраснел Володя.

— Крановщиков? — еще больше удивился Круча.— И ты их называешь крановщиками! С жалобой ко мне приходили. Говорят, будто ты их до четырех часов ночи мурыжил. Терпеть не могу болтунов. Нет места им среди комсомольцев. Я сам видел, что работа была закончена в срок... Так и передай хлопцам, что, мол, бригадиру все известно...

Володя пересказал ребятам разговор с Кручей.

— А когда вы говорили, кто-нибудь еще был там? — спросил Андрей.

— Почти вся бригада.

— Ясно.— Андрей улыбнулся.— Круча — толковый мужик. Он не хотел нас осрамить перед «стариками». Потому и крановщиков подменил.

Ребята повеселели и принялись за дело. Крановщики, хотя были уже немолодые люди, как-то сразу сошлись с комсомольским звеном, приладились к нему. Однако предложенный крановщиками ритм ребята не смогли выдержать, спасовали.

Часам к десяти вечера нагулял силу ветер-степняк. Холод, казалось, доставал до самого сердца, и оно гнало по венам остуженную кровь. Ребята то и дело спускались отогреть закоченевшие руки и ноги у костра. Андрей работал в паре с Костей Мазовым. Они связывали колонны продольными фермами: Костя направлял пробками перекошенные отверстия, а Андрей тут же вставлял болты и прихватывал их гайками. Посадив ферму на все болты, Андрей привязывался к холодному железу двумя оборотами цепочки, затягивал потуже монтажный пояс и в таком положении придерживал снизу головки болтов, пока Костя закручивал гайки намертво. То же делал и Володя со своим напарником на другом конце фермы.

Ветер брал разгон с севера. Ровные донские степи не препятствовали ему, и он наседал на верхолазов все сильнее и сильнее. Прихватив болтами очередную ферму, Андрей почувствовал, что другой конец ее свободно раскачивает ветер. Он оглянулся. Володя с напарником почему-то были внизу. Надо было закрепить второй конец. Промедлить одну-две минуты — значит дать ветру возможность раскачать ферму так, что она собьет колонну или завалит гусеничный кран. Можно было бы смайновать ее снова на землю, но при такой качке уже невозможно было вынуть болты. Недолго думая, Андрей стал перебираться по нижней кромке фермы на другую сторону. Когда ему наконец удалось перебраться и приостановить качку, на подмогу подоспел Костя Мазов.

— А ты дурак! — Костя сердито выругался.— Так можно и в ящик сыграть.

— Можно,— согласился Андрей.— Но какого черта они к костру липнут? Я сейчас потушу его. А Володьке и его напарнику разнос устрою.

— Да у них там настоящий митинг! — Мазов зло сплюнул.— С такими работничками шибко не разгонишься. Глотов, наверно, забастовку объявил. Он еще со вчерашней смены ребят подбивает.

Андрей и Костя спустились на землю. От костра ветер доносил чей-то надрывный голос:

— Плевать мне на совесть! Мне мой пупок дороже. Я за четвертый разряд всегда сработаю...

— Точно, Глотов кашу заварил,— подтвердил свое предположение Костя.

Андрей уже собрался было вступить в спор, но в это время его кто-то сильно обнял сзади за плечи.

— Ты случаем не из цирка? — Чумазый крановщик раза три встряхнул Глобусова.— Видал удальцов, но таких...— Он снова прижал к себе голову Андрея.— Еще бы пару раз мотнуло — и я на боку...

Крановщик стал рассказывать, как Андрей по болтающейся ферме перебрался на другую сторону. Только теперь ребята поняли, что могло случиться. Они виновато глядели на Андрея и Костю.

— А вы сволочи! — обругал крановщик Володю и его напарника.— Я бы вам головы поотрывал. К огоньку потянуло!

— Это он меня позвал.— Володя показал в сторону Глотова.— Я думал, всего на минутку. А вышло...

— Я слышал, что ты работать отказываешься? — подступил к Глотову Андрей.— За здоровье беспокоишься?

— Не я один.— Глотов ковырнул сапогом тлеющее полено.— Ребята тоже. Мы порешили: у кого пятый разряд, тот пусть и вкалывает. Вам денег все равно больше достанется. Вот и тяните из себя жилы. А мы свои побережем.

— Глотов прав,— подал голос сухощавый паренек, тыча рукавицами прямо в огонь.— Экзамена нам не выдержать. Все равно бригада на смех поднимает. Зачем надрываться? В самостоятельное звено нас не выделят...

— Ну и гады же вы ползучие! — Андрей побелел от злости.— Выходит, что вам нравится сопли за другими подбирать? Какую работу ни делать, лишь бы пупок не надорвать. Так? А кто плакался, что нас затирают? — на-

ступал Андрей на Глотова.— Кто говорил, что у нас в бригаде комсомол не в почете? А за что же тебя уважать? За твой пупок?

Ребята засмеялись.

— Пошел ты... знаешь куда? — Глотов свирепо пнул сапогом головешку.— Пошли, ребята.— Он сделал несколько шагов от костра.— Что, испугались? Ну и хрен с вами. Загинайтесь...

Володя догнал Глотова и встал на его пути.

— Дыхни! — потребовал он.

— Спина не гнется,— зло усмехнулся Глотов. Стоял высокий, на две головы выше Володи.— Кыш с дороги! А то переступлю.

— Дыхни, Глотов!

— Ты не милиция. Отцепись, пока в рыло не съездил.

Подошел Андрей. Глотов попятился к костру.

— Не трогай его, Андрей,— попросил Мазов.

— Дыхни! — Глобусов уперся носом в подбородок Глотова.

— Чего там дышать! — Крановщик подошел к Глотову и вынул у него из кармана початую бутылку.— Вот она, разлюбезная!

Андрей взял бутылку, смерил Глотова с ног до головы, потом окинул взглядом притихших ребят и молча вылил водку в костер.

— Я за нее деньги платил,— подал голос Глотов.— Кто ты такой? Круча вон тоже пьет. Против него слабо? Да?

— С Кручей отдельный разговор будет,— пообещал Андрей.— А с тобой сейчас, тут...

— Ха-ха,— притворным смешком оскалился Глотов.— Круча вас одурачил. Он на позор вас выставил. Никакого звена не будет...

— Звено уже есть,— перебил его Андрей.— А тебя в звене нету!

— Точно! — поддержал Глобусова Костя Мазов.

— Ставлю на голосование.— Володя обвел взглядом ребят.— Кто за то, чтобы...

— Ясно, считай,— сухо перебил его Мазов.

— Один, два... пять... семь... Единогласно.

Возвращаясь на свое место, Андрей слышал, как один из крановщиков сказал другому:

— А с этими ребятками не заскучаешь.

Самой трудной была третья смена, ребята выдохлись. На землю падали то ключ, то кувалда. Андрей срывался с фермы, зависал на монтажном ремне. То же случалось и с другими монтажниками. Руки и ноги деревенели от усталости и холода. Комсомольцы выжимали из себя последние силы. Можно было бы передохнуть, сбегать в прорабскую отогреться, но внизу, как назло, маячила фигура Кручи. Бригадир что-то высматривал, вынюхивал и наконец ушел.

— Хлопцы, слезай! — подал команду Володя.

Работы оставалось еще часов на пять, а то и меньше. Андрей, разминая застывшие ноги, подковылял к Володе.

— Ты что, белый флаг собираешься выкинуть?

Володя слабо улыбнулся Андрею, но на его вопрос не ответил. Он тоже едва держался на ногах.

— Предложение есть,— простуженным голосом заговорил Володя.— Сторожиха в прорабской чай согрела. К столу приглашает. Окажем честь? А потом с новыми силами...

Монтажники молча двинулись к прорабской. Чай и тепло сделали свое дело: через двадцать минут комсомольское звено уже спало. Кто где присел, там и заснул. Засыпая, каждый думал, что в нужное время его растолкает сосед.

Но всех разом разбудил дружный хохот. Ребят зачем-то подхватывали на руки и выносили на свежий воздух. Стояло пасмурное утро. Вокруг слышался гомон и хохот. На стене прорабской ребята увидели огромный плакат: «Комсомольское звено Багрова за три дня дало 243% нормы!»

— У нас еще там не все сделано,— смущенно оправдывался Володя.— Но мы сейчас доделаем.

— Там, братишка, все подчистую сработано,— хлопнул Володю по плечу пожилой монтажник.— Это ты, небось, от усталости запамятовал.

— Молодцы комсомольцы! — поздравил всех Круча.— Отсыпайтесь. Звено ваше мы затверждаем. А за то, что я малость с объемом работ передернул, прибавил вам, извиняйте. Оно к лучшему вышло...

Недавно я, разбирая личный архив, нашел давнишние фотографии времен моей комсомольской юности.

В октябре 1922 года по решению V съезда РКСМ комсомол принял шефство над Военно-Морским Флотом. При комитетах комсомола были созданы шефские комиссии, которые в первую очередь занимались тем, что направляли лучших комсомольцев служить на флот. Я возглавлял такую шефскую комиссию при МК комсомола. И вот фотографии той поры.

...Митинг на Красной площади по случаю проводов 500 московских комсомольцев во флот. На трибуну поднимались молодые ребята и клялись верно служить Родине, не жалеть сил для строительства могучего Военно-Морского Флота.

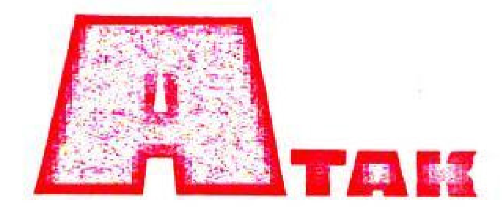
— Принимай, советский красный флот, сынов комсомола,— заявляли они.

...На групповом фотоснимке — комсомольцы у Крутицких казарм в день их отъезда на Балтийский флот.

...С волнением разглядываю я эти старые фотографии. Где вы сейчас, ребята? Кто знает, может, те парни стали знаменитыми флотоводцами, мужественными офицерами и адмиралами советских военно-морских сил?

Г. МИТРОФАНОВ,
член партии с 1918 года

Анатолий **ЕЛКИН**

Она входила в бухту, поседевшая от морской соли, стремительная, с гордым, поющим на ветру флагом на рубке.

И хотя над черной водой не полыхнуло, как это было в Отечественную, пламя орудийного залпа — тогда подводники так сообщали берегу о своих победах,— на пирсе ждали ее напряженно и радостно. Потому что, хотя и шла она долгими днями в глубинах, встречающие знали, какой это был поход и что, по выражению адмирала, сумела «натворить» в море эта субмарина.

Впрочем, говорилось все это с гордостью и чувствовалось, что от нее, крылато нареченной когда-то «Ленинским комсомолом», и не ждали иного. Потому что уже както привыкли, что люди ее достойно выходили из любых ситуаций.

А «натворить» в океане «Ленинский комсомол» действительно успел многое... Сейчас все это, как и итоги учения «Север» в целом, будет анализироваться и изучаться в штабе. В обстановке относительно спокойной.

А тогда все было иначе...

«ЗАПАДНЫЕ» В ПОРТ НЕ ПРИДУТ...

Перископ был поднят лишь на мгновение. Все, что произошло, не увидел никто: издали это был один из бесчисленных белоснежных гребней взлохмаченного ветром моря. Только чайка метнулась с высоты. Наверное, ей показалось: из глубин вынырнула неестественно большая черная рыба.

Поднимая перископ, командир, конечно, рисковал демаскировать лодку. Но на учениях, как и в бою, не обойтись без разумного риска.

Было взвешено все: и надвигающийся шторм, и волнение моря, и время суток, и данные гидроакустиков (вблизи лодки корабли «противника» не прослушивались), и скорость маневра.

Лодка подвсплыла с безукоризненной точностью, и все напряжение и мастерство экипажа выплавились в эти считанные мгновения, нужные командиру для того, чтобы принять безошибочное решение.

Все оказалось именно так, как он себе это представлял. Правда, представлял довольно туманно: корабли «западных» шли с юго-запада, разваливая валы острыми форштевнями.

Вспомнился и приказ адмирала Соронина:

— В Атлантику прорвался отряд кораблей «западных». Найти и уничтожить!..

Приказ есть приказ. Но не всегда легко его выполнить. Легко сказать «уничтожить», когда корабли идут в окружении многочисленного эскорта противолодочных кораблей...

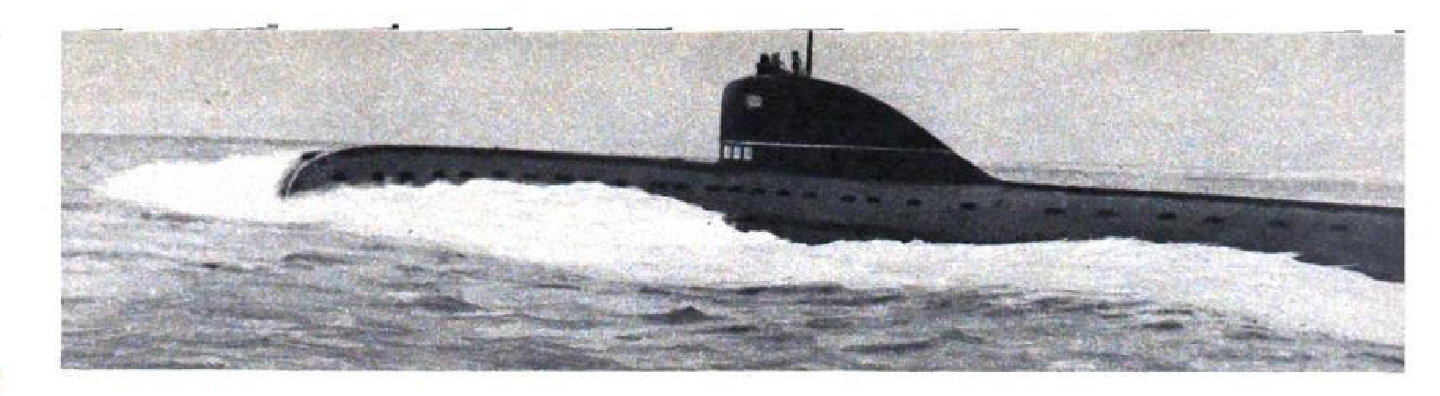
— Контакт с «западными» установлен.— Доклад гидроакустиков — как сигнал,— на размышления больше нет времени. Нужно действовать. Но ведь для «западных» тоже наверняка лодка прослушивается.

Значит, нужно идти на сложный обманный маневр.

Дрожит корпус корабля, стремительно распарывающего глубину. И вот наконец:

— Атака!..

Сказать, что командир точно вывел корабль на дистанцию торпедного удара, значит почти ничего не сказать. Ибо в эту абстрактную формулу не вместишь ни горящих глаз боцмана, ни взволнованного напряжения электриков, ни того нервного ожидания, которое приковало торпедистов к приборам.

УЕТ „ЛЕНИНСКИЙ КОМСОМОЛ“

И когда грозно вздрогнуло могучее тело корабля — самонаводящиеся торпеды вышли навстречу цели,— напряжение не спало.

И лишь после известия, что атака проведена отлично и все торпеды накрыли «противника», каждый улыбнулся улыбкой нелегко потрудившегося человека.

Кажется, все. Но почему нет отбоя тревоги? Люди недоуменно переглядывались. В тревожной тишине как-то отчетливо резко прозвенел голос динамиков:

— Получено срочное сообщение. Идем на поиск прорвавшегося в наши воды «противника».

Дело принимало более серьезный оборот. Подводный атомоход все же имеет многие преимущества перед самыми мощными надводными кораблями. Здесь предстояла встреча на равных. Кто кого? К тому же, судя по всему, атомоход «западных» вовсе не собирался обнаруживать себя. Вероятно, у него была другая цель: скрытно выйти на позицию и нанести внезапный ракетный удар.

В эти минуты главные люди на корабле — акустики. Идут минуты, напряженные, трудные минуты поиска. Одна, десять, сорок минут, сто... И молодой матрос почти шепотом, словно боясь ошибиться, доложил:

— Справа по борту —шумы подводной лодки...

«Своих» здесь быть не может. Значит, ракетоносец «западных».

— Лодка противника прямо по курсу.

Почти молниеносно командир меняет курсовой угол. Вот теперь, кажется, в самый раз...

— Залп!..

И уже потом, на берегу, при подробном анализе учений «Север», моряки услышали авторитетную оценку: «Будь это настоящий бой, не условный «противник», а вражеский корабль, экипаж уничтожил бы его одной торпедой...»

РОМАНТИКА, ГДЕ БОЛЬШЕ ОБЯЗАННОСТЕЙ, ЧЕМ ПРАВ

Очень точно сказал как-то мне о любви моряков к своему кораблю Герой Советского Союза контр-адмирал Колышкин: где бы корабль наш ни был, как бы далеко ни ушел от родных берегов, он всегда неразрывно связан со своей Родиной, нашей любимой землей. Как по родной земле, ступает каждый из нас по стальной корабельной палубе. И ни один из нас не посмеет осрамить ни любимой нашей земли, ни славного нашего флага.

Никогда не спускал своего знамени перед противником, не посрамил имени своего ни один корабль, дравшийся под советским флагом.

И совсем не случайно одного из первенцев нашего атомного кораблестроения нарекли «Ленинским комсомолом». Ведь это она — комсомолия —16 октября 1922 года на V Всероссийском съезде РКСМ приняла шефство над Красным Военным флотом Республики.

Экипаж атомохода «Ленинский комсомол» принял эстафету.

Прежний командир лодки, Герой Советского Союза Л. М. Жильцов, не раз говорил экипажу:

— Мы ходим дорогами, проложенными в годы войны героями-подводниками. Мы всегда будем помнить, с какими трудностями, невероятными усилиями добывали они победу.

На лодке знали: тогда, в Отечественную войну, погиб и отец Жильцова, а потому он имеет право говорить так...

Биографию кораблей создают люди. И когда я взял в руки вахтенный журнал лодки, словно раздвинулись тесные стены отсеков, и поплыли перед глазами опалы вздыбленных ледяных полей, тревожные ночи, когда мерцающий свет Полярной звезды не мог пробиться через завьюженную пелену. Как и у людей — у него, у «Ленинского комсомола», были свои звездные часы, связавшие имя корабля с неповторимыми в величии своем вехами истории русского флота. О легендарном походе атомохода к полюсу писали во всем мире. Выполняя ответственное задание правительства, «Ленинский комсомол» — первая из советских подводных лодок дважды побывала на Северном полюсе.

Это было нелегко и непросто; у американцев трижды срывалась сама попытка пройти под полюсом. Трижды! Хотя американские моряки выбрали и облегченную обстановку и наиболее благоприятный для всплытия район. Перед Жильцовым стояла тогда иная задача: пройти под полюсом, всплыть на нем в тех ледовых условиях, которые там на данную минуту окажутся. Всплыть, как если бы это нужно было для выполнения боевой задачи.

В самых сложных и трудных условиях подводного плавания, большая часть которого протекала под многометровыми льдами Арктики, экипаж лодки продемонстрировал стойкость, умение отлично владеть новейшей боевой техникой.

В годы войны подводная лодка «М-172» под командованием И. Фисановича дерзко прорвалась сквозь минные и сетевые заграждения во вражескую бухту Петсамо и потопила там крупный фашистский транспорт. После возвращения на базу английский офицер-подводник попросил И. Фисановича показать ему карту вражеской гавани с нанесенными на ней боевыми курсами «малютки». Англичанин, изучив ее, сказал: «Эту карту я вставил бы в рамку и повесил на стену своей комнаты».

А если собрать карты, на которых отмечен курс атомной подводной лодки «Ленинский комсомол» за один трансполярный поход, то, пожалуй, и стены будет мало.

Все члены экипажа были награждены орденами и медалями, а командующий флотилией подводных лодок, ныне заместитель командующего Краснознаменным Северным флотом адмирал А. И. Петелин, командир лодки капитан 2-го ранга Л. М. Жильцов и командир электромеханической боевой части инженер-капитан 2-го ранга Р. А. Тимофеев удостоены высшей награды Родины — им было присвоено звание Героя Советского Союза.

На лодке сохранилась по сей день атмосфера любви к морю и своему кораблю.

— Дело здесь не в какой-то особой романтике,— размышлял при нашей последней встрече комсорг корабля.— Просто в самой атмосфере жизни. На «Ленинском комсомоле» столько товарищества, взаимовыручки, сердечности и какой-то особой духовной теплоты, что, если сказать о нас несколько, может быть, банально — «семья», это не будет преувеличением. Моряцкая дружба особая.

— Служба особая?

— Особая не особая... Но, знаете, это у каждого человека так; проходят годы, а как самое дорогое, что вспоминается ему из пережитого,— те часы, минуты и годы, когда он занимался делом, которое требовало личного мужества и, если хотите, длительного подвижничества. Только не нужно придираться к высоким словам. Иначе все это как-то трудно выразить.

— Почему? Слова хорошие...

— Ребята их не особенно любят. Хотя и достойны их. Вот вы знаете Валерия Розанова. Уже немало времени прошло с тех пор, как он служил на лодке. А мы почти каждый день вспоминаем его. Вроде бы и что особенного у Валерки... А вот так — готов был за товарища в огонь и воду... Это не уложишь в точные определения, но в человеке чувствуется сразу... Видимо, это и есть главное в любом человеке... А на флоте такое чувство развивается глубоко и остро. Особенно на подводном флоте.

В разговор вступил заместитель командира по политчасти:

— Мне часто приходится задумываться над тем, а что лежит в основе характера подводника, под воздействием каких факторов этот характер складывается. Люди уходят на своих чудо-кораблях в океанские глубины за тысячи миль от родных берегов. Неделями и месяцами они не видят солнца и даже в своем, не таком уж большом коллективе разделены по отсекам прочными стальными переборками. И труд, и быт, и досуг — все зависит от собственной инициативы, от искусства и упорства. Люди быстро понимают все. Кому не по плечу — не держим, кто понял и принял жесткие, высокие требования — обретает характер подводника, проникается гордостью к своей профессии, любовью к ней. Таков закон: атомный подводный флот — передний край технического прогресса, передний край защиты Родины...

На смену многим ветеранам на «Ленинский комсомол» пришло уже новое поколение моряков. Они достойны традиций тех, кто штурмовал полюс, кто прокладывал первые тропки в белое безмолвие.

...В записках бывшего комсорга «Ленинского комсомола», замечательного парня и отличного моряка Валерия Розанова я прочел подчеркнутые им слова Назыма Хикмета: «Я б хотел, чтобы мой сын стал моряком!

Я не числюсь среди уважаемых членов Морского клуба... и не происхожу из династии потомственных моряков... Несмотря на все это, я хотел бы, чтоб сын мой был моряком!

Море — это поле бесконечной битвы. Моряк — это боец. Я хотел бы, чтобы мой сын стал бойцом».

Что же, все правильно: сыновьям плыть дальше!..

ТРУДНЫЕ МИЛИ

Слава приходит к кораблям по-разному. О «Ленинском комсомоле» знают не только в СССР. Он причинил уже немало хлопот и тревог тем, кто, забыв, в какое время он живет, нет-нет да и возомнит себя полным хозяином морей и океанов.

Нью-йоркский «Тайм», например, панически констатирует: «Неограниченный радиус действий Советского Военно-Морского Флота уже начал сказываться на развитии событий во всем мире».

...Мне посчастливилось быть на лодке в день ее юбилея.

Мы шли из отсека в отсек с Героем Советского Союза, одним из прославленных подводных асов.

На счету этого человека немало походов, уже три из которых по крайней мере по праву займут место в учебниках морской истории. Его лодку видела и дальняя Атлантика, и льды полюса, и айсберги морей.

Офицер нового флота́, он соединил в одном лице талант моряка и талант ученого. И, собственно, не знаешь, как его правильнее назвать,— товарищ капитан первого ранга или доктор технических наук. Еще совсем молодому, ему недавно была присуждена эта ученая степень. А на рабочем столе его рядом с томиком Блока я видел записи для нового научного труда...

Не знаю, с кого пишут иной раз некоторые литераторы своих манерных и горемычных офицеров современного флота. Мне посчастливилось узнать очень многих командиров атомного флота. Это люди с большой буквы. Прекрасной души, огромной воли и энциклопедических знаний.

...В тот день отмечалась очередная годовщина со дня подъема военно-морского флага на корабле. Было много гостей.

Рядом с «Ленинским комсомолом» — лодки, пришедшие поздравить своего старшего собрата.

Они намного совершеннее прославленного корабля, но они пошли от таких, как он. «Ленинский комсомол» — их история и их гордость. И кто знает, сколько труднейших миль нужно им еще пройти под водой, чтобы сделать хотя бы приблизительно столько, сколько уже успел свершить этот один из первенцев нашего атомного флота.

Нет, «Ленинский комсомол» совсем не вчерашний день его. Учения «Север» еще раз показали, как могуче и совершенно это создание гения русской морской науки. Прогресс стремителен, и естественно, что рядом с совершенными боевыми кораблями появляются еще более современные. Такова логика жизни, логика, рожденная напряженным трудом ученых, инженеров, рабочих, моряков.

...Тишина повисла над бухтой. На палубе атомохода застыли в чеканном строю моряки. Торжественный подъем флага... Он всегда событие на корабле. Нужно ли говорить, что чувствовали подводники сегодня.

Вместе с ними в строю тот, кто в памятном походе вел атомоход к полюсу,— Лев Михайлович Жильцов. Он сразу узнает своих друзей — мичманов Михаила Луня и Ивана Кожухова. Они не захотели, когда кончился срок службы, покинуть корабль, остались на сверхсрочную...

Минута, другая,— и бело-синее полотнище взметнулось вверх, подхваченное резким ветром...

Вечером я поднялся на сопку, откуда открывалась пронзительно сверкающая даль и темная полоска наплывающей с севера свинцовой хмари. Из-за мыса показалась длинная черная сигара, стремительно разваливающая волну. Описав полукруг, она прямо на глазах стала быстро уменьшаться в размерах. Вот уже тугие, пенящиеся струи коснулись рубки, потом и она пропала. Только блеснули на мгновение линзы перескопа, и белая полоска на поверхности воды исчезла совсем.

Атомная ушла в глубину. Может быть, это был «Ленинский комсомол». Может, его могучий собрат.

Северный флот — Москва.

В. ТИХОМИРОВ

Студентки Московского химико-технологического института имени Д. И. Менделеева Люда Смирнова, Алия Абдрахимова, Эльза Пьянкова.

Фото А. БОЧИНИНА.

Их трое: Люда Смирнова, Алия Абдрахимова, Эльза Пьянкова. Фотокорреспондент встретил девушек в перерыве между лекциями. У них много общего, у этих четверокурсниц Московского ордена Ленина химико-технологического института имени Д. И. Менделеева. Общие лекции, один курс, общие заботы. И у каждой свое. Трое из десяти тысяч студентов-менделеевцев, трое из четырех миллионов сегодняшних студентов.

ВРЕМЯ ОТКРЫТИЯ

Девчонка пишет сочинение на вступительном экзамене в институт... «Сколько людей погибло за то, чтобы у нас было счастливое детство, беспокойная юность, интересная жизнь!»

Может, следовало экзаменаторам не заметить пропущенную запятую в этом сочинении. В итоге — четверка. Зато остальные предметы... Физика — 5, химия — 5, математика — 5.

— Почему я пошла в Менделеевский? Призвание не призвание, но что-то в этом духе,— рассказывает Алия Абдрахимова.— Вместе со школьным аттестатом я получила и удостоверение химика-лаборанта.

...По традиции отряд выстроился вдоль аллеи, около памятника погибшим менделеевцам. Две бронзовые фигуры комсомольцев. Поднятые в прощании руки. Имена на мраморе.

Василевский И. П. — студент,
Нюнин А. И. — студент,
Копелев А. З.— аспирант...

Двадцать фамилий. Они ушли и не вернулись.

В последние годы комитетом ветеранов войны и комсомольцами института были разысканы еще фамилии погибших. Скупые строки фронтовых газет, воспоминания ветеранов, пыльные папки архивов — следы многомесячных поисков, о которых регулярно сообщается в многотиражке института. К двадцати фамилиям прибавилось еще двенадцать...

Абдул Бала-заде — студент,
Макарова В. Д.— студентка...

Вот у этого памятника и собрался отряд физико-химического факультета перед отъездом на Белое море. Замерли на минуту гитары, смолкли песни...

А уезжали на далекий Кий-остров восстанавливать замечательный памятник архитектуры XVII века — Крестовый монастырь. О характере работ реставрационного отряда можно судить по выписке из рабочего дневника за один день: выноска мусора из северо-восточной палаты, келий, квасоварни, разбор завалов мусора в усыпальнице, расчистка прохода в трапезной...

В памяти осталась строгая красота северной природы, белые ночи, тихий говор морских волн, поездка на Соловецкие острова и особенно вечера, когда в ненастную погоду в кельи, где жили девчата и уютно потрескивала угольями раскаленная печурка, собирался чуть не весь отряд. Часами могла рассказывать о русской старине автор проекта реставрации Крестового монастыря Г. Алферова.

— Просто сказочница,— вспоминает Алия эти чудные вечера.— Обязательно поеду летом куда-нибудь, а может, и в зимние каникулы, хотя и хочется домой, в Алма-Ату.

Студенческие годы — время поисков, удивительных открытий в самих себе, в собственном характере.

Может, одно из таких открытий сделала казахская девушка Алия, когда она слушала рассказы о древней Руси, когда, очарованная красками Севера, стояла у самого Белого моря. Может, именно тогда не по книге, а вот так, сама почувствовала своей родиной не только лесистые отроги Ала-Тау, но и эти пустынные, заросшие морошкой островки в устье Онеги.

УЖАСНАЯ ДОЛЖНОСТЬ

— Все шишки всегда на старосту. Ребята обижаются, что часто отмечаю прогулы, деканат недоволен, что не всегда замечаю отсутствующих. Можно было бы и отказаться, но лучше уж буду я,— рассказывает о своей тяжкой доле Эльза Пьянкова, четверокурсница химико-технологического факультета.

Эльза за эти годы так хорошо изучила своих студентов, что совершенно безошибочно определяет, когда надо поставить в графу — «отсутствует», а когда можно и не заметить отсутствующего. Иной студент лучше перероет груду учебников, чем высидит два часа на лекции. И это будет полезнее. А если материал лекции нигде не отыщешь, такого «самостоятельного» надо предупредить. У другого трудное материальное положение, сегодня подрабатывает на разгрузке овощей. Как такого отметишь?

— Но иногда не помогают никакие просьбы, видишь, заленился человек, твердо говоришь: «Довольно, ничего не знаю, не придешь — отмечу». Упреков, конечно, хватает. Ужасная должность!

Но никто из группы не представляет и не желает другого старосты.

— Ведь нас нужно иногда приструнить, — рассказывает Таня Крюкова, не раз попадавшая на карандаш.— Трудно все-таки заниматься ровно, ритмично. А ведь чуть запустишь, так и начнется одно за другим... Хвост вытащишь, нос увязнет.

Вот и разработали сами студенты целую систему учебной дисциплины.

— Это так называемая система контрольных точек и аттестация,— объясняет Эльза.— Ведь сроки сдачи коллоквиумов, контрольных работ, расчетов по проекту известны. Сводим все в единый график и отмечаем. Полная картина. Если выбился человек из графика, значит, жди от него провала на экзаменах. Вызываем, беседуем, наказываем, помогаем. А самое грозное — аттестация. Собираются представители комитета, деканата, старосты, комсорги групп, кураторы. Идет принципиальный разговор. Если человек откровенно лентяйничает, не хочет заниматься, не аттестовывают. Плохи дела такого студента. Не сдает к сроку «контрольные точки» — отчисление. Бывает, аттестуют, но условно, до первой двойки на экзамене. Вот такая это система. Сами ее придумали. Так сказать, дисциплина на самообслуживании.

ЧТОБ КАЖДЫЙ УЕХАЛ ДРУГОМ

Беда пришла, как всегда, неожиданно. Удар был сильный, и, когда Люда Смирнова очнулась, ее уже везли в больницу. Перелом оказался серьезным. Домики в целинном совхозе уже сдавали без нее. В Москве хирург сказал: «Хотите, чтобы нога срослась хорошо, хотите больше никогда не вспоминать о переломе — терпите. Еще полгода не двигаться. Учеба? Ну что ж, подпишу вам справку об академическом отпуске».

Раз надо, так надо. Скука, конечно, страшная. Спасали книги. А к учебникам что-то не лежала душа. Да и зачем?

Когда отряд вернулся с целины, шумной ватагой приехали к ней ребята из группы. Со смехом вспоминали какие-то хохмы на лекциях, нового преподавателя, рассказывали об интересных семинарах.

«Не могу я уже без своих, не вытерплю год без учебы»,— подумала Люда и попросила: привезите конспекты лекций и учебники.

Каждую неделю теперь приезжали к Люде в Ногинск товарищи из группы, а через полгода она пришла в институт и сдала сессию. В Менделеевке знают, что это такое — сдать сессию, проболев весь семестр! После третьего курса до трети студентов уходят, не выдержав премудростей теории вероятностей и физической химии.

А летом ее «За мужество при сдаче сессии» отправили отдыхать в интернациональный лагерь института под Туапсе.

— Так я и стала специалистом по иностранцам,— смеется Люда,— в факультетском бюро теперь отвечаю за интернациональное воспитание. На курсе у нас только вьетнамцев около семидесяти человек. Работы много. Организуем экскурсии в Клин, Загорск, знакомим с русскими обычаями, водим в музеи, приглашаем домой, на вечера. Достаем билеты в театр, на концерты. Основное, конечно, занятия.

В блокноте у Люды десятки вьетнамских фамилий, пометки. У каждого свое: кто-то совсем не ладит с чертежами, другому надо помочь по математике... Десятки фамилий, сотни пометок.

— Вот сейчас очень беспокоимся за Фам Нгок Шана,— говорит Люда,— он заболел, это уже второй раз. К нему регулярно ездят заниматься Лариса Горошко, Вадим Уборский, Вадим Нечипорук. Так что от группы не отстанет. А вообще в институте учатся студенты из тридцати двух стран. Надо, чтоб каждый как можно больше узнал о нашей стране. Надо, чтобы каждый уехал другом.

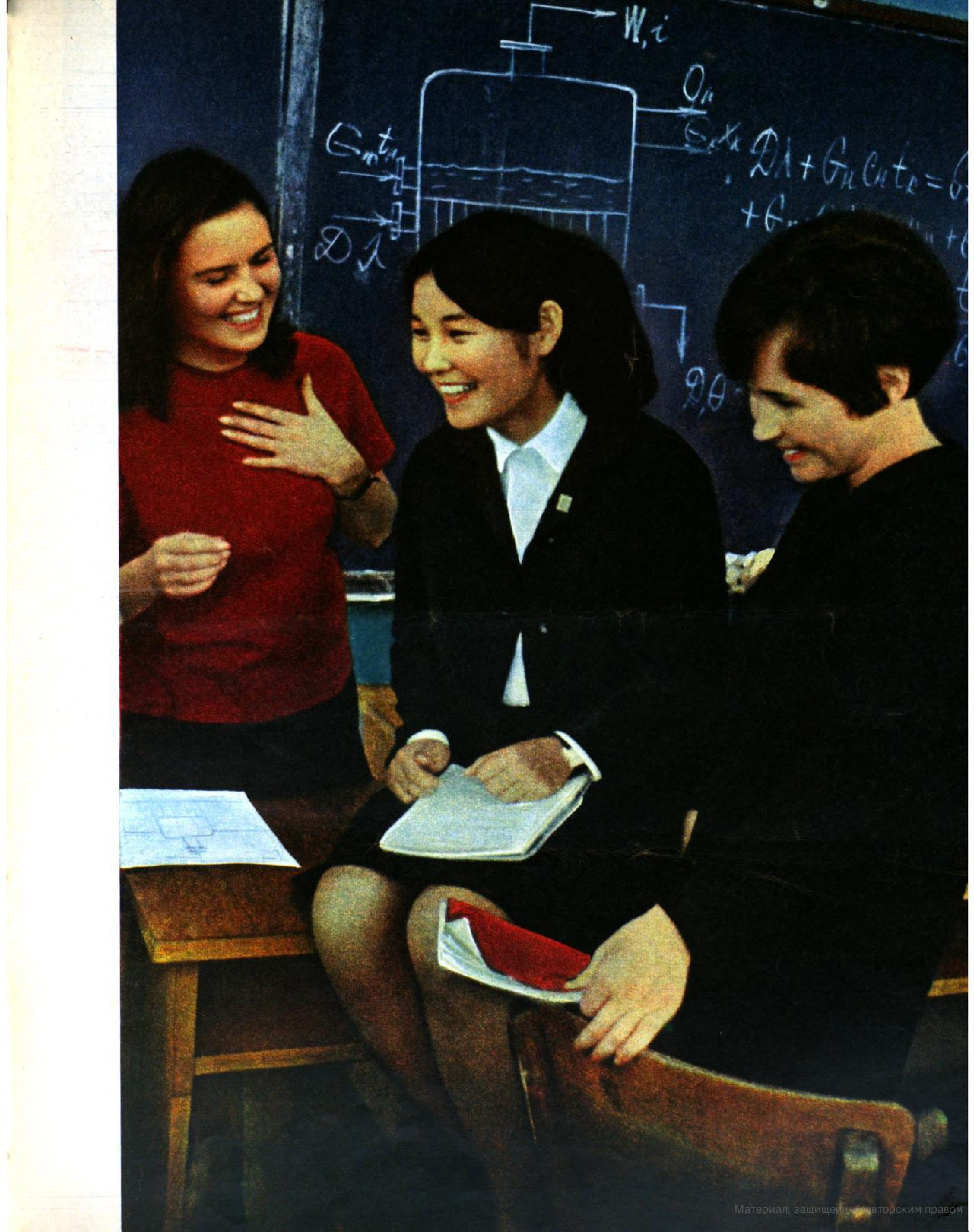
Анатолий КРАПИЛЬСКИЙ

Раскопки — то же, что разрядка мин:
Во всем необходима осторожность.
А наш участок сто на триста — клин—
Наверняка не должен быть порожним.

И мы всё осторожней входим в грунт.
А он от крови наших предков красен.
Его уже лопаты не берут:
Он близостью открытия опасен.

Мы сами понимаем что к чему.
О землю пальцы до крови сдирая,
В полдневную сырую полутьму
Мы малые прожекторы спускаем.

Голодные — забыли про обед,
И отдыха не требует усталость...
Мы понимаем — лучшей доли нет:
Полметра до открытия осталось!

W, i
Dλ

Связист Борис Бакин отвечает за работу радиотелефонной сети целинного совхоза «Краснопресненский», а вечерами он с повязкой дружинника выходит на улицы центральной усадьбы.

Фото А. Награльяна.

«Учитывая большие заслуги комсомольцев и советской молодежи в социалистическом строительстве, всегда горячо откликающихся на призывы Коммунистической партии и Советского правительства, и особо отмечая самоотверженный и плодотворный труд комсомольцев, советских юношей и девушек в успешном освоении целинных и залежных земель, наградить Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи орденом Ленина».

Указ Президиума Верховного Совета СССР
от 5 ноября 1956 г.

Воспитание целиной

Б. СМИРНОВ

Когда-нибудь здесь обязательно будет стоять монумент. Я не знаю, как он должен выглядеть, но что-то в нем должно напоминать о палатке в степи, о тракторе, о тяжелом пшеничном колосе... Впрочем, этого слишком много для одного монумента. Пусть лучше он будет изображать молодого парня, уверенно и крепко стоящего на земле. А на постаменте простые слова: «Первым целинникам».

— Значит, договорились? — в последний раз уточнил парторг совхоза «Краснопресненский» Борис Петренко. — Завтра в шестнадцать ноль-ноль первые целинники собираются у меня...

...К четырем часам в кабинет парторга собирался народ. Рассаживались вдоль стены уже немолодые, солидные люди, общепризнанные специалисты. И ничем они не напоминали тех лихих и озорных ребят целинного эшелона, чей характер и облик сохранили для истории старые фильмы и газетные фотографии. Но через минуту «ветераны» оживились. Стали вспоминать пятьдесят четвертый — тот самый год, который перевернул, обогатил и наполнил новым смыслом жизнь каждого, кто сейчас был здесь. Говорили все сразу, дополняя и уточняя друг друга. Много было общего: и то, как услыхали о целине по радио, как решили все оставить и двинуть сюда: Магнитка — отцам, Днепрогэс — старшим братьям, а нам — целина!

— Уезжали легко, с песнями, — вела рассказ Лидия Александровна Радюк, бывшая московская крановщица. — Непривычно и весело все было. Со всех сторон почет, внимание. Даже базар зимней одежды в райкоме... И только когда подружки из вагонов вышли — они нас до последней станции электрички провожали, — только тогда многие расплакались: ведь навсегда из дома уезжали...

В Кустанай поезд пришел ночью.

А утром оказалось, что вся площадь перед вокзалом полна разукрашенными грузовиками. После митинга директора совхозов стали разбирать народ. Народ был сговорчивый: «У тебя какая машина, директор? Крытая? Тогда поехали!»

Краснопресненцы попали в Боровской район. Разместились в деревне Ершовке, в частных домах. Познакомились с начальством будущего совхоза, разделились на бригады. Потом сообща выбрали место для центральной усадьбы — на плоском, чуть приподнятом над степью холме. Павел Петрович Улезко забил в землю первый колышек. Тогда все было первое: первый колышек, первая палатка, первая электролампочка, первый сборно-щитовой домик. Ох уж эти домики! Их сразу же прозвали «сборно-щелевыми». Многие построили для временного жилья землянки. А когда встал вопрос, какой дом строить в первую очередь, все дружно решили: клуб!

— Трудно жилось, многого не хватало, — вспоминают ветераны, — но зато жили одной краснопресненской семьей. Нашему совхозу хотели присвоить отвлеченное, дежурное название. Но мы не соглашались, писали в Москву. Ответ пришел хороший: по просьбе целинников именовать совхоз «Краснопресненским»! Тогда и в соседних совхозах названия тоже на свои, домашние начали заменять.

Приехать, устроиться — это еще полдела. Самое главное было впереди. Работа. Большинство из приехавших не имело ни малейшего представления о сельском хозяйстве, у многих не было вообще никаких специальностей. Для начала все стали строителями: каждый, кем бы он ни был, должен был 30 часов отработать на стройках. По вечерам учились — осваивали технику, штудировали учебники по агрономии. Для новоселов школьного возраста — таких было семеро — удалось достать три парты, и выпускница педучилища Зоя Пономаренко провела первый на целине урок...

А потом первая борозда. Утро 28 апреля 1954 года выдалось теплым, солнечным. Весь, как говорится, личный состав совхоза с чадами и домочадцами вышел в поле, вернее, тогда еще в степь. И все в праздничных нарядах, как на Первомай. Заняли исходные позиции взвод фотокорреспондентов и батальон гостей из Кустаная и Боровского. Все получилось очень торжественно. Миша Шевленков уверенно, спокойно тронул свой «С-80» с плугом. Черной волной лег по ковылю перевернутый пласт.

— Но ведь были и такие, которые не выдержали испытания, сбежали? — задал я, как мне казалось, щекотливый вопрос.

Ответили спокойно:

— Конечно, были. Много народа уехало, но уезжать можно по-разному. Тех, кто сбежал в первые месяцы, мы давно забыли. Ну, а если человек прошел через самое трудное, работал наравне со всеми, а потом обстоятельства заставили его уехать — таких мы провожали с почетом, с благодарностью. Для нас они навсегда первые целинники!

Сейчас в совхозе создается музей. Его собираются открыть к 50-й годовщине ВЛКСМ, как рапорт о прошлых и сегодняшних делах краснопресненских комсомольцев. И, наверное, рядом с комсомольскими путевками, грамотами, медалями можно будет положить на стенды музея листки из школьных тетрадей с неуверенным ребячьим почерком: «Прошу принять меня в комсомол...» Эти заявления сегодня пишут ровесники совхоза, семиклассники — ребята, родившиеся на целине.

...Когда говорят о просторах нашей земли, обычно приводят для сравнения площадь какого-либо европейского государства. Я не знаю, с каким государством сравнивать совхоз «Краснопресненский», но готов утверждать, что таких громадных, поистине необъятных полей пшеницы нет нигде в мире. В долгие часы, когда мы с директором совхоза Ваниным колесили от поля к полю, Алексей Григорьевич рассказал такой случай: один из гостей совхоза, американский специалист, несколько дней ездил по полям и потом заявил, что он, дескать, не верит, будто такое море пшеницы вообще можно убрать. «Техники не хватит!» — говорил гость и успокоился только тогда, когда сам увидел все 150 совхозных комбайнов...

Ванин смеется: несколько лет тому назад иностранцы не поверили, что он, совсем молодой человек, руководит огромным хозяйством. Да и откуда им было знать, что целина научила людей всему, даже методам руководства! После службы на флоте комсомолец Ванин вернулся в родные казахские степи, был управляющим отделения совхоза, а потом стал директором целинного гиганта...

Ванин сам вел «Волгу». Кстати, все специалисты совхоза обходятся без личных шоферов. У каждого на машине стоят длинные гибкие антенны раций УКВ: без современных средств связи сегодня в совхозе не обойдешься.

Основатели совхоза «Краснопресненский». Фото 1954 года.

Ванин взял микрофон:

— Центральная, центральная... Алло, центральная! Маша, найди мне главного агронома...

Пока Маша ищет главного агронома, Ванин рассказывает:

— Есть у нас старый целинник, Аркадий Салмин. Вот железный человек! Про него легенды можно рассказывать. Как-то раз мне сообщают: Салмин лафетчиков замучил! Тогда мы еще старой техникой собирали урожай — трактором с прицепной лафетной жаткой. Я в свою бричку — «Волги» тогда, конечно, не было — и скачу в поле. В самом деле, лафетчики Салмина просят замены — от усталости падают с жатки. А Салмин сидит в кабине трактора, и хоть бы что ему! «У меня, — говорит, — такая норма — сто гектаров ежедневно!» Обедает прямо в тракторе, и рядом с ним в кабине сидит его охотничья собака — с ней он не расставался. Что же, дали ему новых лафетчиков, и пошел наш Аркаша дальше. Очень любит он свой трактор, мы его сколько раз на комбайн пересаживали, а он... Алло, центральная! Владимир Иванович, как дела на пятом?

— Тремя комбайнами пробуем. Машину отправили на хлебоприемный пункт, проверим влажность зерна...

— Вот видите, дожди как нас подкузьмили. — Это уже не в микрофон, а мне. — Ну, ничего. Не такое бывало. Так вот, Салмин на комбайн ни в какую переходить не хочет. Вот оно, первое поколение целинников!

— А нынешнее хуже?

— Поедем к Кожагалиеву... — вместо ответа сказал директор.

Аскар Кожагалиев — самый молодой комбайнер совхоза. Ему только 22 года, но уже 4 из них он за рулем.

Начался обеденный перерыв, и Аскар рассказал нам историю, которую знает весь совхоз. Перед посевной был объявлен конкурс «Лучший сеятельный агрегат совхоза».

Посевная начиналась 15 мая в 4 часа утра. В 2 часа ночи шофер Василий Коваленко приехал на зерносклад, но рабочие еще не приходили: слишком рано. Тогда Василий, призвав на помощь сторожа, сам нагрузил машину зерном и примчался в поле. Там уже ждали его тракторист Владимир Мельников, сеяльщицы Лида Искакова и Галя Устинова. Комсомольский агрегат начал работу первым. Весь день, обгоняя другие машины, носился между полем и зерноскладом грузовик Коваленко; весь день не умолкал трактор Мельникова. И к концу суток родился рекорд. Вместо сорока гектаров, положенных по норме, комсомольцы обработали 135 гектаров! Так быстро еще никто и никогда не сеял в совхозе. И до тех пор, пока этот рекорд не побьют, у совхозного клуба будет стоять специальная доска с именами комсомольцев.

— Только не подумайте, что они старались для рекорда, — закончил Аскар. — Вся посевная продолжается несколько дней, и поневоле приходится работать быстро...

О молодом поколении целинников у Алексея Григорьевича Ванина я больше не спрашивал.

Возвращение к герою

Н. СЕРГОВАНЦЕВ

В литературном нашем мире с недавних пор снова стало заметным, обозначилось определенно и выпукло то отрадное и плодотворное направление, на котором советская литература за полувековую историю свою обретала дорогие свойства и утверждала как непреложный принцип героическое понимание жизни. В поиске героического идеала, характера крупного, глубокого и широкого, в оптимистическом постижении сложных, порой трудных противоречий действительности художественное слово завоевывало признание народа, давая ему блистательные образцы — книги, ставшие нашей классикой.

Но было бы неверным признать, что проверенный курс советской литературы на героический идеал, скажу мягче, словом ныне немодным — на положительность,— был прям и не претерпевал досадных отклонений.

Прогрессивные для своего времени и своего общества примеры западной литературы, некоторые явленьица отечественной культурной истории 20-х годов стали представляться прогрессивными и по отношению к собственному обширному литературному опыту. Подражание, вначале стилевое, но непременно называемое новаторством, по логике неразборчивого эпигонства мало-помалу становилось по-ученически прилежным усвоением идейной начинки немалого количества переводных книг. Заботы, которые терзали и терзают честных писателей Запада, все коловращения, в которые маленький человек без всякого своего желания вовлечен по причине капиталистической организации жизни,— эти заботы для некоторых наших отзывчивых авторов по-родственному легли на сердце. Вначале появилось как бы легкое стыдливое чувство за некоторые сложившиеся литературоведческие понятия, как-то: героический идеал, положительный персонаж, и даже самое название творческого метода — социалистический реализм — в памятное на переименования время как бы облагораживалось настойчивыми рассуждениями о гуманном реализме, честном реализме и еще о чем-то — всего не припомнишь. Провинциальное чувство стыдливости, неловкости за свою сиволапость, невылощенность, несовременность, естественно, требовало искупления.

Искупили героем, искупили собственными традициями и идеалами. Все дальше стала отдаляться и таять личность в полновесном смысле слова незаурядная, и развелось в иных журнальных и книжных пределах изрядное количество маленьких, ничтожных людишек, дробящихся и кричащих, с хилыми мышцами, с мурашиными заботами, но с уродливо развитым социальным эгоизмом, с максималистической фразой по любому поводу, когда даже несварение собственного желудка вменяется виною чуть ли не всему общественному организму. Само по себе изображение маленького человека — дело вкуса литератора и в определенном смысле может быть художественно оправдано, если будет рассмотрено с передовых идейно-эстетических позиций. Но апология маленького человека, замыкание всех сложных связей мира на нем, пропаганда его как примера таят чрезвычайные, опасные обстоятельства, заложенные в социальном и психологическом страхе маленькой личности перед величавыми, масштабными проявлениями человеческого духа. Самоотверженность, подвижничество, бессребреность, отвага, естественное подчинение воли требованиям общественной дисциплины, романтический порыв к делам невиданным — эти и многие другие бесценные качества, по крупицам накапливаемые долгой жизнью народа, порождают в маленьком человеке страх и злобу. В массе своей, если дать ему расплодиться, это сообщество ничтожеств способно расточить, распылить самые святые понятия и идеалы: мышь повалит слона. Этим и чреват культ маленькой личности, он опасен не только как реальная особь, но и как порождение прихотливого пера.

Советская литература в истоке своем противопоставила миру маленьких людишек желанный образ борца нового мира, в цельном гармоническом слиянии всех лучших качеств социалистического характера увидела смысл грандиозной революционной работы, начатой на родной земле полвека назад. В череде прекрасных своих образов она проследила путь развития общественного идеала, в фокусе которого всегда была мечта о самом ярком, самом щедром расцвете личности. Наша наука о литературе боролась за первостепенное значение героики как пленительного примера воспитания народа, хотя эта борьба, как это ни горько признавать, была иногда оборонительной и шла не без замешательства в собственном стане.

За сравнительно короткое время мы явились свидетелями отмирания немалого числа литературных заблуждений: смешными ныне кажутся споры о лириках и физиках, под напором жизни вскрылась вся несостоятельность далеко не смешной «теории отцов и детей», не оправдала упований так называемая исповедальная проза. И самая становая теория дегероизации в примерке к грозному неспокойствию мира, когда следует быть начеку, далеко уже не теория.

И все же, как не следует обольщаться тем, что все заблуждения отмерли и другие не грядут, несправедливо будет не заметить и накопленный за последние годы литературный опыт положительного свойства. Он накоплен на единственно верном направлении реалистической литературы, на деле провозгласившей себя народной и партийной,— в исследовании глубин жизни народа, в жизнетворчестве трудового люда, в созидании им социальных, экономических и нравственных богатств. В последних повестях и романах Михаила Алексеева и Михайлы Стельмаха, Чингиза Айтматова и Всеволода Кочетова, Владимира Чивилихина и Сергея Крутилина, в эпических полотнах «Русская земля» Дмитрия Зорина, «Открытие мира» Василия Смирнова, «Истоки» Григория Коновалова, в новом остром романе о современности Николая Шундика «В стране синеокой» ярко предстает трудовая и боевая слава нашего народа, высятся натуры незаурядные, твердо стоящие в жизни, ясновидцы земных, но дерзких целей. В виду творчества столь разных писателей, как правило, талантливо сложившихся, с учетом идейно-художественных склонностей и первых успехов немалого отряда молодых даровитых прозаиков можно определенно говорить об общем рисунке народного типа — собирательного образа современника. В нем как однородственные величины выврели такие приметы: резкая обозначенность трудовой психологии, удивительно естественное, как бы с молоком матери впитанное ощущение героем неразрывности связей с прошлым, настоящим и будущим народа, его национальное самосознание как гражданина могущественной державы, любовь к земле и делу на нем, скромность при огромных внутренних достоинствах, коллективная дисциплина, которой человек не подавляется, а приобщается к совместно выработанным нравственным понятиям. Эти, может быть, условно отмеченные приметы обаятельно сплавлены в конкретном герое уважительным и любовным чувством автора, безусловно, немыслимым без четкого понимания идеала, который складывается в самом народе.

Иногда стали забывать о народности, без которой существование литературы сомнительно. Идея народности заложена в самом высоком назначении художественной словесности. Она предполагает служение не какой-то малочисленной социальной группе, временами охваченной неясными побуждениями, ибо формируется в строгом соответствии с историческим движением народа, отражает все главные стороны его сложного бытия. К сожалению, также не всегда и не везде уяснено и то, что партийность не абстрактный принцип социалистического творческого метода, а жизненная необходимость: в пестроте явлений и событий следует недвусмысленно выявить позицию, дать им коммунистическую оценку.

Об этом стоит непраздно напомнить еще и потому, что опыт многих наших писателей, часть которых я назвал, живым образом подтверждает художественную плодотворность сложившихся принципов литературы социалистического реализма. (Я, конечно, хорошо отдаю себе отчет в том, что принцип — еще не творческий успех. Но он путь к нему.)

Журнальные новинки этого года побуждают к некоторым литературным мечтаниям и надеждам, хотя, впрочем, и есть над чем горестно поразмышлять.

Пятидесятилетие Советского государства, с таким воодушевлением отмеченное нашим народом в прошлом году, быть может, каждого заставило задуматься над узловыми моментами прошедшей истории. Литераторов — тоже. Громадность содеянного страной всего за полвека несомненна даже для закоренелых наших недругов. Тем более гордо им осенены мы, граждане первой социалистической державы.

Советская литература талантливо летописала подвиг народа. В этом и ее подвиг. Однако было бы благодушием не видеть, что порою сложные этапы нашей истории рассматривались писателями односторонне и даже искаженно. Так, превратно толковались такие важные проблемы: революция и интеллигенция, революция и крестьянство, соотношение противоборствующих сил в Отечественной войне и некоторые другие.

И все же правда истории оказалась сильнее домыслов и субъективистского насилия над фактами общественной жизни страны. Берусь считать творчески дерзким появление романа о тридцатых годах Алексея Пантиелева «Белая птица» (журнал «Москва», №№ 5—6 за 1968 год). Дерзким потому, что о тех годах в художественной литературе существует немалая путаница, легко бросающаяся в глаза тенденциозность, забвение положительных величин и непомерное умножение негативных. Дерзким еще и потому, что это были предвоенные годы, вызывающие на размышление о боевой готовности советского народа отразить нападение грозно вызревшего фашизма. Вокруг этого, как известно, также немало клубилось самых разноречивых толков.

В «Белой птице» под романтическим и эмоциональным пластом повествования о героях и героике скрыто объективно бесстрастное уразумение непростых обстоятельств предрубежных тридцатых годов. Тогда, по убеждению автора, выплавленному из напряженных размышлений о судьбах людей, о смене бурно выплескивающихся событий — иных горестных, но больше захватывающе радостных,— жарко разгоралось пламя энтузиазма юной страны. Оно вспыхивало в каждом сердце, оно высвечивало такие дали, что казалось возможным докатиться людскому морю до неба. Так родилась в романе высокая символика белой птицы — первых советских самолетов, окрыливших целый народ, спасительно прикрывших его в годину войны, провозвестивших наш нынешний штурм космического безмолвия.

Мне представляется главной удачей Алексея Пантиелева стремление выразить молодую энергию тех времен в душе возлюбленного им героя — Георгия Карачаева. В понимании всего замысла композиционно сложного романа образ Карачаева оказался решающим. В нем, социально и нравст-

венно, в живой плоти сконцентрированы черты складывающегося идеала нового человека. В нелегкой жизни Карачаева, его маленькой семьи послереволюционная история прошла настолько лично, что единение судеб отдельной личности и целого народа в преобразовательной борьбе еще раз доказало в нашей литературе иную, незнаемую миру ранее возможность наконец-то сочетать — без боли и уродства — идеал конкретного человека с идеалами общества.

Героизм времени, как на крыльях, вознес Карачаева и других к каждодневному подвигу.

«С тех пор, как мы живем, мы ломаем стены» — это не только личное убеждение Георгия Карачаева, сына нового времени.

Коллективизация, одоление неба, война в Испании, сражения на Хасане, изгнание подозрения и страха в собственном стане — все стало личным делом коммуниста, авиационного инженера, бойца Карачаева.

Раскрывая в своем романе героизм эпохи, Алексей Пантиелев утверждает массовый героизм советских людей как постоянную и естественную закономерность, рожденную самим складом социалистического общества. Я бы назвал это его утверждение внутренне полемическим, ибо оно сознательно и глубинно отвергает всякую реальную возможность существовать и действовать маленькому человеку там, где общие цели огромны, как и дела, которые требуют рук.

Роман «Белая птица» пронизан не только оптимизмом той горячей трудовой поры, но и бдительной настороженностью народа ввиду тревожно надвигающихся событий.

Фашизм добивал республиканскую Испанию, на дальневосточных наших границах Япония испытывала Советы на прочность, мюнхенским соглашением гитлеровская Германия получала молчаливое добро на вероломство и захват. Война стояла у порога нашего дома.

Есть в романе Алексея Пантиелева конечная сцена, когда Анна, жена Карачаева, провожает до аэродрома только что вышедший с завода новый военный самолет—гордость отечественной техники, боевую белую птицу, выпущенную в грозный канун.

«Анна вспомнила шестое августа, Хасан, день авиационного удара... и закрыла лицо рукой, увидев ясно, как из бомбового люка — жуткого зева в брюхе самолета — вываливается не бомба, а она сама, обложенная толстыми пирогами двух парашютов; за ней валятся другие, десяток за десятком, и парни и девушки, с автоматами Дегтярева... Анна видела себя над Прагой, где вдоль улиц стояли несчастные женщины и старики. Они ждали самолетов с востока, и там она хотела бы быть...

...Анна шла и улыбалась совсем не усталой, а острой и даже яростной улыбкой — потому что эта птица могла долететь и однажды долетит до центра Европы, где ее ждут миллионы людей; она — не нынешнего, а завтрашнего дня, она — само будущее, угаданное и воплощенное уже сегодня, в наши несравненные тридцатые годы».

Мощью духа и мощью оружия советский народ готов был встретить войну. И она ворвалась, хотя мы дорожили каждым днем отсрочки, чтобы быть готовыми дать отпор врагу. Но мы успели создать могучую экономику и выковать стального качества бойцов даже в самое мирное время.

В небольшой повести Вадима Кожевникова «Петр Рябинкин» (журнал «Знамя» № 6 за 1968 год) рассказано о «рабочем человеке из того поколения советских людей, которое изумило мир своей доблестью и скромной простотой, с какой оно пришло к празднику Победы — подвигу века, возвысив звание человека своей верностью человечности, всему тому, что мы чтим в людях нашей Отчизны». В Петре Рябинкине В. Кожевников показал простого человека.

Само понятие «простой человек» ныне малоупотребимо и почти выпало из литературного обихода. Его почему-то сочли чуть ли не обидным, остаточным, даже равнозначным понятию «винтик». Странным образом выражение «маленький человек» оказалось куда более одухотворенным в некоторых произведениях и их литературно-критических апологиях, а «простой» — обидным, ругательным. Но в действительности в понятие «простой человек» с самого его возникновения вкладывалась массовость, обычность тех новых черт, которые определили в геронке и повседневности звание «советский человек».

С этой точки зрения и следует смотреть на «простоту» Петра Рябинкина, человека, по мысли автора, типичнейшего для своего времени, без внешней яркости, эффектности, но с большим запасом душевной стойкости, нравственной развитости, по складу характера основательного и в высокой степени обаятельного. В коротких предваряющих сценах повести В. Кожевников только в общем рисунке знакомит нас с натурой Рябинкина: рабочий парень, от застенчивости грубоватый, счастливый от любви к жене, но старающийся выглядеть огорченным бытовыми заботами... Почет, выпавший на его долю стахановца, он воспринял «не как заслуженную награду, а как личное праздничное удовольствие». Они с женой были искренне убеждены, что им досталась легкая, хорошая жизнь. Таково внешнее, сознательно составляемое автором, немудреное представление о Рябинкине. Но сколько чувства, самоотверженности, какое глубокое народное начало скрывалось в этом человеке, какая бойцовская стойкость выковалась в нем в эти рабочие будни! Грянувшая война вскрыла плодоноснейшие пласты его незаурядной натуры, и, простой по-родственности своей судьбы с судьбою трудового народа, он вместе с ним пришел к величию ратного героизма, ибо всегда подспудно в его душе жила готовность отдать все, что потребует Родина в любой час — даже смертный.

«Завод, на котором работали Рябинкины, в силу возникшей военной угрозы перешел на удлиненный рабочий день, кроме того, приходилось оставаться на сверхурочные: нормы все увеличивались, но заметного изнурения от тяжелого труда они не испытывали, так как этот напряженный труд сопровождался частыми гордыми радостями, когда их награждали грамотами, премиями, называли их имена на собраниях».

Так накапливалась в людях неодолимая сила, чтобы натиском удара своего смести врага с родной земли.

Рябинкин на войне — главная тема повести — позволяет судить о нем именно с точки зрения героизма, хотя смотрел он — опять же по родственности своей доли с долей армии, народа — на подвиг свой как на долг, выпавший ему равно с другими. С рабочей ухватистой сноровкой Рябинкин усваивал солдатскую науку, желая побить врага боевым умением.

Картины войны, выписанные В. Кожевниковым, дают живое понятие о солдатской спайке, о единстве народа в трудный час испытания, о том, что простой советский человек — носитель яркой частицы всенародного героизма и осенен им на вечные времена.

Взрыв великой человечности перед ежеминутно смотрящим ликом смерти — вот что особенное и дорогое подметил писатель в Петре Рябинкине и друзьях его.

«Опытный фронтовик знает, что если в бою солдат одержим ожесточением, злобой, то после боя он добреет, и нет такой услуги, в которой он отказал бы, отдыхая в доброте после непомерного напряжения в ненависти. И самые храбрые и лютые в бою обычно и самые заботливые, больше других думают о товарищах».

Мне думается, как ни различны по складу натуры, по масштабу общественной занятости Георгий Карачаев у А. Пантиелева и Петр Рябинкин у В. Кожевникова, все же есть все основания помыслить о них как о духовных побратимах. Поколение Карачаевых взросло в классовых битвах, с тем же революционным пылом оно развернулось в буднях социалистического строительства. Поколение Рябинкиных зрело в годы трудового энтузиазма, но уже отечески подпираемое поистине историческим опытом людей карачаевского толка. Эта традиция родства не стихийно сложившаяся, а классово осознанная необходимость народа быть единым в решении грандиозной социальной задачи, в свершении беспримерного доселе общественного эксперимента, ввиду ненависти и угрозы, которыми было тогда окружено Советское государство. Мощь народа, несокрушимость его — в осознанном единстве. Пожалуй, это один из главнейших уроков нашей полувековой истории, залог нашей защищенности и национального процветания.

Пожалуй, можно без преувеличения сказать, что этой мыслью пронизан весь последний роман Аркадия Первенцева «Остров надежды» (журнал «Октябрь», №№ 1—2 за 1968 год). Локальный и специфичный по роду деятельности его героев, он обширен в беспокойных размышлениях о современном человеке, он ставит вопрос за вопросом: каким человеческим богатством располагаем мы, во имя каких целей собрано это богатство?

Собственно, повествование об экипаже атомной подводной лодки, совершающей глобальный поход, дает ответы на эти вопросы.

В образах военных моряков, поставленных в суровые необходимые обстоятельства, Аркадий Первенцев постигает высокую меру духовного роста человека, социальную надежность его.

«Вы ищете остров надежды, идеальный кусок будущего общества? — спрашивает замполит подлодки Куприянов, обращаясь к журна-

Поэтическая молодость

Фронтовые стихи — это
чувство победы,
такое,
Что идут и идут неустанно
на подвиг и труд.
Все — туда,
где земля
стала полем
великого боя,
Иногда умирают там.
Главное —
это живут!

Ровно четверть века назад на опаленной грозою русской земле сложил эти строки поэт Михаил Луконин.

Фронтовые стихи... С ними пришел в большую поэзию новый поэт и надолго и прочно занял в нем свое, особое место. Нельзя и сегодня читать без волнения многие стихи из фронтовой лирики поэта. В них — боль пахаря, увидавшего родное поле полем боя. В них — тоска человека по тишине, по любимой. В них — гнев воина, призванного отомстить за поруганную землю, за святые слезы матери и любимой. Гневные стихи, зовущие к отмщению, соседствуют с нежными лирическими строками о матери. За фронтовой лирикой поэта встает образ удивительно светлого человека — человека нового дня.

Не с пустою душой пришел лирический герой Луконина к отчему порогу. Он пришел, чтобы строить и во весь голос славить «вечную красоту живой, не музейной жизни». Тревожным покоем пахнуло со страниц послевоенной лирики поэта.

Мирная жизнь входила в берега, и поэт не был сторонним наблюдателем этой жизни. Стихи о землянах, о степных волжских просторах, о земле бессмертного Сталинграда становятся достоянием большой читательской аудитории. И гимном созидательному труду, людям нелегкой рабочей профессии звучит поэма «Рабочий день», не случайно удостоенная Государственной премии.

Три десятилетия назад Михаил Луконин вошел в поэзию. Три десятилетия мужественного поэтического труда. За этот период поэт порадовал читателя десятками поэтических книг, полных истинной поэзии и доброго отношения к человеку труда.

Поэт и по сей день молод душой, полон поэтических замыслов, и потому верится, что он еще не раз сумеет порадовать читателя мускулистой поэтичностью строк и неиссякаемой щедростью души русского человека.

В. ФИРСОВ

листу Ушакову.— Без всяких преувеличений и хвастовства скажу: вы его найдете в походе... В лодке нет места для интриг, честолюбия, коварства, бахвальства, высокомерия, жестокости, злорадства, трусости, обмана».

И еще Куприянов скажет: «Различные индивидуальности и характеры... На земле они разные, под водой должны быть одинаковыми, забыть все, что их разъединяло, и укрепить то, что способствует объединению.

Они обязаны полностью подчинить себя чужой воле, не теряя способности и самостоятельности и инициативе. Это не сборище безвольных амеб, а разумные существа, слитые для достижения единой цели».

Поход подтвердил для Ушакова всю правдивость слов, сказанных замполитом. Он смог наблюдать необыкновенный коллективизм людей, он увидел, если прямо сказать, эталоны тех чарующих качеств, которые, быть может, и идеальны, но в то же время самою действительностью взращены.

При всей суровости и необычности содержания романа «Остров надежды» я все же склонен приложить к нему столь непривычный для романического жанра эпитет — мечтательный. «Остров надежды» — мечта о силе и единстве нашего державного народа, желание славы ему, душевной доблести, величавой нравственной гармонии каждому человеку.

Я мысленно соединяю его героя, открытого до резкости, честного, умного, одухотворенного Лезгинцева с Карачаевым и Рябинкиным — и в этом соединении духовных побратимов узнаю тот притягательный литературный образ человека, который упорно создавался советской литературой. Мои литературные мечтания простираются до того времени, когда этот образ, ныне вновь проявляемый — пусть не совсем резко, не во всем удачно,— вдруг ослепительно вспыхнет в книге, которую читающая публика никогда не переставала ждать. Книгу эту напишет один человек. Но идут к ней, торя общую, трудную дорогу, многие.

К сожалению, так складываются обстоятельства, что литературные силы порою так расточаются на узеньких, петляющих стежках, что стеснительно мечтать ввиду хаотического разбредания их по каким-то укромным уголкам.

Последние номера «Нового мира», журнала, удивительно восприимчивого к любым переменам — неважно каким, лишь бы они были,— зоркого на все случаи жизни, не единожды заверяющего смотреть на жизнь нелицеприятно, быть с ней накоротке и даже опережать ее ход,— вдруг этот самый журнал обрел все черты законченной провинциальной глуши. От чтения некоторых его публикаций остается такое впечатление, будто смотришь на мир спросонок, когда видишь какое-то неясное мельтешение вместо привычного пестрого шума, непрерывного движения.

Вот рассказ Виталия Семина «Хозяин» (журнал «Новый мир» № 5 за 1968 г.) о древнем старике банщике, у которого определили ветхий дом на слом, и он по закону ожидает компенсацию — квартиру. «Старик очень стар, нервы его притуплены, боли он не чувствует». Вот и все. Ни прошлого, ни будущего, ни настоящего. Словно посмотрел на случайную выцветшую фотографию. Какое-то холодное равнодушие источается со страниц рассказа о старике; самому рассказчику-герою будто и белый свет не мил.

Унылостью, отупляющей мелкотой, незначительностью придавливает и рассказ Натальи Баранской «Проводы» о пенсионерке, помещенный в том же номере. Какие-то крохи жизни, подбираемые автором, почему-то поданные с веской миной,— все это болезненно, несправедливо принижает героиню рассказа, и даже не жалость вызывает она, а чувство неловкости за то, что решились показать ее миру нарочито обезличенной, пошло обкраденной.

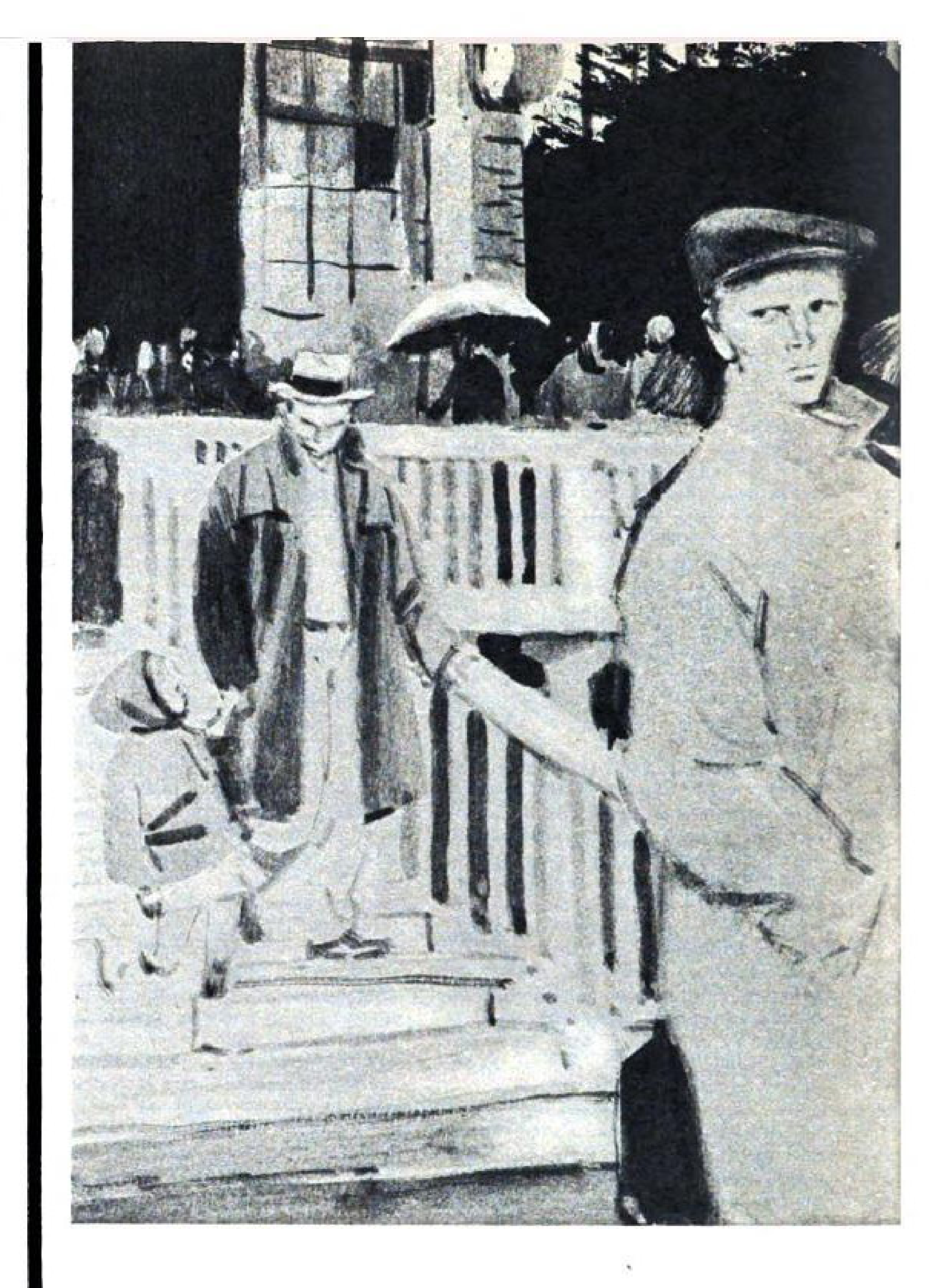
В этом году «Новому миру» совсем не повезло с крупными прозаическими жанрами: в этом смысле журнал стал тончать. Опубликованная в пятом номере повесть Василя Быкова «Атака с ходу» не стала шагом вперед для даровитого автора. Он как бы привычно вжился в постоянно и уже давно проигрываемую тему, и вот эта привычность лишает новую его повесть той свежести, искренности, которая так привлекала в первых повестях писателя.

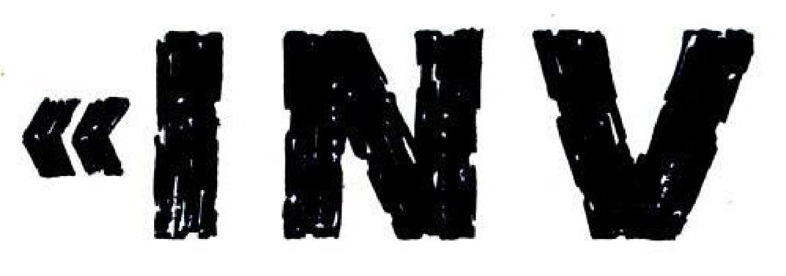
Пожалуй, с живописной стороны покажется светлым пятном повесть Е. Герасимова «Весна в Дубках» (журнал «Новый мир» № 6 за 1968 г.), написанная отличным слогом, поэтически, со вкусом расцвеченная. Уровень мастерства, отделка сцен, ненавязчивое владение умно подмеченной деталью — это, безусловно, вызывает уважительное отношение. Но тем более огорчительно, что способным литератором взята для поэтизации какая-то окраина жизни, косвенность ее. В полудачном поселке встречаются люди, приезжие и местные, говорят о погоде, о том, как бы задержать воду на приусадебном участке, отремонтировать дом, достать хороших дров. И странно, что главные дела и заботы этих людей остаются за пределами повествования, о них только вскользь помянуто. В суете мелких огорчений и радостей сами герои повести становятся все менее интересными, все более пустоватыми.

Окраинные уголки жизни, ее мелочи и второстепенности, отсутствие хоть сколько-нибудь заметного, остающегося в памяти героя стало направлением журнала «Новый мир». Дегероизация действительности настолько густо высыпала на его страницах, так разъедающе действует, что можно определенно говорить о затянувшемся кризисе одного из наших старейших журналов.

...Остров надежды — остров будущего, но и теперь к нему мчатся под крепкими парусами экипажи отважных и чистых духом. Их все больше, и грядут целые флотилии, отчалившие полвека назад от города на Неве. Распылится человеческая мелочь, сробеет она пред грозно величавой дорогой в бурном океане жизни, в гиблые широты затянет потерявших оснастку и курс. И только сильное племя гордых, вдохновенных людей сойдет на желанные, золотые берега будущего.

Мне знакомы их лица. Я снимаю с полки любимые мои книги — переднюю шеренгу советской литературы, и окружит меня толпа великанов, и в доверительной беседе окрылит меня надежда, ясно и радостно увижу зовущую даль времени, угадывая в нем беспредельное и щедрое пространство нашей дорогой Отчизны.

Федор
ШАХМАГОНОВ,

Евгений
ЗОТОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки
П. ПИНКИСЕВИЧА.

Продолжение.
См. «Огонек»
№№ 42, 43.

Отец Данина был убит на фронте. Сашу вместе с матерью немцы вывезли далеко на запад, в Германию. Мать умерла. Мальчика оставили в немецкой семье для мелких услуг. Однажды, уже после войны, за ним приехали и увезли учиться. К тому времени он свободно говорил на немецком языке, не забывая русского.

Школа была особенной. Она помещалась в особняке на окраине небольшого старинного городка. Это была разведывательная школа американцев. Ученикам не напоминали, кто были их родители, детская память неустойчива. Со временем прошлое подернулось и расплылось в неопределенные очертания. Саша Данин помнил, что родился в России.

Свой дом он вспоминал очень смутно. Отчетливо виделись лишь солома на крыше, дерево под окном.

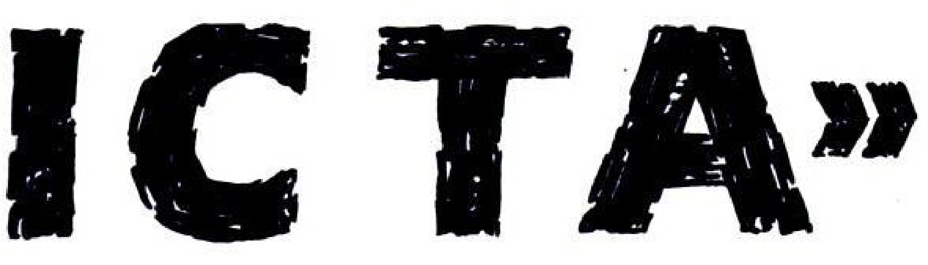
С дерева он перелезал на крышу, за что ему попадало. Крыша была мягкой и скользкой. Вечерами мать пригоняла с лугов корову. Доила и давала Саше молоко. Вот и все.

В школе с ними обходились хорошо. Ребятам внушалось, что русский народ находится под игом коммунистов. Рассчитанно и продуманно вливали яд в детские души, растлевая и развращая их.

Из питомцев школы готовились разведчики для подрывной работы на территории Советского Союза. Их обучали не только искусству шпионить, добывать важные секретные сведения о нашей стране, убивать и совершать диверсионные акты. Наряду с другими предметами им преподавали русскую литературу, заставляли изучать советское искусство, читать советские книги. Разумеется, все это преподносилось под антисоветским соусом.

В школе обучалось восемь мальчиков. Видимо, руководитель школы в прошлом увлекался

астрономией. Своих учеников он называл «Созвездием Гончих Псов». Может быть, он рассчитывал, что они действительно станут звездами американской разведки?

Они русские. Им не нужно осваивать фонетические особенности языка, и они нерусские, они будут воспитаны как космополиты. Для них родина будет там, где им лучше. Но нельзя убить в них, что они русские. Нельзя. Кому неизвестно, что существует болезнь ностальгия? Тоска по родине. Не надо убивать эту болезнь. Пусть любят, пусть тоскуют по родине, но не по той родине, какой она предстанет перед их глазами, когда они будут заброшены на территорию Советского Союза.

Воспитание «гончих псов» шло в спартанском духе. Спорт, физические упражнения, занятия и занятия без ненужных отвлечений. В школе было множество спортивных игр, не было карт, не было игр на деньги.

Эклектическая система воспитания, состоящая из заимствований. Все в ней перемешалось. И спартанская школа, и софистика древних, и философские школы последнего времени. От «гитлерюгенд» — идея сверхчеловека. Сверхчеловек представлялся дикарем с развитыми мускулами и умением убивать. Но этого недостаточно, нужна и острая мысль. Разведчик, не умеющий мыслить, не мог быть настоящим разведчиком. «Гончих псов» (так они стали называться в отчетных документах школы) обучали игре в шахматы, развивая у них гибкость ума, расчетливость, логику. Один из руководителей Центрального разведывательного управления, он же шеф школы, некто Шелинг, намеревался забросить «гончих псов» на территорию Советского Союза на многие годы, а может быть, и на всю жизнь. Они должны будут вжиться, может быть, даже обзавестись семьей. Им нужен огромный идейный запас для противостояния окружающему.

В школе курсанты пользовались вещами только советского производства — одеждой, обувью, авторучками, тетрадями. А тот, кто подбирал все это для них, имел твердую установку подбирать самое худшее, самое устаревшее.

Лишь в воскресенье, в день отдыха, курсанты могли пользоваться своими личными вещами, своей личной одеждой. Но это было все самое лучшее, что могла предоставить промышленность Соединенных Штатов.

В общем-то, если бы не разведывательные цели этой школы и не особая идеологическая, насквозь антисоветская обработка ее учеников, она могла бы поспорить с солидными учебными заведениями. Ее ученики изучали современную физику, химию, философию, историю и специальные дисциплины. Много времени отводилось обучению радиоделу, умению пользоваться радиопередатчиками, шифрами, а также ядами и оружием.

Дакин вышел из школы со знанием нескольких европейских языков. Русский, немецкий и английский он знал в совершенстве. Мог понимать разговорную речь и свободно читать по-французски.

По окончании школы Дакин под видом немецкого студента совершил несколько туристических поездок по Советскому Союзу. Никаких разведывательных заданий ему тогда не давалось. Он должен был изучить обстановку, присмотреться к советской действительности, к порядкам, практически изучить географию страны. Первый раз он проехал на автомобиле со своим напарником по школе через Брест на Минск, из Минска в Москву. После осмотра столицы они отправились на юг. Доехали до Ялты, купались на ялтинских пляжах и вернулись через Ленинград и Хельсинки.

Другой раз он совершил поездку в туристской группе на общедоступных средствах транспорта: на самолетах, на поезде, на автобусах. Побывал в Киеве, в Тбилиси, в Харькове, осмотрел московские и ленинградские музеи.

Агент, который его встретил на пляже, был незначительной вехой на его сложном пути в сердце страны. Он снабдил его советскими документами на имя Родина, документами более надежными, чем те, которые Родин получил перед заброской, и они разошлись, чтобы никогда не встретиться.

Родин доехал на попутной грузовой машине до Зеленого Гая. В Зеленом Гае пересел на автобус местного значения, проехал еще тридцать километров.

Дальше он пошел пешком. На свободном прогоне он сел в грузовую машину. Потом еще раз сменил грузовик на автобус, доехал до Днепропетровска, там сел на поезд.

Эти сложные пересадки нужны были ему, чтобы удостовериться, не установлено ли за ним наблюдение. Наблюдения не было.

Вечером сел на поезд Москва — Ленинград. Выспался в вагоне, погулял по Ленинграду и ночным поездом выехал в Москву.

Шелинг, руководитель всей операции, не рекомендовал Родину пользоваться гостиницами. Особенно первое время, пока не устроится на работу.

Несколько дней Родин ездил по Подмосковью в поисках работы. Отсыпался в поездах Москва — Ленинград, Москва — Ярославль, Москва — Горький.

На подмосковных станциях изучал объявления о найме рабочей силы.

В ста с лишним километрах от Москвы нашел объявление. Совхозу «Пролетарский» требовались шоферы. Он явился в контору совхоза и предложил свои услуги. Его попросили принести трудовую книжку и права. Предъявить свои фиктивные документы, которыми его снабдила разведка перед заброской в СССР, он сразу не решился, опасаясь провала. Он решил выиграть какое-то время и пообещал приехать через несколько дней. Заведующий отделом кадров снизил тут же свои требования. Не нужно трудовой книжки, и прав пока не нужно: садись за руль. Родин отработал два дня, не оформляясь, привел в восхищение заведующего гаражом своими познаниями в машинах, своей трезвостью, мастерством вождения. Ему предложили возить на легковой машине директора совхоза. Родин дал согласие.

Шли день за днем, неделя за неделей. Все было тихо. У Родина укреплялась убежденность, что его легализация прошла успешно.

«ПРИНЦ С КОРАЛЛОВЫХ ОСТРОВОВ»

Кораллові острова... Разве есть такие? Где, в каком океане, какие их омывают моря?

Сказку о коралловых островах Саша Корсунская услышала от своей тетки, сельской учительницы в глухом уголке на рязанской земле.

Марья Николаевна Корсунская была дочкой священника. Но священник был не из тех, которые воспитывали из дочерей глупых и откормленных поповен. У него было четыре дочки, и он с малолетства приучал их к работе. Стали постарше — отправил в губернский город, в женскую гимназию. Жизнь раскидала их по русской земле.

Маша Корсунская была младшей и самой красивой. Старшие замуж повыходили, младшая осталась вековухой. Вот уж чего отец не ожидал. Красавица, умница, гимназию окончила с отличием, пробилась на женские высшие курсы, жила в Москве, а потом все бросила и уехала учить ребятишек в деревню. Думал он об ее судьбишке, собирался потолковать с ней, отговорить, но тут грянула революция, закрутилась гражданская война, жизнь надвое переломилась, опоздал толковать.

Марья Николаевна Корсунская начала свое учительство в рубленой четырехстенке, где урок приходилось вести сразу для четырех классов. После революции, когда все переменилось, под школу отдали барский дом. И парк барский тоже отошел к школе.

Сам барин был помещиком не из богатых, но женился на богатой купеческой дочке. На денежки тестя — молва ходила, что у тестя были несчетные миллионы,— отстроил дом перед самой войной с Германией.

Строил по капризу своей души. Закинул дом на крутой и голый бугор на обрывистом берегу над Окой, двухэтажный дом с зимним садом, с мощеным спуском к реке.

Ока здесь делала замысловатый зигзаг. Она накатывала с севера на край обрывистого берега песчаные отмели, ударившись о песчаниковую хребтину бугра, резко разворачивалась и уходила на восток, огибала твердые грунты и, вновь прорвавшись в луговые размахи, уползала змеей на северо-запад.

Тремя коленами сверкала она в лугах с бугра. Песчаные ее забереги плавно переходили в густые травы.

Помещик средней руки, так внезапно разбогатев, задурил. Развел псовые охоты, в праздничные дни заманивал пряниками и водкой соседних деревенских жителей на хороводы. Любил он спать под дождем. А когда дождя не было, в послеобеденный час выгонял наемных девок кропить крышу мокрыми березовыми вениками.

Дом о двадцати восьми комнатах пригодился для школы.

Первые годы после гражданской войны Марья Николаевна заведовала школой, а потом прочно осела учительницей начальных классов: малыши остались ее вечной слабостью. Своих не было. Ее сестры без стеснения подкидывали погостить своих детишек. Жили у нее племянники и племянницы годами. А племянница Саша — Санечка, как ее звала Марья Николаевна,— провела у нее и детство и юность.

Ее мать рано овдовела, вышла второй раз замуж. Неудачно. И пока ссорилась, расходилась и опять сходилась с мужем, Саша жила у тетки. Редко кому попадает в начале жизни такая ласковая и вместе с тем жесткая рука, такой советчик, рассказчик и мечтатель.

Барские липы со временем разрослись и одели тенистыми кронами опаленный солнцем бугор. И бугор ожил. Забили из-под земли ключи. Марья Николаевна оберегала каждое деревце, знала каждое гнездо в этом парке и сумела сделать так, что все окрестные мальчишки из разорителей гнезд сделались их сторожами.

Детство Саши прошло в сказочном мире, где фантазия мешалась с действительностью. Когда Саша подросла и наступило время беспокойных чувств, Марья Николаевна ей начала рассказывать сказки о любви. Были ли это сказки или бывальщины, трудно различить.

Саша как-то спросила свою тетку, почему та не вышла замуж.

Марья Николаевна никому и никогда не отвечала на этот вопрос. Своей Санечке, своей воспитаннице, которая была для нее все равно что дочь, она ответила.

Сначала ответила загадкой, очень туманно, полунамеком:

— Я ждала всю жизнь принца с коралловых островов, Санечка!

Они гуляли с Сашей по парку. Была весна, и даже при свете дня перекликались соловьи: «Где мой ключик, где мой ключик?»

— Принц? А разве обязательно принц? — спросила осторожно Саша, боясь потревожить начало сказки.

— Принц с коралловых островов обязательно, Санечка! Именно с коралловых островов! Их нет нигде в океане, и они не отмечены ни на одной из карт мира. Их не нашли, Санечка, хотя ищут, всю жизнь ищут. А ты знаешь, почему их не могут найти?

— Наверное, туманы и рифы мешают? — отозвалась Саша.

— И туманы и рифы... И ветры тоже! А главное, Санечка, кораллы живут и движутся. И, когда приближаются к островам корабли из нашего мира, кораллы оживают и уводят острова от кораблей. А на островах живут те самые люди, Санечка, которые давно живут среди нас, но которых мы не видим и не слышим... Но мы их знаем. Мы их знаем в лицо, мы даже с ними разговариваем! Разве ты не знаешь Дон-Кихота, рыцаря Ламанчского? Знаешь! Ты еще не встретилась с Гамлетом, принцем Датским. Но ты уже досадовала на Онегина за то, что он прошел мимо своего счастья и отвернулся от Татьяны Лариной. Ты скакала на коне вместе с Русланом и с замиранием сердца следила за его схваткой не на жизнь, а на смерть с Головой. Ты поняла, о каких я говорю людях?

Саша кивнула головой. Она затаила дыхание и словом не хотела вспугнуть готовящееся признание.

— Были люди, были встречи, Санечка...

Они остановились у спуска к реке. К реке сбегала молодая березовая рощица. Березки насажены школьниками, учениками Марьи Николаевны. Где-то затерялась в белых стволах и Сашина березка, которую она посадила в первый день своего приезда к тетке. Посадила! Что она тогда могла посадить? Ей было три года. Тетка привела ее в посадки, вырыла ямку. Саша опустила в ямку корни саженца. А потом его поливала и твердила: «Люля чай пьет...»

— Не бывает жизнь, Санечка, такой прозрачной, как стволы этих березок. Принц с коралловых островов не явился, а до островов далеко, я боялась бурь на море, так и не поплыла на поиски принца. Это княгиня Волконская пошла в сибирские рудники. Не у каждого такой характер! Я ждала, когда меня найдут. Не нашли...

— А ко мне придет принц?

— Придет, Санечка...

Саша не дождалась принца. Забыла сказку, рассказанную ей под тоскливый и ищущий переклик соловьев: «Где мой ключик, где мой ключик?»

Она вышла замуж, как ей казалось, по любви. Она была тогда студенткой, он тоже был студентом. После свадьбы они заехали к Марье Николаевне. Она их обласкала, назвала своими «юнцами-птенцами». Год спустя они ее похоронили на обрыве, на краю березовой рощи. Такова была ее воля. Не на кладбище, а над Окой, на бугре. «Хочу слышать птиц, когда закрою глаза. Полетят весной гуси, гортанно откликнутся им журавли. Буду слушать своих соловьев. Они все мои. Одни и те же прилетают к нам и все те же, но и все разные поют нам песни».

У Саши родилась девочка. Она назвала ее Марьей. А еще год спустя убедилась, что муж ее совсем не похож на тех людей, которые живут на коралловых островах. Разошлись. Без обиды, без горьких слез. Саша окончила Тимирязевскую академию и уехала работать в совхоз агрономом. Сказки сказками, а жизнь жизнью. Звали ее в село над Окой. Не поехала: слишком тяжело ей было бы жить рядом с самой дорогой могилой.

Директор совхоза Иона Захарович Малин встретил Сашу душевно. Отдал под ее ведение совхозные сады и не оставлял ее наставлениями. А через год совхоз построил ей дом в садах. Все успокаивается и становится со временем на место. Мать ее оставила работу, вышла на пенсию и жила с ней возле внучки. Теперь уже Сашу спрашивали: почему же она не замужем? Такая красивая, молодая женщина. Неужели век одной вековать? Саша уходила от этих разговоров, указывая глазами на дочку: «Она моя радость, она моя жизнь!»

Однажды Малин позвал ее к себе в кабинет и сказал, что у него есть к ней большая просьба. Он долго мялся, чтобы выговорить эту просьбу. А просьба-то оказалась не ахти какой трудной.

— Взяли мы на работу в совхоз хорошего человека! — сказал Малин.— Отличный специалист... Да вот, боюсь, уйдет, если не понравится у нас. Ты знаешь, как трудно с настоящими-то специалистами. Он пока поработает шофером, потом мы его оформим механиком. Машины знает! Все умеет. И водку не пьет. Где-то его, видно, жизнь прижала. Я особенно не лез к нему в душу. Всякое бывает. С квартирой не знаю как быть! Дом отстроим — ему квартиру в первую очередь. У вас дом большой, вы вдвоем с матерью, дочка еще до стола не доросла. Пустила бы его поквартировать на некоторое время? Никаких забот! Упаси бог! Был бы человеку угол, и чтобы чистый угол, и люди хорошие возле... Кто он? Родин его фамилия...

Саша даже рассмеялась. Для такой просьбы не нужно длинного вступления.

Вечерело. Над садами плавала сизая дымка. Маленькая Маша пекла из песка пироги у крыльца дома. На нее упала тень. Она подняла голову. Рядом стоял высокий светловолосый человек. В одной руке у него был небольшой чемодан, в другой — соломенная шляпа.

Маленькая Маша важно посмотрела на него и указала на дверь.

— Это вы дядя Родин? Мама вас ждет. Она дома.

— А ты меня пирогом угостишь? Я весь день ездил и не успел пообедать...

— Они у меня понарошку! — сказала виновато Маша.— Их не едят.

У дяди голубые глаза, как небо. Говорит смешные вещи, а совсем не смеется. Маша и сама была готова поверить, что пироги из песка можно есть.

— Дай пирожок! — сказал дядя.— Я съем. Я из песка пироги люблю.

Машенька протянула ему формочку с пирогом из сырого песка. Дядя взял формочку, поднес песок ко рту и начал его есть. Маша широко раскрыла глаза. Песок из формочки исчезал во рту у дяди, и даже хруста песка на зубах не было слышно.

На крыльцо вышла Саша и остановилась. Немного сентиментальной показалась бы ей картинка, как дочка кормит гостя пирогом из песка, если бы не было все так забавно.

— Мама! — крикнула Маша.— Покорми скорее дядю. Он песок ест!

Родин с серьезным видом поблагодарил девочку и встал.

— Здравствуйте! — сказал он.— Родин Григорий Иванович! Не успел порога переступить, а пирогов уже отведал. Она у вас мастерица. Глядите, какие вкусные пироги печет!

— Они совсем невкусные! — запротестовала Маша.— Мама делает вкусные! Она и сегодня пирог испекла...

Родин развел руками.

— Сразу все секреты на стол!

Родин пожал Саше руку. Твердое, уверенное пожатие. Сильные пальцы, нелегкая рука.

— Заходите, мы вас ждали...

Родин поднялся на крыльцо и остановился у порога.

— Мне сказали, что вы ждете. Я не хочу ничем вас обременить. Откровенно! Я очень вас стесню? Я мог бы перебраться куда-нибудь и поскромнее. Это Иона Захарович так распорядился... Я простой человек: и в шалашах и в стоге сена привык ночь коротать.

— Заходите! — сказала Саша.

Антонина Николаевна, мать Са́ши, накрыла стол и поставила чай. Родин не отказывался. Он принял приглашение к столу и нашел прекрасную формулу, как поблагодарить за приглашение. Он похвалил заварку чая. Он наслаждался чаем. Он выпил три стакана и съел большой кусок пирога.

— Вы бывали в Москве? — спросила гостя Антонина Николаевна.

— Я вообще много ездил,— ответил Родин.— В Москве был недавно. Сейчас там жарко и душно.

Антонина Николаевна попыталась завести разговор об искусстве. Она очень любит Третьяковку. Ходит туда по крайней мере раза два в месяц. И если случится не побывать дольше, то чувствует себя как бы опустошенной.

Антонина Николаевна рассказывала Родину о Третьяковке. Но ее рассказ был поверхностным, ее восприятие картин выглядело наивно, это были больше эмпирические впечатления, чем знание русского искусства. Родин дважды ее поправил, уточнив детали, опровергнув ее суждения. При этом он очень внимательно следил за ее реакцией и за реакцией Саши.

Он заметил удивление у Антонины Николаевны. Значит, он что-то сказал, что не соответствует его общественному положению, его предполагаемым знаниям: он все же простой шофер.

Но вместе с удивлением у Антонины Николаевны пришло и нечто другое. Вдруг изменился ее тон с ним. Она стала осторожнее в своих высказываниях, появилась уважительность. Он приметил и засветившееся любопытство в глазах у Саши.

Он сказал нарочно парадоксальную вещь. Сказал, что из всей Третьяковки ему больше всего нравится Андрей Рублев.

Антонина Николаевна тут же сказала в ответ, что ее отец был сельским священником. У них в селе была небольшая церквушка. Она была украшена прекрасными иконами. Сломали церковь, а иконы выкинули или сожгли.

— Когда рушат храмы, кто же думает о деревяшках! — заметил Родин.— Революция!

Можно было бы втянуть эту старуху в более значительный разговор, но Родин помнил категорическое указание Шелинга — никогда и ни при каких обстоятельствах не заводить бесед критического характера. Только хвалить советские порядки, при любых условиях хвалить.

Встали из-за стола. Саша провела Родина в его комнату.

Щитовой стандартный дом. Широкие, светлые окна. Окно распахнуто. К подоконнику протянула свои ветви яблоня.

В перекличку щелкали в кустах соловьи. Медленно, как бы даже нехотя опускались сумерки. Саша зажгла свет.

— Живите,— сказала она Родину,— сколько надо... Мы вас беспокоить не будем. Это была моя комната. Я кое-что убрала, но книги, я думаю, вам не помешают. Если вам не нужен письменный стол, я его вынесу.

Родин признательно склонил голову. Такой поклон? Для Саши ее гость сделался сплошной загадкой.

Родин погасил свет, разделся и лег в кровать. Первый ночлег не на колесах, не в поезде, не в заячьем положении.

Страшные часы для разведчика, часы сна. Погружение в небытие, полная беспомощность. Но надо же спать. Даже заяц, когда его гоняют собаки, присаживается отдохнуть, вслушиваясь в их голоса. Но теперь-то можно немного ослабить напряжение, заснуть...

Запахи, забытые с детства, запахи антоновки.

И люди славные. Старушка как бы сошла со страниц книг, которые приходилось читать Родину о России. Саша — сдержанная молодая красивая женщина. У нее прямой и четкой линии нос, маленький рот и нежные губы. Краски ее лица смазал густой загар, чуть подгорели черные брови, сломанные посередине угольничком. В том мире, откуда приехал Родин, женщины ее возраста давно не носят кос. В Москве Родин тоже не видел женщин возраста Саши с косами. Две длинные косы сбегают на ее плечи. Что-то от иконописи в этой прическе. Что-то! Но именно так носила волосы и его мать. Родин вспомнил это, когда увидел Сашу на крыльце. «Россия!» — так он сказал себе в ту минуту... Оплаканная его матерью страна.

Пахло из сада антоновкой.

Сна не было. Родин встал и подошел к окну.

Светился звездами темный провал неба. Там, где черпала тьму своим объемным ковшом Большая Медведица, разбежались в разные стороны мигающие звездочки созвездия Гончих Псов. Какая-то из этих мигающих звездочек и его судьба? Небо России. Оно безмолвно смотрит на землю и на его жизнь... Жизнь?

Право, он мог бы быть доволен своей жизнью, по тем, конечно, представлениям, которые утверждались в школе. От разведчиков никогда не скрывали, что придет час и им придется пересечь границу Советского Союза и начать нелегальную жизнь. Там учили, что самое трудное — это первые дни. Если заброска будет совершена мастерски, если заброшенный через границу сумеет уйти от наблюдения, то он может себя считать в безопасности.

Это, конечно, преувеличение. В безопасности, Родин теперь это видел, он никогда не сможет себя считать на этой земле. Но и не надо. Не для спокойной жизни он себя готовил. В этой опасности есть своя романтика. Это даже интересно — вести поединок — один против многих. И мастерство, с которым он проделал свой первый круг, не могло не принести удовлетворения.

Он понравился хозяйкам, они были с ним откровенны, и у них не зародилось никаких подозрений.

Все хорошо... Все очень удачно складывается. И страха нет. А все же на сердце неспокойно... Что-то очень потускнела романтика. Не было ясно, от чего он должен освобождать Сашу и ее мать. От чего? Они нисколько не были похожи на несчастных и угнетенных.

А разве он, уже в роли советского человека, в роли рабочего, шофера, разве он почувствовал себя бесправным или обиженным?

Саша Корсунская и Антонина Николаевна... К какому же они принадлежат классу? Кто же они такие? Чему, скажем, соответствует положение Саши Корсунской в том мире, откуда прибыл Родин?

Положение фермера? Пожалуй, нет, фермером можно счесть директора совхоза. Саша Корсунская — квалифицированный сельскохозяйственный рабочий. Какими существующими порядками в стране может быть недовольна Саша Корсунская?

Это все вопросы и вопросы... И нет пока на них никакого ответа, ибо те ответы, которые подсказывались в школе, Родин уже чувствовал, не отвечали действительности.

Мексиканская симфония

Начало — на стр. 6.

Живоцки входит на просторную, огороженную железной сетной площадку. Берет молот, раскручивает — и молот летит. Летит долго-долго. Летит далеко. Где-то в пределах пятого броска Клима. Судьи замеряют бросок. Клим, не утерпев, идет к табло. Но, как в хорошем детективе, табло испортилось. Даже «Омега» не выдержала напряжения. Мелькнут какие-то электроточки и погаснут, а всем хочется знать, кто победил. Живоцки уже вышел из клетки. Уже натянул тренировочный костюм, а цифр все нет.

И вдруг они зажигаются.

73.36.

Новый олимпийский рекорд!

Всего на восемь сантиметров больше броска Ромуальда Клима. Всего.

Но это уже у замечательного венгерского спортсмена Живоцкого золотая медаль и первое место.

А потом они рядом стоят на трибуне и пожимают друг другу руки. И в этом пожатии заверение: соревнование между ними будет продолжено.

ЦИФРЫ НА ТАБЛО

Закончатся XIX Олимпийские игры. Отойдут в прошлое многие красочные их детали. Будут изучены самым тщательным образом секреты побед и причины неудач. Многие специалисты спортивной медицины, без сомнения, воспользуются особыми условиями, в которых проходили игры, чтобы создать фундаментальные исследования о влиянии высоты на человека. Все это в будущем, а пока перед нами стоит один человек, на которого высота влияла не меньше, чем на других, и который победил в высоту... и длину.

Уже мы писали о том, как итальянец Джентиле еще на предварительных соревнованиях установил мировой рекорд в тройном прыжке, но мы не знали тогда, как развернутся события в финале, не знали, что борьба прыгунов станет одной из самых жарких страниц Олимпиады.

Финал начался с того, что тот же Джентиле увеличил свой рекорд еще на двенадцать сантиметров и, казалось бы, доказал, что неуязвим, что сильнее всех и его соперники могут подписать акт капитуляции, даже не использовав положенных им попыток.

Но не тут-то было. В то время, как два следующих прыжка итальянцу не удаются, наш Виктор Санеев блестяще использовал свою третью попытку. Он только коснулся вытянутыми ногами песка, а стадион ахнул и обрушил на зеленое поле лавину аплодисментов. На табло вспыхнули четыре цифры: «17.23». Санеев на один сантиметр превысил результат Джентиле. Советский спортсмен претендует на золотую медаль...

И снова многие уверовали, что такой невероятный прыжок превысить невозможно. И четвертая попытка как будто бы это доказала.

У итальянца снова заступ. Не использует своей попытки и бразилец Пруденсио. Не может вырваться из шестнадцати метров Ю. Шмидт. Но уже через несколько минут стало ясно, что это была лишь перегруппировка сил. Пруденсио пролетел по воздуху 17 метров 27 сантиметров и, узнав о своем успехе, опьянел от счастья. И ему было от чего пьянеть. Ведь он уже без одной попытки олимпийский чемпион. И мировой рекордсмен. Когда-то на весь мир гремело имя его соотечественника Да Сильвы, с которым боролся советский спортсмен В. Щербаков. Теперь Да Сильву сменил Н. Пруденсио. Да, было от чего плакать и смеяться экспансивному, тоненькому, как подросток, бразильцу. А нам было от чего приуныть. В одно мгновение уплыла от нас золотая медаль. Трудно, почти невозможно собраться спортсмену для последнего шестого прыжка.

К этому времени мы пережили немало разочарований, но и не раз взмывали вверх. В этом одно из удивительных свойств спортивного зрелища. И сейчас, когда пишутся эти строки, мы не теряем надежду на лучшее будущее, хотя и понимаем, как тяжело приходится нашим спортсменам; их преследуют травмы и неудачи, но они продолжают борьбу с полным напряжением своих сил (малодушие А. Хлопотнова, прекратившего борьбу на своем этапе эстафеты, является, пожалуй, единственным исключением). И 23-летний Виктор Санеев — образец нашего спортивного будущего. Как прекрасно в нем слились и волевая молодость, и зрелое мастерство, и удивительная целеустремленность! Какие ему потребовались силы, чтобы, стоя на старте, на пороге своей последней шестой попытки, забыть о том, что на этих соревнованиях уже показаны четыре мировых рекорда и последний из них принадлежит бразильцу.

И Санеев забыл об этом, о том, что больше попыток не будет, что надо все уложить вот в этот прыжок, который он сейчас готовит...

Мы видели, как Санеев взял разбег, как он промчался по дорожке. И вдруг стотысячное «а-а-ах» прокатилось, как гром, над стадионом. И все, что мы увидели, продумали, услышали в эти минуты, сложилось в новые четыре огненно-сверкающие цифры на черной плоскости табло: «17,39»...

Так Виктор Санеев, молодой динамовец из Сухуми, только в прошлом году впервые появившийся на большой спортивной арене, который до этого дня никогда не прыгал дальше 16 метров 87 сантиметров, завоевал свою золотую олимпийскую медаль, а тот, кто первым попытался схватить ее — итальянец Джентиле, остался на третьем месте.

Ох, и азартная гонка идет в эти дни в Мехико! Борьба кипит такая, что не только у спортсменов, но и у зрителей не хватает сил. Сбиваются с ног обозреватели и фотокорреспонденты. С одним из фотолетописцев мы столкнулись на проспекте Инсурхентес. Он стремился на плавание, мы — на стадион.

— Ну, как тебе нравятся Олимпийские игры? — спросили мы фоторепортера.

— Отличное мероприятие,— сказал он,— если бы все так не гонялись за золотыми...— и, прервав свои мысли, кинулся куда-то в сторону. Через минуту он уже жадно снимал одного из олимпийских чемпионов.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ НЕДЕЛИ

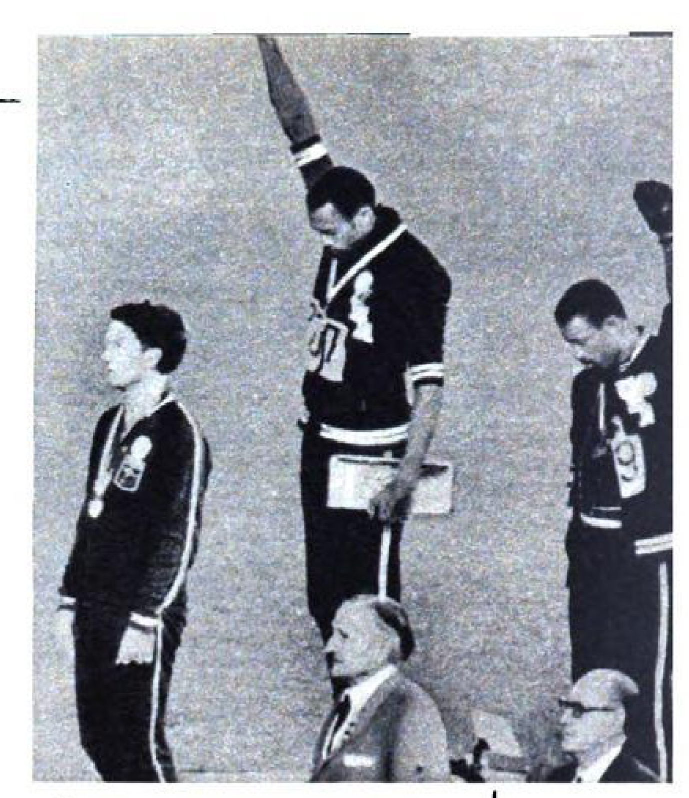
Для наших читателей это уже почти окончание Олимпийских игр. А нам еще целую неделю смотреть, метаться по различным спортивным сооружениям Мехико, набираться впечатления, наспех анализировать. Именно наспех, ибо еще придет время для вдумчивого анализа, размышления над причинами отдельных неудач спортсменов. Все это впереди. Подумать есть над чем. Одно, безусловно, ясно: в Мехико побеждали и победят сильнейшие. Победят те, кто оказался отлично подготовленным к потрясающей, напряженнейшей спортивной борьбе.

Не так все здесь было гладко, не так безоблачно. В раскаты Мексиканской симфонии вплелись трагические ноты. Одним из условий проведения Олимпийских игр является невмешательство во всякие политические дела и события. Надо отдать должное хозяевам Олимпийских игр: они делали все для того, чтобы это условие было соблюдено. И они не повинны в том, что отголоски расовой дискриминации негров в США докатились и сюда, в Мехико.

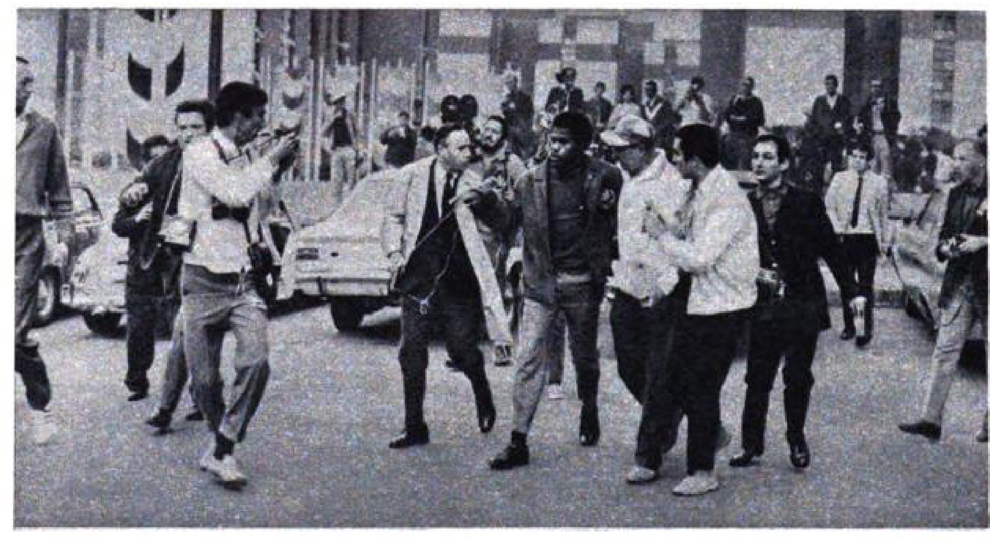
Мы с восхищением смотрели на замечательных спортсменов — американских негров, принесших в легкой атлетике львиную долю золотых медалей команде США. Но вот мы увидели, сначала на стадионе, на трибуне почета, причем дважды, а затем в газете стоящих на трибуне Ли Эванса, Ларри Джеймса и Рональда Фримена в черных перчатках. Это был их протест против расовой дискриминации в США. А ниже в этой же газете помещен снимок «выдворения» чемпиона XIX игр Томми Смита из олимпийской деревни по решению руководителей спортивной делегации США. Его ведут под руки суровые дяди в шапочках, на которых значки команды США...

Мы сидели на стадионе рядом с американскими журналистами, когда спортсмен из США Боб Бимон установил феноменальный рекорд по прыжкам в длину — 8,90 метра. Стадион бушевал. Овации гремели, перекатывались от трибуны к трибуне, а наши соседи сидели с непроницаемыми лицами. Как же, Боб Бимон — негр.

Кончатся XIX Олимпийские игры, отбушует стадион, но этот эпизод навсегда запомнится.

Протест негров-спортсменов против расизма в США. Золотой медалист, установивший в беге на 200 метров новый мировой рекорд — 19,8 секунды, Томми Смит (в центре) и Джон Карлос, обладатель бронзовой медали (справа).

Алабама в олимпийской деревне. На снимке — один из двенадцати негритянских спортсменов, исключенных из команды США за протест против расизма.

У них есть дом. Небольшой дом, но в какой-то мере этот дом отвечает и европейским стандартам. А много ли нужно на семью из трех человек? Три комнаты. Кухня. Веранда. При домике сад. Этот дом мог бы быть и больше. А зачем? Чего им здесь не хватает? Для обычной жизни у них все есть...

Родин впервые задумался над тем, что такое потребности человека. Его заработок стоит, конечно, вне сравнения с заработком этой семьи. Но и его профессия — необычная профессия, и все, что он имеет, призрачно и непрочно. А зачем же ему все, что он имеет? И на этот вопрос ответа не подберешь. Что-то в нем сломалось. Он это почувствовал, еще ни в чем себе не признаваясь...

Время шло, и все более странные мысли и чувства овладевали Родиным.

Саша Корсунская приглянулась Родину, он поймал себя на том, что излишне часто думает о ней, что с нетерпением ждет окончания рабочего дня.

Ее облик не разрешал думать о ней вольно. Вокруг нее создавалась та самая запретная зона, о которой предупреждал его Шелинг. «Ищите легкости в отношениях»,— говорил он своим подопечным. Здесь все сулило трудности. Ничего на минуту, все надолго, ничего на поверхности, все в глубину.

У Родина раскрывались в характере свойства, которых он за собой не подозревал. Он был всегда равнодушен к детям, он никогда не думал о них. Ему вдруг сделалась приятной Машенькина ласка, его радовало, что она ждала его возвращения с работы; в ее внешне несвязном лепете он научился улавливать смысл.

Родин срезал две тонкие и гибкие орешины. Купил в сельмаге рыболовные лески. Сделал удочки. Это по просьбе Машеньки. Он никогда не занимался ужением рыбы. Что бы сказал Шелинг, увидев своего агента на берегу пруда в совхозном саду рядом с девочкой?

Он вживался в совершенно ему неизвестный и незнакомый мир. Незнакомый, но не чужой. По обрывкам, по пунктирным линиям память восстанавливала для него мир его родины. По запахам, по окраске закатов, по какой-то отчетливой вдруг картинке возвращалось забытое детство...

Саша рассказывала ему о своей жизни, о своем детстве в деревне, о своей тетке, о своих сегодняшних заботах.

О! Он, конечно, мог в ответ ей рассказать множество интересных вещей. Но не рассказывал. Запретная зона. О себе он помалкивал, сводил разговор на общие темы.

У Родина были припасены на всякий случай легенды о его жизни. Мог выбрать любую, которая больше подходила бы к обстановке. Но он предпочитал с Сашей молчание. Он не мог ей лгать.

Шло время. Между ним и Сашей протягивались незримые, но ощутимые нити сближения. А тут подошло и торжественное и вместе с тем грустное событие в совхозной жизни.

Иона Захарович Малин вышел на пенсию. В совхозном клубе заседание. Тридцать пять лет работы в совхозе. Со дня основания. Речи. Подарки старику. Охотничье ружье, чтобы было чем занять пенсионный досуг, рыболовные снасти, огромные кабинетные часы, чтобы не забывал о времени, и множество прочих вещей и вещиц.

После торжественной части Малин пригласил некоторых работников совхоза к себе домой на ужин.

Пригласил и Родина. Родин очень этому удивился. Какой же он друг директору совхоза? И работает без году неделя. Шофер! Совсем неровня такому крупному начальству. Но на вечере Родин обнаружил, что из рабочих не только он приглашен к Малину.

На вечере все было просто, легко, никто не чувствовал себя стесненно, хотя собраны были самые разные люди. Присутствовал и секретарь райкома партии. Человек, который завтра, в один день, мог стать, по понятиям Шелинга, генерал-губернатором области. Ничего в нем замкнутого, олигархического Родин не приметил. Он держался так же просто, как и другие. А когда зашла речь о хозяйстве района, говорил столь же критично, как говорила и Саша.

«Это что же,— подумал Родин,— против этого человека я должен поднять всех, кто сидит в этой комнате? А как же их поднять, когда он такой же, как и они? О какой «революции» мечтает Шелинг? Нет, что-то здесь не так. Не очень-то там знают здешнюю обстановку».

Но Родин не забывал ни на минуту, кто он и зачем здесь оказался. Он должен сообщить о своих наблюдениях Шелингу. Но Родин уже чувствовал, что, если он сообщит, что видит, Шелинг не будет в восторге. Но эта правдивая информация поломает расчеты тех, кто верит, что советское общество разрывают классовые противоречия. Верят? А может быть, те, кто посылал его, не верят в то, в чем его убеждали? Иначе он может счесть их просто невеждами...

Продолжение следует.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Альпийская фиалка. 8. Предмет, выставленный в музее для обозрения. 9. Украинский поэт и философ XVIII века. 10. Пчеловодное хозяйство. 11. Административный центр в Италии. 13. Овощное растение. 15. Промысловая рыба семейства тресковых. 17. Созвучие окончаний слов. 19. Русский литературный критик и публицист. 20. Город в Эстонской ССР. 21. Глубокая крутосклонная рытвина. 23. Русский флотоводец. 28. Трагедия Шекспира. 29. Огнестойкий минерал. 30. Советский химик, академик. 31. Войска, расположенные в городе. 32. Оркестровое произведение.

По вертикали:

1. Телевизионная трубка. 2. Синтетическое волокно. 3. Лабораторный сосуд. 4. Артист цирка. 5. Деталь очков. 6. Духовой музыкальный инструмент. 12. Искусство приготовления пищи. 13. Государство в Африке. 14. Советский живописец, автор картины «Прачки». 16. Пушной зверек. 18. Опера-балет Н. А. Римского-Корсакова. 20. Учреждение связи. 22. Порт в Швеции. 24. Название первой печатной книги в России. 25. Японский остров. 26. Соцветие у растений. 27. Река в Южной Америке.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 43

По горизонтали:

3. Серебро. 7. Беллетристика. 9. Легар. 11. Лапта. 13. Клоун. 15. Мнишек. 16. Каркас. 17. Альмавива. 20. Битюг. 22. Щукин. 23. Турин. 24. Плутарх. 26. Венера. 27. Попона. 28. Крашенинников. 29. Деление.

По вертикали:

1. «Теремок». 2. Еруслан. 4. Абхазия. 5. Загадка. 6. Пресмыкающиеся. 8. Естествознание. 10. Почтамт. 12. Мегафон. 14. Малахит. 18. Макеевка. 19. Терапевт. 20. Бельведер. 21. Гортензия. 25. «Тени».

Обложка работы художников Э. Арцруняна и В. Сачкова.

В номере помещены снимки АПН, Фотохроники ТАСС и фотокорреспондентов И. Агафонова, Дм. Бальтерманца, А. Гостева, И. Гричера, С. Коротнова, В. Кругликова, Н. Кунсова, М. Савина, С. Фридлянда, И. Шагина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

Сдано в набор 8/X-68 г. А 00490. Подписано к печ. 22/X-68 г. Формат бум. 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 010 000 экз. Изд. № 1810. Заказ № 2857.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

1

В эти дни советские спортсмены-олимпийцы выходят на старты в далеком Мехико.

Их родные — дома. Они волнуются и ждут. Они от всего сердца желают своим большого успеха.

Не правда ли, читатель, мы с вами тоже присоединяем свои самые горячие пожелания:

— Пусть наши вернутся с победой!

Побываем в гостях у тех, кто ждет.

1 Это Сережа Куренцов. Его отец стал олимпийским чемпионом. А у сына это еще впереди!

2 — Может быть, покажут папу?.. В семье Игоря Тер-Ованесяна.

3 Наверное, Игорь не прочь, чтобы эта красивая медаль отца, волейболиста Георгия Мондзолевского, была его собственной.

4 — За папу!.. Маленькая семья пятиборца Эдуарда Сдобникова: жена Мария и сын Сережа.

5 Они должны были лететь в Мехико вместе — ватерполист Борис Гришин и трижды олимпийская чемпионка, знаменитая наша фехтовальщица Валентина Растворова. Но она готовится стать матерью...

6 Альбом спортивной жизни гимнаста Виктора Лисицкого на попечении близких. Скоро будут новые страницы из Мексики. Татьяна Лисицкая и дочка Оля.

Фото А. БОЧИНИНА.

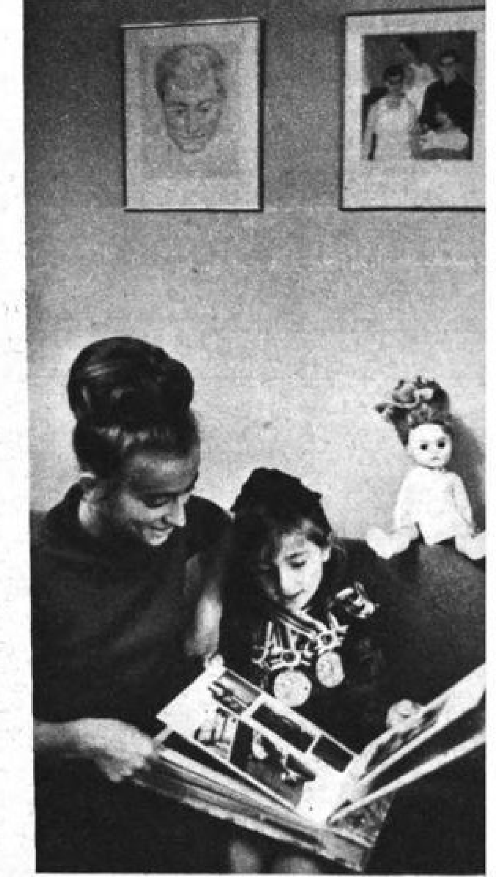
2

3

4

6

5

Цена номера 30 коп.